

И аз воскришд егѡ въз послѣдній днѣ.

Отъ Иоанна гл 6 ст 44.

Z $\frac{44}{50}$
Книга Русской
СКОРВИ

Z $\frac{44}{50}$

~~44~~
~~50~~

Книга Русской Скорби.

ИЗДАНИЕ РУССКАГО НАРОДНАГО СОЮЗА ИМЕНИ
МИХАИЛА АРХАНГЕЛА.

Томъ третій.

„Они не будутъ уже ни алкать,
ни жадать и не будутъ палить
ихъ солнце и ни какой зной: ибо
Агнецъ, который среди престола,
будетъ пасти ихъ и водить ихъ на
живые источники воды, и отреть
Богъ всякую слезу съ очей ихъ“.

(Апокалипсисъ Гл. VII,
стихъ 16 и 17.)

~~48~~
~~17~~
ПРОДАНО

Лито-диптографія
СПБ. Невскій

1909.

Т-ва „СВѢТЬ“
просп. А 17

2007238120

* * *

Паль богатырь!.. На пиръ кровавый
Рать злобныхъ недруговъ бѣжить...
Прочь воронье!.. Орель двуглавый,
Орла безсмѣнно сторожить!

* * *

Гляди! Обвилъ его крылами,
Лелѣя блѣдное чело...
Не плачь!..—не плачуть надъ орлами...
Ложится сумракъ надъ полями,
Черня орлиное крыло...

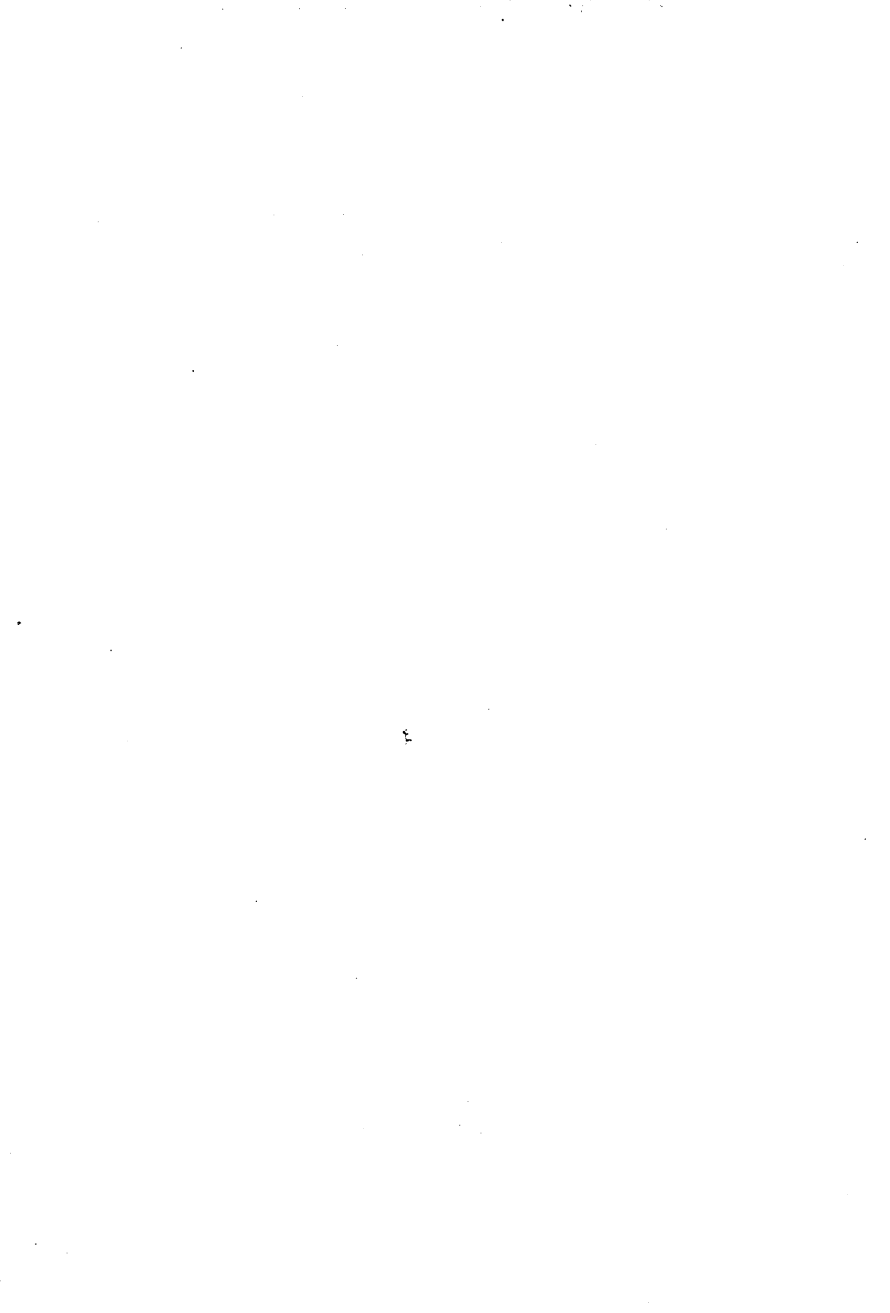
* * *

Не плачь... Припагъ къ землѣ кровавой
Орель крыломъ не шевельнетъ...
Но день придетъ, обвитый славой,
И взмоетъ въ высь орель двуглавый
Зальетъ поля огнемъ и лавой!
Молчи!.. и жди... заря придетъ...

В. Шульгинъ.

12 Марта 1909 г.

Храмъ-памятникъ „Русской Скорби“,

сооруженный почетнымъ членомъ союза Михаила Архангела Иваномъ Андреевичемъ Колесниковымъ, въ Москвѣ на Ходынскомъ полѣ въ молитвенную память о жертвахъ, погибшихъ въ дни революціонныхъ на Руси смуть (освященъ 5 Апрѣля 1909 г.).

Храмъ-памятникъ „Русской Скорби“.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Они умирали, они погибали во всѣхъ концахъ великой Родины своей, Россіи, по одиночкѣ; они умирали, знатные и простые, богатые и бѣдные, сильные и слабые, извѣстные и никому не знакомые, они умирали слугами долга, каждый на своемъ посту за Вѣру, за ЦАРЯ, за Отечество, оберегая родныя святыни отъ темныхъ силъ русскаго подполья, въ тяжелые годы жизни, Россіи выплывшихъ наружу, для растлѣнія русскаго духа, для раздробленія на части дѣдами и прадѣдами нашими собранной Руси, для гибели ея на вѣки!

Они умирали! Забытыми могли остаться имена мучениковъ родной земли. Что напоминало-бы русскому обществу, кто отстоялъ Россію единою въ горькіе дни пережитой смуты? Кто перечислилъ бы, кто назвалъ бы эту цѣпь именъ ихъ дѣтямъ, внукамъ и правнучкамъ нашимъ? Они исчезли бы. Одинокія, разрозненныя, русскія семьи, каждая сохранила бы у себя воспоминаніе о своемъ погибшемъ, но Русь грядущихъ поколѣній осталась бы въ невѣдѣніи незамѣтныхъ героевъ долга и не вѣнчалъ бы даже скромный, деревянный крестъ, высокій холмъ надъ ихъ общею, братскою могилою!

Но не будетъ этого!

Уходятъ дни, года ндутъ,
Неумолимъ законъ природы
Надъ ратью, павшихъ тамъ и тутъ,
Надъ ихъ могилами кладутъ
Забвенье молодые годы!
Въ туманѣ уходящихъ лѣтъ
Геройскихъ дѣлъ тускнѣетъ пламя,
Но зарости не можетъ слѣдъ

Къ борпамъ, друзья, за наше знамя:
Въ Первопрестольной дивный храмъ,
Взойди въ него, увидишь тамъ
Слѣды именъ подъ куполами,
Не плачь, скорбя перекрестись,
Прочти ихъ молча и учись,
И поучайся ихъ дѣлами.
Не многосложные они,
Не миръ ихъ чуждый намъ замѣтить.
Запомнимъ ихъ лишь мы одни,
Для коихъ правда искони
Изъ глубины столѣтій свѣтитъ;
Ту правду чуй и храня,
Ее во вѣкъ не хороня,
Перенесемъ къ сынамъ и внукамъ,
Какъ пламя дивнаго огня
Для назиданья близорукимъ,
Она жива, ей умереть
Дадутъ ли силы молодыя?
Нѣтъ, никогда!—она—Россія
И родники ея живые
Должны столѣтьями шумѣть!

Да русскіе люди, это такъ и будетъ...

«Я, уроженецъ тихаго Дона, возымѣлъ намѣреніе соорудить за свой собственный счетъ и подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ храмъ для казаковъ 1-го донскаго казачьяго полка и 1-ой гренадерской артиллерійской бригады». Такъ скромно въ прошеніи, поданномъ въ 1906 г. на имя Московскаго Генераль-Губернатора, одинъ изъ выдающихся русскихъ людей Иванъ Андреевичъ Колесниковъ, почетный членъ союза Михаила Архангела, опредѣлилъ свое намѣреніе построить храмъ въ память погибшихъ.

И вотъ прошло два года съ тѣхъ поръ—и созданъ храмъ—памятникъ, храмъ русской скорби, храмъ искупленія. Осуществленъ великій долгъ всей Москвы, всей Россіи!

«Храмоздатель... Нѣтъ не храмоздателемъ только является И. А. Колесниковъ. Его подвигъ нельзя оцѣнивать по матеріальной его сущности. Не то важно, что начинаніе, осуществленное имъ, стоило столько-то тысячъ, а важна духовная глубина его замысла, важно то, что онъ этотъ «уроженецъ тихаго Дона», какъ бы воплотилъ въ себѣ совѣсть всей Россіи, что онъ одинъ подъялъ на своихъ плечахъ то, что лежало невыполненной обязанностью на русскомъ обществѣ».

«Въ день торжества освященія я первый разъ видѣлъ И. А. Колесникова, пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ на торжествѣ, писатель Ачадовскій. *) Лицо этого маленькаго подвижнаго человѣка ярко запечатлѣлось въ моей памяти: такимъ умиротвореніемъ, такимъ сознаниемъ важности содѣяннаго озарялось оно. Ни напыщенности, ни самодовольства. Это—не жертвователь, гордо приносящій толпѣ свой даръ, это—не художникъ, представляющій на судъ публики свое гениальное произведеніе. Это—простой, православный, русскій человѣкъ, смиренно выполнившій то, что являлось для него долгомъ его совѣсти, и въ сознаниіи этого выполненнаго долга находившій высшее успокоеніе и удовлетвореніе».

«Да не забудемъ же, русскіе люди, подвига этого скромнаго «уроженца тихаго Дона», да не заслонить отъ насъ величіе новаго памятника самой личности его созидателя!»

Да, русскіе люди, неизгладимое впечатлѣніе оставилъ день 5-го апрѣля 1909 года на всѣхъ присутствовавшихъ при освященіи храма «Русской скорби» въ Москвѣ на Ходынскомъ полѣ.

Въ этотъ день у каждаго русскаго человѣка невольно долженъ былъ вырваться изъ груди вздохъ облегченія.

Исполненъ долгъ. Совершенно великое христіанское дѣло. Достоинно почтена и увѣковѣчена память тѣхъ, которые самоотвержено положили животъ свой за Вѣру, ЦАРЯ и Отечество.

Исполненъ долгъ...

*) См. „Вѣче“ № 37 отъ 7-го апрѣля 1909 года.

Въ этотъ день въ этомъ маленькомъ храмѣ, отдѣланномъ съ такой непередаваемой простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ изяществомъ, въ первый разъ въ торжественномъ богослуженіи была принесена безкровная искупительная жертва, въ первый разъ прозвучали слова священныхъ молитвословій, въ первый разъ раздался благовѣстъ его колоколовъ.

Но пройдутъ года,—и въ этотъ храмъ искупленія принесетъ слезы покаянія не одна грѣшная, погибшая душа; сюда къ этимъ мраморнымъ плитамъ, на коихъ начертаны имена погибшихъ героевъ нашихъ,—голосъ совѣсти и раскаянія приведетъ ни одного изъ тѣхъ, кто въ безумномъ ослѣпленіи способствовалъ такъ или иначе гибели этихъ вѣрныхъ, доблестныхъ сыновъ нашей родины; и хочется вѣрить, что само злодѣйство въ ужасѣ содрогнется, заслышавъ звонъ колоколовъ этого храма.

А вѣрующимъ русскимъ людямъ, а воинамъ православнымъ—какая отрада, какое утѣшеніе молиться у этихъ плитъ, черпать силу и мужество для трудной житейской борьбы, укрѣпляться духовно примѣромъ тѣхъ героевъ, памяти которыхъ посвященъ этотъ храмъ.

Ступайте же туда длинной вереницей, вы, современники погибшихъ, вы, дѣти, внуки и правнуки наши. Пройдутъ года, потемнѣютъ, отъ времени плиты, украшающія стѣны этого храма съ тысячами именъ жертвъ, убиенныхъ крамолою въ смутные, въ лихіе годы, но да свѣтятъ оттуда и вамъ они, имена эти, такъ же ярко, какъ свѣтятъ нынѣ намъ, пережившимъ крутую невзгуду!

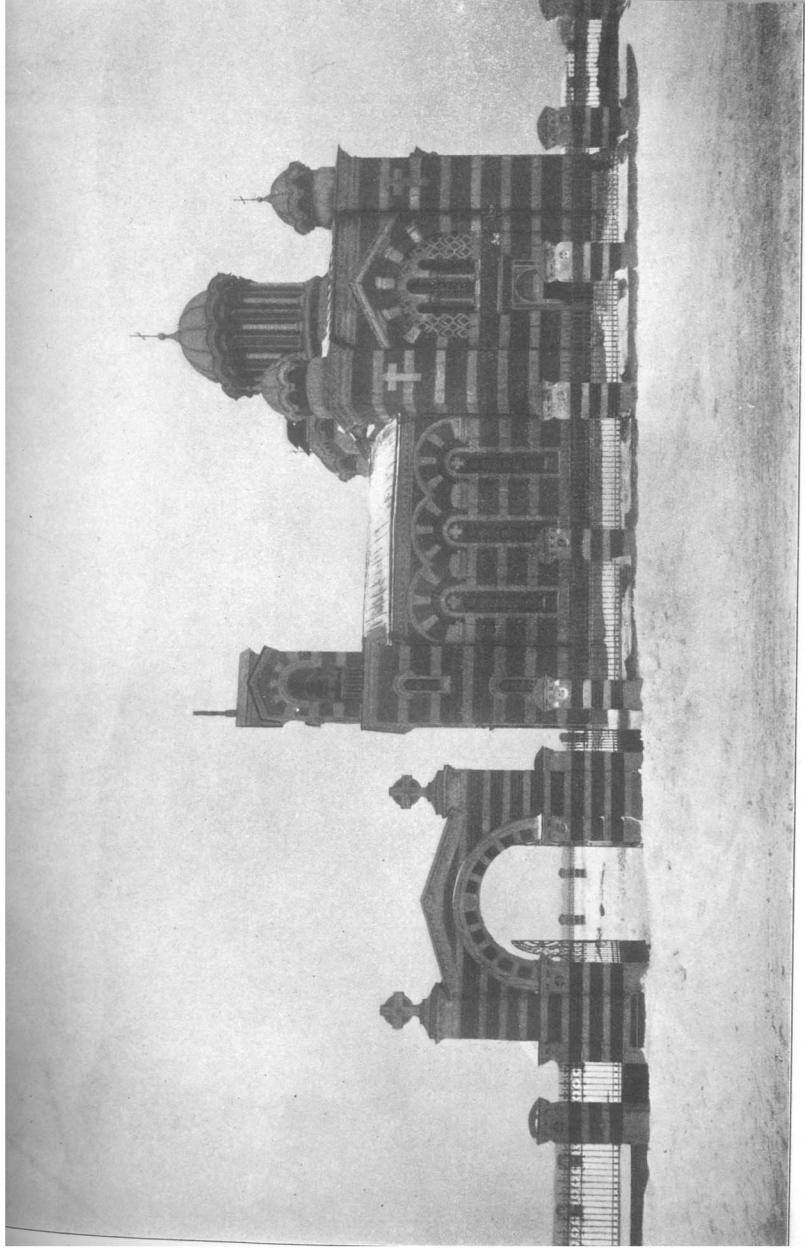
Да будутъ имена эти для Васъ, молодья, грядущія поколѣнія. вѣчнымъ призывомъ къ защитѣ святынь родной земли: Самодержавія неограниченнаго великихъ Государей нашихъ, ненарушимости Православной вѣры нашей и силы созидательнаго духа великаго русскаго народа въ единой, въ недѣлимой, въ нераздѣльной Россіи...

В. Пуришкевичъ.

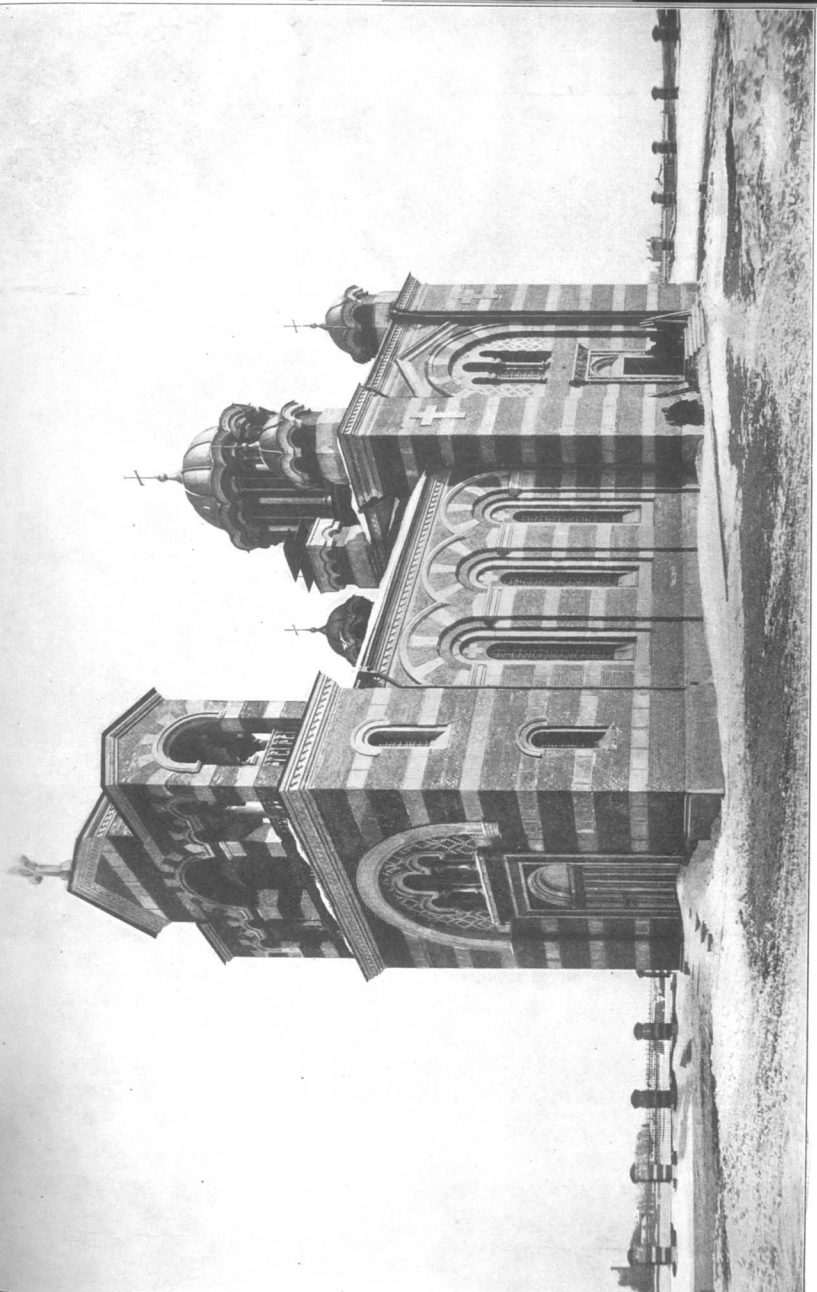
13 апрѣля 1909 года.

С.-Петербургъ.

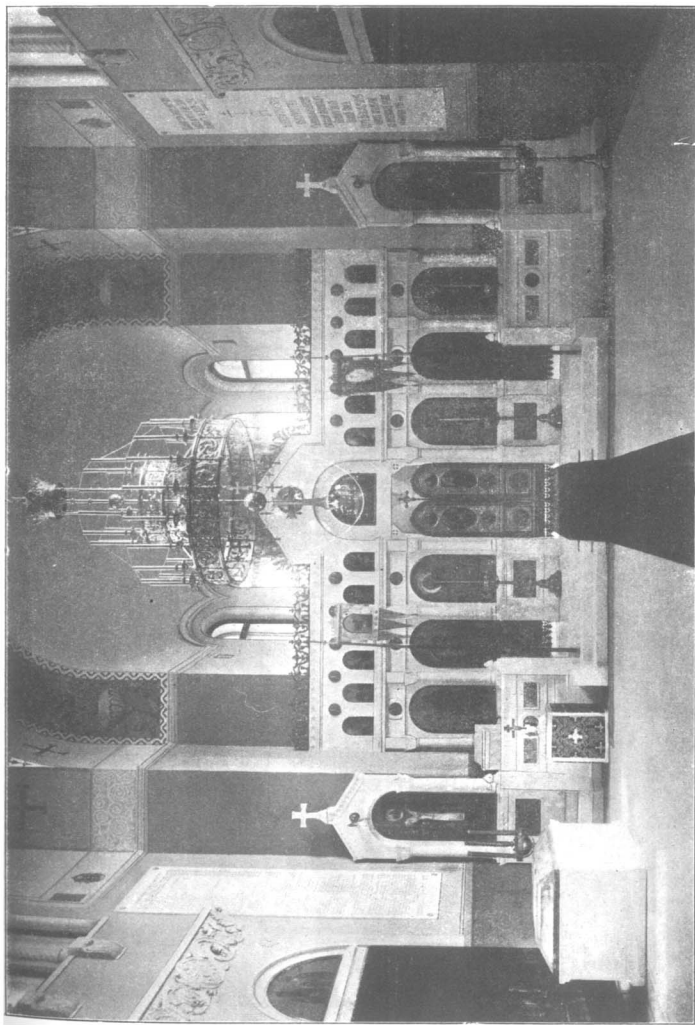

Наружный вид храма-памятника „Русской Скорби“ съ южной стороны.

Наружный вид храма памятника „Русской Скорби“ съ западной стороны.

Внутренній видъ храма: иконостасъ и поминальная доска съ именами жертвъ долга, погибшихъ отъ революціи.

Высокопреосвященный Никонъ,

Экзархъ Грузіи, архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій, палъ жертвой долга 28 мая 1908 года въ г. Тифлисъ въ зданіи грузино-имеретинской синодальной конторы, во время управленія Кавказомъ графа Воронцова-Дашкова.

Высокопреосвященный Никонъ принадлежитъ безспорно къ числу замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей нашего времени и своимъ государственнымъ умомъ, горячимъ патріотизмомъ, твердостью и устойчивостью на почвѣ русскихъ исконныхъ началъ, представляетъ собой величавый обликъ, рѣзко выступающій на тускломъ фонѣ бездарности, неустойчивости, гражданской трусости и предательства покрывающемъ Кавказъ послѣдніе 4 года.

Онъ принадлежитъ къ числу гражданъ, которыми по всей справедливости можетъ гордиться Русскій народъ.

Новый мученикъ за русское дѣло, напоившій своей невинной кровью ненасытную кавказскую землю, родился 14 мая 1861 года на родинѣ Сусанина въ Костромской губерніи. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, въ мѣрѣ Николай Андреевичъ Софійскій, онъ на порогѣ жизни теряетъ отца и остается на рукахъ у безпомощной вдовы матери. Въ суровой обстановкѣ горя и нужды протекли дѣтскіе годы будущаго владыки. Но слова поэта „тяжкій млатъ, дробя стекло, куеть булатъ“ оправдывались на немъ какъ нельзя больше. Атмосфера лишеній и труда наложила свою неизгладимую печать на впечатлительную душу ребенка, и быть можетъ, именно, благодаря невыносимо сложившимся жизненнымъ условіямъ, благодаря своему грустному дѣтству, мальчикъ сложился въ того могучаго богатыря духа, который такъ ярко и выпукло выдѣлялся на тускломъ фонѣ современныхъ ему дѣятелей.

Передъ глазами ребенка стоялъ въ лицѣ его матери величавый образъ подвижницы долга: неутомимо трудилась она, чтобы прокормить своихъ многочисленныхъ дѣтей и вывести ихъ въ люди. Эта достойная женщина такъ героически боровшаяся со злою мачехой—судьбою, имѣла великое счастье видѣть плоды тяжкихъ трудовъ своихъ: она перешла въ лучшій мѣръ въ 1905 году, когда ея сынъ занималъ уже высокій постъ епископа Владимірскаго и Суздальскаго.

До конца дней своихъ покойная оставалась въ тиши сельскаго захолустья и не соглашалась измѣнить трудового образа жизни. Она привила своему сыну такое-же инстинктивное тяготѣніе къ землѣ и народной средѣ, какое ощущала сама и отъ котораго никогда не могла отрѣшиться. Это ясно сказалось въ Николаѣ Андреевичѣ, когда въ 1882 году онъ окончилъ курсъ Костромской духовной семинаріи и ему, какъ лучшему изъ учениковъ, было предложено ѣхать на казенный счетъ въ духовную академію. Судьба толкала его въ открытую дверь, за которою виднѣлась широкая дорога. Но власть земли взяла верхъ надъ заманчивымъ предложениемъ и Николай Андреевичъ остался въ родной глуши

чтобы работать на пользу тѣхъ, среди кого онъ родился и выросъ.

Въ 1883 году мы видимъ его скромнымъ приходскимъ священникомъ села Мамонтова Макарьевского уѣзда, родной для него Костромской губерніи. Казалось, что жизненный путь юнаго пастыря былъ уже окончательно предрѣшенъ и предначертанъ, казалось, что ему суждено было стать незамѣтнымъ рядовымъ работникомъ на нивѣ Господней.

Но судьбы Божіи неисповѣдимы. Новый жестокой ударъ поражаетъ нашего подвижника и ставитъ его опять въ исключительныя условія: на порогѣ жизни онъ потерялъ отца, а теперь на порогѣ дѣятельности онъ потерялъ молодую жену и ему опять предстоитъ новая ломка, только еще начинавшей складываться жизни. Глубоко вѣря, что стопы людей направляются Богомъ, о. Софійскій, въ постигшемъ его новомъ семейномъ горѣ, видитъ указаніе свыше на то что ему предстоитъ другой путь, другое дѣло.

Въ 1884 году, онъ, выдержавъ установленный экзаменъ, вступилъ въ число студентовъ С. Петербургской духовной академіи. Не въ характерѣ Николая Андреевича было останавливаться на половинѣ дороги и, рѣшивъ окончательно порвать всѣ связи съ прошлымъ, онъ въ 1887 г. принялъ иноческій постритъ съ именемъ Никона.

Въ академіи о. Никонъ былъ выдающимся студентомъ, пользовался уваженіемъ профессоровъ и любовью товарищей и неудивительно поэтому, что въ 1888 году послѣ блестящаго окончанія академическаго курса, его сразу назначили на видный и отвѣтственный постъ инспектора столичной духовной семинаріи.

Неукротимая энергія, удивительная работоспособность, необычайная ясность мышленія не могли не обратить вниманія высшихъ церковныхъ сферъ на молодого іеромонаха. Его назначаютъ членомъ различныхъ комиссій и совѣщаній; его поощряютъ наградами и, наконецъ, въ 1891 году возводятъ въ санъ архимандрита и посылаютъ во Владиміръ на Клязьмѣ ректоромъ духовной семинаріи. Самостоятельнымъ начальникомъ учебнаго заведенія онъ пробылъ тамъ цѣлыхъ семь лѣтъ, работалъ не за страхъ, а за совѣсть и само со-

бою разумѣется, что образцовый инспекторъ оказался образцовымъ ректоромъ.

Въ 1898 году архимандритъ Никонъ былъ призванъ къ высшему въ нашей церкви іерархическому служенію и 8 марта былъ посвященъ въ столицѣ въ санъ епископа Вольскаго, викарія Саратовской епархіи.

Недолго пришлось преосвященному Никону пробить въ Саратовѣ. Уже въ августѣ мѣсяцѣ того же 1898 года, по случаю кончины епископа Таврическаго Михаила, преосвященному Никону было синодомъ поручено временное управление этой епархіей и онъ переѣхалъ изъ Саратова въ Симферополь. Тамъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ февралѣ 1899 года преосвященный получилъ указъ о переводѣ своемъ на постъ епископа Нарвскаго, викарія С.-Петербургской епархіи. Въ столицѣ владыко пробылъ около трехъ лѣтъ и былъ ревностнымъ сотрудникомъ высокопреосвященнаго Антонія, который оказывалъ ему большое довѣріе.

Въ 1901-мъ году епископъ Никонъ переводится на самостоятельную кафедру въ г. Вятку. Огромный Вятскій край съ своимъ трехмилліоннымъ разноплеменнымъ и разновѣрнымъ населеніемъ, представлялъ широкое поле дѣятельности для энергичнаго епископа. Эта епархіа считается одной изъ первыхъ по числу приходоѡвъ и поэтому епархіальному епископу, несмотря на наличность двухъ викаріевъ, приходится особенно интенсивно работать.

Вятка—это первый опытъ вполне самостоятельной церковно-административной дѣятельности преосвященнаго Никона и только здѣсь впервые онъ имѣлъ возможность использовать еще непочатую мощь своей богато одаренной природы. Какъ и слѣдовало ожидать, владыко оказался на высотѣ своей святой задачи и не зналъ усталости въ трудахъ на благо вѣренной ему паствы. При своемъ архіерейскомъ домѣ онъ учредилъ постоянные миссіонерскіе курсы. Программа для этихъ курсоѡвъ была разработана подъ личнымъ руководствомъ преосвященнаго, специально организованнымъ съ этой цѣлью комитетомъ изъ миссіонероѡвъ и преподавателей мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній. Изъ слуша-

телей вышеупомянутыхъ курсовъ владыка назначалъ пастырей и учителей для инородцевъ-язычниковъ.

Нужно сказать, что миссіонерское дѣло въ Вятской епархіи сильно хромало, именно отъ недостатка серьезно подготовленныхъ дѣятелей. Затѣмъ, дабы усилить составъ Вятской миссіи, преосвященный Никонъ учредилъ должность уѣздныхъ противораскольническихъ миссіонеровъ. Кромѣ этого онъ требовалъ отъ подвѣдомственнаго ему духовенства истоваго и благолѣпнаго Богослуженія и неустаннаго проповѣдыванія слова Божія. Самъ владыко неутомимо проповѣдывалъ и служилъ, объѣзжая изъ конца въ конецъ свою необозримую епархію.

Какъ старый педагогъ, отдавшій цѣлый десятокъ лѣтъ лучшаго времени своей жизни училищной службѣ, преосвященный Никонъ чрезвычайно внимательно и сердечно относился къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Много добрыхъ совѣтовъ и полезныхъ указаній слышали отъ него, какъ учащіе, такъ и учащіяся.

Въ ноябрѣ 1904 года послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе на вызовъ преосвященнаго Никона въ Петербургъ для присутствія въ св. синодѣ.

На пути въ столицу владыко узналъ о смерти знаменитаго агіолога и доктора богословія—архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго Сергія, подъ начальствомъ котораго онъ провелъ цѣлыхъ шесть лѣтъ своей ректуры, а пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ совершенно неожиданно получилъ предложеніе занять его мѣсто. Предложеніе это было въ высшей степени лестнымъ, такъ какъ Владимірская архіепископская кафедра искони считается одной изъ самыхъ почетныхъ, но и помимо этого преосвященный Никонъ любилъ Владиміръ, въ которомъ онъ столько времени служилъ и пользовался самыми искренними симпатіями.

Какъ ни любилъ владыко Вятку, но тѣмъ не менѣе онъ охотно согласился на предложенное перемѣщеніе, и вотъ 27-го ноября 1904 года ему ВЫСОЧАЙШЕ повелѣно было быть епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ.

Стеченіе совершенно независимыхъ отъ преосвященнаго

обстоятельствъ, не дало ему возможности сказать послѣднее „прости“ своей паствѣ лично и онъ обратился къ вятичамъ съ особымъ посланіемъ:

„Многочисленны стада твои, боголюбивая Вятская паства“, разноплеменные жители земли твоей, широки предѣлы твои, многотрудна ты должна бы быть для пастырей твоихъ, но для меня легко и пріятно было служить тебѣ по глубокой религіозности православныхъ чадъ твоихъ, по ихъ сильной любви къ архипастырямъ своимъ и въ частности, къ моему недостоинству.

„Въ крестьянскихъ приходяхъ твоихъ я видѣлъ столь обширные и чудные по архитектурѣ и благолѣпію храмы, что они могли-бы служить украшеніемъ лучшихъ площадей и улицъ столицъ. На крестьянскомъ населеніи твоёмъ, создающемъ такіе храмы, быстро умножающемъ число ихъ, я воочию позналъ, что строить храмы не богатство, а усердіе народа. Такая твоя религіозность радовала меня какъ архипастыря твоего. Буди обильно благословеніе Божіе на тебѣ и чадахъ твоихъ за то, что ты много любишь Господа, благолѣпіе дому и мѣсто селенія славы Его. Любовь твоя къ своимъ архипастырямъ, хлѣбъ соль передъ домами, колѣнопреклоненный народъ на поляхъ и улицахъ деревень во время обозрѣнія епархіи, многолюднѣйшія собранія въ селахъ, гробовая тишина переполненныхъ храмовъ во время поученій, неудержимый напоръ людской волны во время благословенія народа, все это, побуждая во мнѣ сознаніе недостоинства моего, смиряя душу мою, вызвало во мнѣ слезы умиленія. Незамѣтно проходили для меня трудовые дни обозрѣнія епархіи, начинавшіеся съ ранняго утра и кончавшіеся часто за полночь. И къ моему недостоинству ты питала большую незаслуженную мною любовь, стараясь засвидѣтельствовать ее всевозможными способами. Ты своею любовью трогала меня до глубины души и я ежедневно спѣшилъ видѣть тебя въ крестовой церкви въ лицѣ богомольцевъ ея, въ просителяхъ и посѣтителяхъ моихъ въ собраніяхъ членовъ благотворительныхъ, богоугодныхъ и другихъ добрыхъ учрежденій. За любовь твою я раскрывалъ

предъ тобою душу мою во всю широту, чтобы всѣхъ вмѣстить въ сердцѣ моемъ, и теперь до земли кланяюсь тебѣ, боголюбивая, незабвенная для меня, паства Вятская“.

Это посланіе чрезвычайно характерно, какъ для личности самого архипастыря, такъ и для покинутой имъ Вятской, паствы. Въ немъ вылилась вся его любовь къ своимъ бывшимъ пасомымъ и видно, что именно его радовало и утѣшало.

Такъ разстался владыко съ Вяткой, а съ какими чувствами и мыслями онъ вступилъ въ управленіе Владимірской паствой, лучше всего видно изъ его вступительнаго слова, которое онъ произнесъ во Владимірскомъ кафедральномъ соборѣ, томъ самомъ соборѣ, подъ священной сѣнью котораго суждено было черезъ такой короткій промежутокъ времени лечь его уже безгласнымъ и истерзаннымъ злодѣйскими пулями останкамъ:

„Приходя къ вамъ, братіе, уже во второй разъ, могу сказать, что не нуждаюсь въ рекомендаціяхъ, потому, что я нѣкогда проповѣдывалъ вамъ съ этой кафедръ слово Божіе, въ теченіе семи лѣтъ занимался у васъ обученіемъ духовнаго юношества, сотни моихъ воспитанниковъ служатъ среди васъ пастырями церкви и сравнительно недавно я оставилъ вашъ городъ. Ведемъ рѣчь объ этомъ для того, чтобы напомнить вамъ, братіе, съ какимъ усердіемъ и съ какою любовію я нѣкогда служилъ здѣсь и чтобы вмѣстѣ съ этимъ засвидѣтельствовать тебѣ, боголюбивая паства Владимірская, что и нынѣ я иду служить тебѣ еще съ большею готовностью и большею любовію, чѣмъ прежде, какъ ради давнихъ и крѣпкихъ нравственныхъ связей съ тобою, такъ и потому, что въ своемъ назначеніи быть твоимъ архипастыремъ усматриваю явную десницу Промысла“...

Служеніе преосвященнаго Никона во Владимірѣ обѣщало быть особенно плодотворнымъ, но къ сожалѣнію оно было кратковременнымъ: только два года пробылъ владыко Вла-

димірскимъ архіепископомъ, да и то большую часть этого времени провелъ въ Петербургѣ, участвуя въ засѣданіяхъ св. синода. Тѣмъ не менѣе и здѣсь преосвященный Никонъ сумѣлъ весьма удачно разрѣшить нѣсколько капитальныхъ вопросовъ мѣстной епархіальной жизни; между прочимъ было намѣчено устройство миссіонерскаго института для борьбы со столь сильнымъ, въ средней полосѣ Россіи расколомъ. Словомъ, церковная жизнь во Владимірской епархіи закипѣла ключемъ.

Но Владиміру не суждено было задержать у себя на вѣки своего любимаго архипастыря; онъ былъ призванъ отдать свои силы другой далекой странѣ, иному чуждому народу. Владиміръ—это послѣдній этапъ на жизненномъ пути владыки, послѣдняя улыбка судьбы, послѣдній отблескъ земныхъ радостей и счастья. Отсюда начинается тотъ скорбный путь, который привелъ его къ безвременной могилѣ.

На Владимірской каедрѣ засталъ архипастыря памятный 1905-ый годъ, когда все вокругъ насъ заколебалось. Роковое вступленіе русской государственности подъ сѣнь конституціонныхъ призраковъ, ознаменовалось для русскаго общества настоящимъ кровавымъ крещеніемъ: не успокоеніе принесли слова манифеста 17-го Октября, а, наоборотъ, словно послужили сигналомъ къ выступленію всѣхъ подпольныхъ силъ наружу, къ взрыву мятежа и своеволія инородческихъ и враждебныхъ государству массъ. Интеллигентное общество съ лихорадочной поспѣшностью стало разслаиваться на партіи, вступившія въ борьбу, и политическое убійство стало центральнымъ пунктомъ нашей горькой дѣйствительности. Наглость снизу встрѣтила полную растерянность сверху и былъ моментъ, когда мятежныя темныя силы почувствовали себя полноправными хозяевами Россіи...

Такое положеніе вещей естественно должно было выдвинуть преосвященнаго Никона изъ узкихъ рамокъ мирной епархіи центра на боевой постъ, ибо въ такія времена твердые, исполненные сознанія долга передъ родиной дѣятели подобные Никону—выдвигаются самой жизнью.

Именнымъ ВЫСОЧАЙШИМЪ Указомъ св. синода, дав-

нымъ въ іюнѣ 1906 года, ему повелѣно быть экзархомъ Грузіи.

Поразительна ясность сознанія и предвидѣнія почившаго владыки! Незадолго до своего назначенія на Кавказъ, еще въ самомъ началѣ охватившей насъ разрухи, онъ во двѣтъ лѣтъ, полный здоровья и силъ пишетъ духовное завѣщаніе, въ которомъ избираетъ себѣ мѣстомъ послѣдняго упокоенія любезный сердцу Владимірь. Предчувствіе близкаго конца видимо уже заговорило въ немъ и онъ хотѣлъ, отрѣшившись отъ земныхъ заботъ, быть на все готовымъ. Подлаживаться къ духу времени онъ не могъ, а пониманіе лежащаго на немъ долга, неуклонное исполненіе своихъ обязанностей система рѣшительныхъ и безповоротныхъ мѣръ, органическое отвращеніе отъ уступокъ и компромиссовъ, что все это могло сулить ему иного, какъ не мученической вѣнецъ, какъ не горькую смертную чашу?

Когда во Владимірь пришла вѣсть о назначеніи высокопреосвященнаго Никона экзархомъ Грузіи, единодушный порывъ скорби охватилъ Владимірскую паству. Владимірское городское самоуправленіе черезъ министра внутреннихъ дѣлъ просило Государя не отнимать любимаго архипастыря у любящей его и любимой имъ паствы. Съ аналогичнымъ ходатайствомъ обратилось черезъ синодальнаго оберъ-прокурора и Владимірское духовенство. Но все было напрасно. Желѣзный законъ исторической необходимости неумолимо переноситъ доблестнаго святителя изъ тихой Владимірской Галилеи въ нѣдра кипящей страстями кавказской Іудеи, гдѣ судьба уже уготовила ему Голгофу.

Смутное предчувствіе, томившее владыку, начинаетъ теперь принимать уже осязательныя реальныя формы. Онъ долженъ ѣхать туда, на тотъ Кавказъ, гдѣ лились ильются опять потоки русской крови, но не для покоренія твердынь его къ подножію Русскаго Царя, не отъ руки внѣшняго врага, а отъ руки того народа, ради спасенія котораго отъ уничтоженія лилась эта святая кровь! И недаромъ въ послѣдней прощальной бесѣдѣ своей съ плачущей Владимірской паствой онъ пророчески называетъ свое назначеніе, на постъ экзарха Грузіи „самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ назначеній“.

недаромъ сейчасъ-же изъ Владиміра онъ прежде всего спѣшитъ въ свое родное Костромское затишье и тамъ, на завѣтной могилѣ, горячо любимой матери ищетъ утѣшенія и силъ.

На родинѣ святитель отдыхаетъ душой среди родныхъ и близкихъ, любуется задушевные бесѣды, воскресаютъ старыя воспоминанія, рисуются давно забытыя картины... Но злое предчувствіе не хочетъ оставить въ покоѣ новаго экзарха Грузіи даже здѣсь, „въ глубинѣ Россіи“, гдѣ „вѣковая тишина“ и у владыки часто вырываются вѣщія слова— „не возвращусь я съ Кавказа“...

Но вотъ отдыхъ конченъ, и владыко уже въ Петербургѣ. Тутъ новаго экзарха обступаютъ плотной стѣной маги и волшебники столичныхъ канцелярій. Ему нашептываютъ на ухо программу дѣйствія, навязываютъ цѣлый ассортиментъ призмъ и увѣряютъ, что сквозь нихъ гораздо удобнѣе разсматривать кавказскіе вопросы. Но всѣ старанія петербургскихъ чудодѣевъ не ведутъ ни къ чему и не могутъ поколебать принятыхъ рѣшеній. Землякъ Сусанина также непоколебимъ и еще яснѣе чувствуетъ себя обреченнымъ на смерть.

„Предчувствую, что тамъ закончится моя дѣятельность, тамъ же закончится и мое земное существованіе“, говоритъ экзархъ архіепискому херсонскому Дмитрію. И владыко былъ глубоко правъ въ своемъ мудромъ предвѣдѣніи. Еще ни одинъ экзархъ не ѣхалъ на Кавказъ при столь тяжелыхъ условіяхъ.

„Доброжелательный“ воронцовскій режимъ совершенно отуманилъ туземную орду и она совсѣмъ опьянѣла отъ запаха безнаказанно проливаемой русской крови. Политическая организація мѣстнаго туземнаго общества привела его къ полной дезорганизаціи моральной и по мановенію жезла неуловимыхъ дирижеровъ раздался цѣлый концертъ жалкихъ и праздныхъ словъ, а подъ шумокъ стали обдѣлываться личныя дѣла и дѣлишки.

Подъ влияніемъ революціоннаго тока возстали изъ своихъ забытыхъ могилъ, давно уже забытые мертвецы, и надъ Грузіей тяжело повисъ призракъ церковной автокефалии...

Однако, среди хора печальниковъ этой наскоро политически подогрѣтой церковной утопіи не было слышно голоса грузинскаго народа, а, между тѣмъ, церковный вопросъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ составлять монополіи представителей отдѣльныхъ кастъ или сословій. Самое слово „автокефалія“ было въ сущности чуждо и непонятно широкимъ народнымъ кругамъ и большинству низшаго, особенно сельскаго духовенства. Вообще религіозные вопросы никогда особенно не волновали безразличныхъ къ религіи грузинъ, и если грузинское дворянство, и впоследствии революціонныя организаціи оказывали свою поддержку глашатаямъ автокефаліи, то только потому, что видѣли въ полученіи автокефаліи первый шагъ къ возлелеянной автономіи, о которой давно уже мечтаютъ грузины всѣхъ ранговъ. Для всякаго грузина совершенно ясно, что въ вопросахъ объ автокефаліи религія вовсе не при чемъ.

Здѣсь для уясненія себѣ всего дальнѣйшаго хода дѣла необходимо возвратиться нѣсколько назадъ и остановиться на событіяхъ, неожиданно для власти развернувшихся въ Тифлисѣ въ первой половинѣ 1905 года.

Націоналистическія стремленія, направленныя къ восстановленію самостоятельности Грузіи, возникли въ средѣ грузинской интеллигенціи и молодежи (еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, но не выступали на активную почву и только въ 80-хъ годахъ было сдѣлано первое официальное выступленіе въ этомъ направленіи запиской тифлискаго губернскаго предводителя дворянства кн. И. К. Багратионъ-Мухранскаго, поданной имъ Императору Александру III, въ которой онъ требовалъ передачи управленія Закавказьемъ, Грузіи, восстановленія Грузинской арміи, введенія въ Закавказь государственнымъ языкомъ грузинскаго и т. д. Тогда-же не въ средѣ грузинскаго духовенства, а въ средѣ тѣхъ-же кружковъ, которые увлекались восстановленіемъ грузинской автономіи, возникли разговоры объ автокефальности грузинской церкви и глашатаемъ этого явился нѣкто Сабиновъ, полурусскій—полугрузинъ, занявшійся пропагандой автокефализма на Кавказѣ и въ Петербургскихъ сферахъ. Грузинское-же духовенство, слѣдуя примѣру армянскаго, уси-

ленно занялось пропагандой націоналистических стремлений и грузинизма въ церковно-приходской школѣ, распространениемъ грузинскаго языка среди другихъ народностей Кавказа и повсемѣстнымъ захватомъ въ Закавказьѣ церковей. Результатомъ этой дѣятельности, выразившейся постояннымъ броженіемъ въ Тифлисской духовной семинаріи, явилось убійство ректора Тифлисской семинаріи высокоталантливаго и достойнѣйшаго о. Чудецкаго, во время управленія грузинскимъ экзархатомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ экзарховъ и русскихъ государственныхъ дѣятелей, архіепископа Павла.

Съ этого времени грузинское духовенство выступаетъ на путь активной націоналистической дѣятельности и является главнымъ центромъ автономистическихъ стремлений и пропаганды.

При наступленіи первыхъ признаковъ смутнаго времени эта пропаганда усилилась и началось броженіе въ средѣ грузинской интеллигенціи—вездѣ въ средѣ грузинъ заговорили о грузинской территоріи, грузинскомъ языкѣ и т. д., о несоблюденіи договора Россіи по отношенію къ Грузіи и стали появляться въ печати разные трактаты по этому вопросу. Наконецъ, стали появляться и петиціи со стороны грузинскаго дворянства объ автономіи и одновременно появились заявленія объ автокефаліи.

На полученіе автономіи сами просители имѣли мало надеждъ, но на полученіе автокефаліи имѣлось полное основаніе рассчитывать, такъ какъ вопросъ этотъ стали поддерживать въ прессѣ и сферахъ разные неосмысленные русскіе, увлекаясь разными абстрактными теоріями и политическими бреднями. Несмотря на крайній религіозный индифферентизмъ, близко граничащій съ атеизмомъ, къ духовенству въ требованіяхъ автокефаліи примкнули дворянство, интеллигенція и сельская полуинтеллигенція. Для автономистовъ въ этихъ домогательствахъ объ автокефаліи важнымъ пунктомъ были только признаніе территоріи грузинской автокефаліи, которая совершенно совпадала съ границами автономіи т. е. требовала себѣ Тифлисскую и Кутаисскую губерніи, часть Черноморской, Батумскую область

и округа Сухумскій и Закавказскій, признаніе въ предѣлахъ этой территоріи главенства грузинскаго языка и возникновеніе грузинской организаціи въ лицѣ духовенства, которой бы было передано завѣдываніе извѣстной сферой здѣсь. Разъ бы былъ достигнутъ успѣхъ въ этомъ направленіи, то полученіе автономіи являлось естественнымъ послѣдствіемъ и было лишь вопросомъ времени. Въ представленіи каждаго грузина полученіе автокефаліи было первою ступенью къ автономіи.

Въ такомъ положеніи было дѣло въ началѣ 1905 года, когда съ одной стороны воспослѣдовало назначеніе намѣстникомъ графа Воронцова, а затѣмъ и манифестъ 17-го апрѣля. Эти акты застаютъ уже прочно укоренившуюся революціонную организацію среди грузинскаго духовенства тѣсно связанную съ главнымъ грузинскимъ революціоннымъ комитетомъ, во главѣ которой оказались епископъ Петръ, Киріонъ, Леонидъ—главные глашатаи автокефаліи, оширавшіеся на свой комитетъ, состоящій изъ группы наиболѣе ярыхъ автономистовъ грузинскихъ священниковъ, который началъ руководить дѣйствіями всего духовенства, въ средѣ котораго пошли разговоры о необходимости объявленія экзарха низложеннымъ. Постепенно грузинское духовенство начало игнорировать распоряженія экзарха и, наконецъ, въ маѣ 1905-го года вслѣдъ за пріѣздомъ графа Воронцова на Кавказъ, совершенно неожиданно для власти, грузинское духовенство устроило сперва съѣздъ въ Мцехтѣ, гдѣ вопросъ о *низложеніи экзарха* былъ рѣшенъ, а потомъ по предложенію революціоннаго комитета начало съѣзжаться въ Тифлисъ, куда въ 20-хъ числахъ мая съѣхалось около 500 представителей грузинскаго духовенства разныхъ ранговъ, будто бы на предполагавшійся епархіальный съѣздъ. Подъ давленіемъ главной въ краѣ власти экзархъ согласился на устройство епархіальнаго съѣзда, пользуясь наличностью такого большого числа духовныхъ лицъ, и назначилъ его на 1 іюня, но духовенство подъ предѣдательствомъ священника Цицкишвили устроило рядъ своихъ тайныхъ собраній въ разныхъ мѣстахъ Тифлиса и, наконецъ, 31 мая общее собраніе въ зданіи Тифлиской духовной семинаріи, въ которомъ собрались и переодѣтые священниками и другими духовными лицами представители разныхъ револю-

ціонныхъ партій. Этотъ митингъ привлекъ на улицъ цѣлую толпу единомышленниковъ и для охраны порядка были поставлены нѣсколько стражниковъ и казаковъ. На митингѣ все шло горячо, но дружно, пока низлагали экзарха, рвали портретъ экзарха Владиміра, вопили объ автономіи и автокефалии, но, когда одинъ изъ социаловъ началъ громить духовенство за его непотребные образъ дѣйствій и жизнь, то поднялась свалка между батюшками и социалами, а такъ какъ у послѣднихъ были весьма вѣскіе аргументы, въ видѣ браунинговъ, то перепуганные священники позвали полицію и бросились вонъ. Когда-же полиція на улицъ стала сдерживать толпу, то въ нее посыпались камни и толпа стала насѣдать, тогда пришлось пустить въ ходъ нагайки. Въ суматохѣ случайно были задѣты нагайками 2 священника, вмѣшавшіеся въ толпу.

Грузинское духовенство и революціонныя грузинскія организаціи подняли страшный шумъ и всюду кричали, до столичной прессы включительно, объ избіеніи грузинскаго духовенства и опутали происшествіе густой пеленой лжи и обмана. Они громко обвиняли экзарха Алексія въ томъ, что избіеніе будто бы произошло по его приказанію.

Управленіе намѣстника, вмѣсто того, чтобы привлечь къ отвѣтственности мятежныхъ священниковъ и революціонеровъ, потребовало удаленія экзарха, ректора семинаріи и управляющаго синодальной конторой Трелина и эти достойнѣйшіе русскіе дѣятели, въ угоду грузинскѣй революціи, были изгнаны чуть не въ 24 часа съ Кавказа.

Тѣмъ не менѣе мятежное грузинское духовенство успѣло составить два акта и письменную резолюцію съѣзда и петиціи, которую направило намѣстнику, въ Св. Синодъ и председателю Комитета Министровъ, въ которой оно требовало „возвращеніе Иверской церкви автокефальныхъ правъ и возстановленіе Мцхетско-Иверскаго католикосата въ прежнихъ его предѣлахъ—губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской, Батумской области, части Черноморской губерніи, Абхазіи, Самурзаканскани и Закатальскомъ округѣ—во главѣ съ католикосомъ, учрежденіе подъ предсѣдательствомъ католикоса священнаго при немъ Сипода, возвращеніе автокефальной церкви ея имущества и т. д.

Этимъ дѣло не ограничилось—духовенство разбѣхалось съ заявленіемъ, что оно экзарха не признаетъ, и стало устраивать рядъ совѣщаній и съѣздовъ, на которыхъ повторялись приемы и тактика всѣхъ грузинскихъ революціонныхъ организацій и усвоенъ было митинговый жаргонъ, о чемъ свидѣтельствуютъ безчисленныя записки, мѣнія и постановленія, оставшіяся послѣ нихъ въ наслѣдіе исторіи.

Наконецъ, состоялось совѣщаніе при Св. Синодѣ по вопросу объ автокефаліи грузинской церкви, въ которомъ приняли участіе епископы Киріонъ, Леонидъ и другіе ея глашатаи. Автокефалисты потерпѣли на этомъ совѣщаніи жестокое пораженіе.

Таково было положеніе церковныхъ дѣлъ на Кавказѣ. Нужно отдать справедливость графу Воронцову-Дашкову, что онъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы еще болѣе драматизировать разыгравшуюся автокефальную трагикомедію. „Дабы не раздражать туземцевъ“, съ скоропалительной быстротой убравъ неугодившаго рясоносной мятежной черни экзарха Алексія, на его мѣсто назначили лично извѣстнаго намѣстнику архіепископа Николая Налимова.

Время управленія экзархатомъ этого оригинальнаго, чтобы не сказать болѣе, церковнаго администратора, является періодомъ наибольшаго расцвѣта, да еще на законномъ основаніи, автокефальной наглости. Петиціи, резолюціи, рѣчи—все это посыпалось, какъ изъ рога изобилія. При молчаливомъ согласіи экзарха, съ перваго же шага усвоившаго себя по отношенію къ грузинамъ какой-то виноватый видъ, автокефальное движеніе начало быстро разрастаться.

Исторія кавказской церковной смуты представляла собой тогда интересный примѣръ самовнушенія, когда взрослые люди создавали завѣдомо въ своемъ воображеніи фантазіи, въ которыя старались серьезно вѣрить. Въ потемненномъ сознаніи узкихъ фанатиковъ, автокефалія являлась настоящимъ фетишемъ. Къ ея проблематичному процвѣтанію приурочивался легендарный золотой вѣкъ грузинской народной жизни и съ ея восстановленіемъ связывалось понятіе, чуть ли не о земномъ раѣ. Не было такого зла, которое не приписывали совершенно открыто и гласно синодальному ре-

жиму и преемственно управлявшимъ грузинской церковью русскимъ экзархамъ. А членъ Св. Синода и русскій экзархъ Николай лишь раскланивались направо и налево съ винюватымъ видомъ.

Но архіепископъ не хотѣлъ ограничиться сравнительно скромной ролью попустителя безобразій и началъ самъ дѣйствовать. Во-первыхъ, онъ выгналъ русскую администрацію изъ тифлисскаго женскаго епархіальнаго училища, созданнаго на личныя средства русскаго митрополита Іоаннідія и отдалъ всецѣло это учрежденіе въ грузинскія руки.

Во-вторыхъ, онъ разогналъ русскихъ богомольцевъ изъ Сіонскаго собора, установивъ на Богослуженіяхъ невообразимое смѣшеніе языковъ, а такъ какъ грузины бываютъ въ церкви, особенно за послѣднее время, очень рѣдко и почти всегда мимоходомъ, то соборъ сталъ пустовать.

Въ-третьихъ на непримкнувшихъ къ автокефальному скопу абхазцевъ онъ поспѣшилъ натравить извѣстнаго мастера автокефальныхъ дѣлъ, пресловутаго епископа Киріона Садагелова, нарочно выписавъ его для этой благородной миссіи изъ Орла, а въ синодальную контору онъ посадилъ нѣкоего архимандрита Амвросія, который былъ вынужденъ при экзархѣ Алексіи покинуть Кавказъ, и вернулся теперь на-стоящимъ тріумфаторомъ.

Наконецъ, Николай завершилъ свое управленіе достойнымъ финаломъ: онъ просто на просто бѣжалъ съ Кавказа на берега Невы и категорически отказался вернуться на покинутую имъ кафедру. Это случилось именно тогда, когда на Кавказѣ кипѣла армяно-татарская рѣзня и намѣстникъ въ „цѣляхъ умиротворенія“ раздавалъ оружіе въ Тифлисъ революціонерамъ социаль-демократамъ. Словомъ, „видя волка грядуща“ ревностный святитель сообразилъ, что своя рубашка ближе къ тѣлу и показалъ тылъ своему словесному стаду.

Тѣмъ не менѣе наканунѣ своего бѣгства онъ озаботился оставить послѣ себя достойнаго преемника въ лицѣ протоіерея Петра Кандиева, котораго онъ рукоположилъ въ санъ епископа Аллавердскаго, викарія грузинской епархіи. Вскорѣ примѣру своего первосвятителя послѣдовалъ и первый викарій грузинской епархіи—епископъ горійскій Евфимій, грузинъ

родомъ, который подъ натискомъ автокефальной банды, былъ вынужденъ, какъ и другой грузинскій епископъ, преосвященный Дмитрій, въ мѣръ князь Абашидзе, покинуть родину и искать пріюта во внутреннихъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ управление экзархатомъ фактически перешло въ руки вышеупомянутаго епископа Петра. Во время его управленія грузинское духовенство слѣдующимъ образомъ реагировало на вѣсть о назначеніи экзархомъ Грузіи высокопреосвященнаго Никона. Въ Тифлисъ состоялся съѣздъ духовенства, съ настолько ярко выраженной революціонной тенденціей, что все русское духовенство было вынуждено совершенно уклониться отъ какого бы то ни было общенія съ депутатами грузинами. Высокопреосвященному митрополиту Антонію съѣздъ грузинскаго духовенства отправилъ слѣдующую телеграмму:

„Съѣздъ грузинскаго духовенства, признавая необходимымъ выразить протестъ противъ напечатанія письма анонимнаго автора въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, что грузинское духовенство не сочувствуетъ автокефалии грузинской церкви, выражая негодованіе лживому корреспонденту, заявляетъ, что грузинское духовенство не отступитъ отъ требованія о восстановленіи независимости грузинской церкви, безъ чего немислимо нормальное теченіе церковной жизни въ Грузіи“.

А слѣдующую телеграмму съѣздъ отправилъ на имя члена Государственнаго Совѣта князя Чавчавадзе: „Грузинское духовенство, исходя изъ того убѣжденія, что только церковь, свободная и самоопредѣляющаяся, въ состояніи залечить раны, нанесенныя грузинской церкви за время управленія ея русскими экзархами, стоитъ за осуществленіе желанія, выраженаго имъ въ своихъ петиціяхъ. Поэтому оно проситъ васъ передать вновь назначенному экзарху Никону не пріѣзжать въ Грузію. О семъ-же просимъ сообщить митрополиту Антонію“ (!)

Вслѣдъ за тѣмъ грузинское духовенство отправило „высокопреосвященному Никону, архіепископу, именуемомуся карталинскимъ и кахетинскимъ, экзархомъ Грузіи, слѣдующее письмо:

„Многострадальная, крестоносная и афтокефальная иверская церковь удѣль Пречистой Богоматери, насажденная св. апостолами Андреемъ Первозваннымъ, Симономъ Канонитомъ и равноапостольною Ниной, вопрошаетъ ваше высокопреосвященство: почто и ради чего вы грядете?

„Вамъ, какъ архипастырю православной церкви, извѣстны свящ. каноны кои воспрещаютъ епископу вмѣшательство въ дѣла чужой, неподвѣдомственной ему епархіи; вы же, высокопреосвященный владыко, грядете въ церковь со дня вселенскихъ соборовъ автокефальную, главу которой, патриархи признавали себѣ равночестнымъ.

„Ваше в-ство, отвѣтите намъ, что приняли назначеніе не по своей волѣ, а по избранію верховнаго, хотя не каноническаго правительствующаго синода русскаго. Но развѣ русскій синодъ имѣетъ каноническое право посылать своихъ архіереевъ экзархами или начальствующими въ область, не ему подчиненную, и дѣлать его архипастыремъ епархіи, ему не подвластной, языка которой онъ не знаетъ? Если ваше высокопреосвященство сошлетесь на то, что грузинская церковь съ 1811-го года признавала надъ собою власть русскаго синода, то это не служить ни основаніемъ, ни правомъ того, чтобы быть вамъ главою грузинской церкви, васъ не избравшей и не призвавшей. Подъ дамочловымъ мечомъ русскихъ гражданскихъ правителей грузинская церковь 95 лѣтъ лежала бездыханной; сокровища и имѣнія ея расхищены, многовѣковые святительскіе престолы вдовствуютъ, обители, нѣкогда полныя монашествующими, или закрыты, или влчатъ жалкое существованіе, сотни церквей не имѣютъ пастырей, духовныя семинаріи и училища, съ русскими начальствующими и учителями, глумящимися надъ грузинскими святынями, языкомъ и обычаями воспитали безбожниковъ, анархистовъ и враговъ православной церкви и Русскаго Мочарха. Какъ ни преданъ грузинскій священный клиръ своей родной церкви, какъ ни скорбитъ онъ о ея паденіи, но едва-ли силы наши дадутъ намъ безъ исполняющей помощи Божіей, возродить церковь, послѣ того паденія и разрушенія, до котораго довели ее иностранныя экзархи, растлевающее иго которыхъ весь священный клиръ грузинскійсь,

вѣрнымъ св. церкви грузинскимъ народомъ рѣшили свергнуть, чтобы возстановить свою церковь въ первобытнѣйшій чистотѣ и славѣ. Въ виду этого мы просимъ ваше в-ство не принимать на себя управленіе церковью, російскому священноначалію не подвѣдомственной, не нарушать и не разрушать свои каноны, которые мы, также, какъ и Вы обязаны охранять и защищать, и не возбуждать противъ себя остающійся еще вѣрнымъ православію грузинскій народъ. *Не грузинскіе архипастыри и пастыри будутъ виновны въ тѣхъ событіяхъ, можетъ быть и крайне печальныхъ, которыя могутъ быть вызваны возбужденнымъ руссификаторскими дѣйствіями бывшихъ экзарховъ грузинскимъ народомъ, если ваше высокопреосвященство не откажется отъ управленія церковью, къ которой вы не принадлежите. Долгъ архипастыря положить когда нужно душу свою за паству свою, но паства грузинская вамъ чужда: ваше в-ство понимаете, какъ слѣдуетъ поступать въ паству съ чуждымъ архипастыремъ, пришедшимъ съ чуждаго ей двора похитить отъ законныхъ пастырей ея овцы.*“

Такъ привѣтствовали никѣмъ и ничѣмъ не раздражаемые туземцы вновь назначеннаго экзарха...

Но есть на Кавказѣ еще одна забытая народность—это русскіе. Для русскихъ кавказцевъ церковное настроеніе было особенно тяжело и невыносимо. Вѣдь русскій человѣкъ не можетъ жить безъ Бога и безъ церкви. Никакія бури ему не страшны, пока есть то святое святыхъ, гдѣ онъ можетъ душой отдохнуть и набраться силъ для новой борьбы и битвы. А именно тогда, въ минуты тягчайшихъ испытаній, своего народнаго духа, при невыносимо сложившихся жизненныхъ условіяхъ, русскій человѣкъ, лишенный церковнаго врачеванія, испытывалъ томящее чувство духовной жажды и сиротливости.

Среди торжествующаго зла мало по малу затемнялся и тускнѣлъ вождѣльный образъ Царствія Божія и въ безысходной тоскѣ безсильно опускались руки. Храмы пустовали, мутный житейскій потокъ своей грязной волной захлеснулъ заповѣдный уголокъ религіознаго чувства и увлекъ за собой и пастырей и пасомыхъ. Родители словеснаго стада сошли съ своей исторической стези и вступили на скользкій путь

политиканства и интриги. Въмѣсто здороваго слова раздавались истерическіе вопли, назойливо и раздражающе дѣйствовавшіе на нервы и льстиво потворствовавшіе низменнымъ инстинктамъ улицы. Ручьями лились крокодиловы слезы и на ухо нашептывалось подъ видомъ Христова ученія послѣднее слово политической бредни—ядовитый плодъ больного ума и извращеннаго чувства.

Словомъ, церковный вопросъ на Кавказѣ былъ самымъ больнымъ и острымъ вопросомъ переживаемой тяжелой минуты. Съ трепетомъ ожиданія и надеждъ встрѣтили русскіе кавказцы назначеніе на экзаршескій постъ высокопреосвященнаго Никона, какъ начало оздоровленія такъ ненормально сложившейся церковной жизни. И думалось, и вѣрилось тогда, что Самъ Богъ благословитъ благословеніемъ Своего святителя этотъ несчастный мятущійся край и наконецъ, воцарятся тамъ безмятежіе, миръ и благочестіе, безъ которыхъ такъ всѣ пострадали.

Экзархъ прибылъ въ Тифлисъ 26-го августа 1906 г. *На границѣ епархіи владыко былъ уже предупрежденъ властями о возможности покушенія на него. Наканунъ възда въ Тифлисъ были обнаружены вполне снаряженныя и готовыя для метанія бомбы, а въ самый день възда городъ принялъ видъ необычайный: всѣ улицы по пути слѣдованія экзарха съ вокзала въ Сіонскій соборъ были заполнены войсками.* Терроризованное слухами о готовящемся покушеніи населеніе, какъ по мановенію волшебнаго жезла исчезло съ городскихъ улицъ.

Очевидно преступные слухи были пущены въ ходъ, съ цѣлью оказать извѣстное давленіе на новаго экзарха, но автокефалисты жестоко обманулись въ своихъ ожиданіяхъ и, когда, проѣхавъ весь городъ въ открытомъ экипажѣ, владыко экзархъ вошелъ въ свой кафедральный соборъ, то при одномъ взглядѣ на него можно было съ увѣренностью сказать, что его не запугаютъ.

Въ соборѣ кромѣ официальныхъ лицъ, горсти русскихъ богомольцевъ, солдатъ и полиціи не было никого, не было также предводителя дворянства—грузина и городского головы тоже грузина, которые по традиціи всегда встрѣчали прежнихъ экзарховъ. Все грузинское духовенство, кромѣ

членовъ синодальной конторы и соборянъ тоже блистало своимъ отсутствіемъ.

При вступленіи экзарха въ соборъ *епископъ аллавердскій* Петръ привѣтствовалъ владыку рѣчью, въ которой упоянувъ, что „съ этого святительскаго мѣста бросили въ рѣку Куру митрополита Досифея въ 1795-мъ году,“ позволилъ себѣ ни болѣе ни менѣе, какъ предложить главѣ православной церкви на Кавказѣ и члену русскаго синода, облеченному особымъ довѣріемъ Монарха, присоединиться къ автокефальному скопу. При этомъ епископъ объяснилъ свое дерзкое предложеніе желаніемъ, чтобы новый экзархъ „тѣмъ обезсмертилъ свое имя въ лѣтописяхъ Иверской церкви“. Лукавый старецъ даже и не подозрѣвалъ въ эту минуту, что его слова окажутся, какъ слова Каиафы о Христѣ, пророческими и что высокопреосвященному Никону дѣйствительно суждено будетъ обезсмертить свое имя въ исторіи грузинской церкви, но только совершенно инымъ путемъ чѣмъ тотъ, на который звалъ его грузинскій епископъ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь, представляющую собою смѣсь угрозъ, заигрыванія и лести въ типично-восточномъ вкусѣ, экзархъ обратился къ новой паствѣ своей съ исполненнымъ достоинства словомъ:

„Когда Богъ посылалъ Моисея къ фараону, чтобы вывести изъ Египта народъ еврейскій, то Боговидецъ Моисей отказывался отъ этой миссіи: „кто я, чтобы мнѣ ити къ фараону и вывести изъ Египта сыновъ Израилевыхъ? (Ш, 10). Я человекъ нерѣчистый: тяжело говорю и косноязыченъ; пошли другого, кого можешь послать“ (IV, 10. 13). Но Господь не внялъ отказу Моисея, сказавъ: „Я буду съ тобою (Ш, 12) и научу тебя, что тебѣ говорить“ (IV, 12). Когда Моисей и послѣ этого великаго обѣщанія Господа: быть съ нимъ и наставлять его, сталъ отказываться отъ служенія, на которое призывалъ его Богъ, то возгорѣлся гнѣвъ Божій на Моисея (IV, 14). Подобно Моисею и я, когда палъ на меня жребій епископскаго служенія въ странѣ Иверской, былъ весьма смущенъ этимъ назначеніемъ, съ одной стороны сознавая трудность служенія здѣсь, а съ другой—скудость своихъ силъ. Я сталъ отказываться отъ

даннаго мнѣ назначенія, насколько позволяла мнѣ христіанская совѣсть; отказывался до тѣхъ поръ, пока отказъ не перешелъ границы, за которой онъ принялъ бы характеръ непокорности Богу, послушанія поставленнымъ отъ Него властямъ, характеръ своеволія, характеръ грѣха. При отказѣ, мысленно предсталъ предо мной, кромѣ Моисея, прогнѣвавшаго своимъ отказомъ Бога, другой образъ, образъ пророка Іоны, послушавшагося воли Господней, непошедшаго съ проповѣдью къ ниневитянамъ и за это тяжело наказаннаго Господомъ. Такъ какъ эти образы, по апостолу, были для насъ и написаны въ наставленіе намъ (I Кор. X, 6. 11), то я, сказавъ Богу: „да будетъ воля Твоя“ (Мее. VI, 10, XXII, 42), принялъ назначеніе на грузинскую кафедру.

Видите, братіе, что я прихожу сюда не по своей волѣ, а по волѣ Божіей; прихожу, исполненный любви къ вамъ, какъ къ богодарованной мнѣ паствѣ, какъ къ духовнымъ чадамъ своимъ, какъ къ братьямъ во Христѣ, (Евр. II, 11. 12). Памятуя ученіе апостольское, что во Христѣ Іисусѣ всѣ вѣрующіе одно, что нѣтъ ни іудея, ни эллина, ни раба, ни свободнаго, ни мужскаго пола, ни женскаго, каждаго члена паствы объемию одинаковой любовью безъ различія національности. Любовь моя къ паствѣ Грузинской утверждается еще тѣмъ сознаніемъ, что Иверія составляетъ земной удѣлъ Богоматери и что поэтому назначеніе меня сюда есть благоволеніе ко мнѣ, недостойному, Богородицы, скорой помощницы и сильной заступницы христіанъ православныхъ при жизни и по смерти ихъ. Не ослабляютъ во мнѣ любви къ новой паствѣ моей и тѣ трудности и скорби, которыя предстоятъ мнѣ здѣсь, которыхъ, впрочемъ, можетъ и не быть; не ослабляютъ любви, потому что, если мы умерли со Христомъ, то съ Нимъ и оживемъ, если терпимъ, то съ Нимъ и царствовать будемъ, (2 Тим. II, 11, 12).

Подъ трудностями и скорбями я разумѣю церковныя нестроенія, которыя породило желаніе нѣкоторыхъ независимости грузинской церкви, каковой они страстно добиваются, но которая, должно сказать, не имѣетъ существеннаго вѣдлѣ спасенія, потому что автокефалія не догматъ и не заповѣдь Божія. Не имѣемъ мы автокефаліи, это не мѣшаетъ

намъ сдѣлаться наслѣдниками царства небеснаго, приобрѣтаемъ мы автокефальность, она не введетъ насъ въ вѣчное блаженство. То ли хотимъ сказать этимъ, что автокефалии не дадутъ церкви грузинской, или что я противъ автокефалии? Нѣтъ, мы говоримъ не это; намъ не дано власти рѣшать вопросы объ автокефалии. Предварительное разсмотрѣніе этого вопроса предоставлено Высочайше утвержденному предсоборному присутствію, а окончательное рѣшеніе будущему собору. По вопросу объ автокефалии грузинской церкви на насъ лежитъ обязанность тщательно и всесторонне изучать его для содѣйствія безпристрастному и правильному рѣшенію его на соборѣ; управлять же мы должны на существующихъ основахъ церковнаго устройства. Вышеприведеннымъ разсужденіемъ объ автокефалии мы говоримъ съ пастырской стороны лишь то, что въ дѣлѣ спасенія все состоитъ въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ (1 кор. VII, 19), а не въ церковной независимости того или другого христіанскаго народа; что, домогаясь автокефалии, какъ сказали несущественнаго въ дѣлѣ спасенія, безъ разбора въ средствахъ какъ это дѣлается теперь, нарушаютъ самое существенное, безъ чего уже нельзя спастись, нарушаютъ заповѣди Божіи, напр., заповѣдь о повиновеніи властямъ, отъ Бога поставленнымъ (Рим. XIII, I. 2; Іуд. 8), о томъ, чтобы не подавать соблазна малымъ въ вѣрѣ (Лук. XVII, 1. 2; 1 Кор. X, 32) и др., что дышать духомъ противнымъ евангелію, требующему отъ христіанъ смиренномудрія, кротости, любви, мира (Мѡ. V, 3. 5. 7. 9).

Прихожу къ вамъ, братіе, ища не своей, а вашей пользы (1 Кор. X, 33), прихожу не для того, чтобы господствовать надъ наслѣдіемъ Божіимъ (1 Петр. V, 3), не для того, чтобы мнѣ служили, но, по примѣру пастыреначальника нашего Господа Іисуса Христа, послужить вамъ, вашему спасенію, (Мѡ. XX, 28), съ готовностью ради блага и спасенія пасомыхъ принести всевозможныя жертвы. Будучи готовъ служить вашему спасенію, прошу васъ всѣхъ содѣйствовать мнѣ въ приведеніи въ царство небесное боговрученной мнѣ паствы. Прежде всего прошу содѣйствія пастырей, самымъ званіемъ и служеніемъ обязанныхъ къ сему, умоляя ихъ

памятовать, что, не упасши врученныхъ намъ людей въ царство Христово, не спасемъ и сами, потому что за каждаго человѣка, погибшаго для царства небснаго, Господь възьщеть отъ нашей крови (Іез. XXXIII, 8).

Рѣчь наша, обращенная по преимуществу къ грузинамъ по происхожденію, какъ составляющимъ преобладающій элементъ нашей паствы, не напрасно-ли сказана вслѣдствіе того, что мы почти не видимъ пастырей изъ грузинъ? Нѣтъ братіе, не напрасно. Мы не сомнѣваемся, что слова Христовы, обращенныя къ апостоламъ: что вы сказали въ темнотѣ, то услышится во свѣтѣ; и что говорили на ухо внутри дома, то будетъ провозглашено на кровляхъ (Лук. XII, 2, 3), исполнятся и въ отношеніи къ нашей рѣчи; увѣрены, что она дойдетъ до слуха тѣхъ, кому надлежало выслушать ее. Молимъ Господа, чтобы она нашла добрую почву, подготовленную благодатію Божіею, и принесла обильный плодъ въ умиротвореніе грузинской паствы.

Молитвами Богородицы и святой равноапостольной Нины Богъ мира да будетъ со всѣми нами во вся дни наша и во вѣки вѣковъ. Аминь.“

Эта рѣчь сразу показала всѣмъ и каждому, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Не явившееся на встрѣчу своему архипастырю грузинское духовенство продолжало систематически бойкотировать экзарха. Ему не представляли донесеній, не присылали рапортовъ, не допускали просителей. Въ скверѣ передъ экзаршескимъ домомъ постоянно ютились какія-то темныя личности, которыя останавливали идущихъ къ экзарху грузинскихъ священниковъ и просителей и создали такимъ образомъ какой-то непроницаемый заслонъ, отдѣлившій архипастыря отъ его паствы.

Но за то экзарху прислали безграмотное посланіе, съ предложеніемъ подъ угрозой смерти, немедленно уѣхать изъ Грузіи. Подъ этимъ письмомъ красовалась подпись— „*Потомокъ Католикоса*“.

Прошло нѣсколько дней и экзархъ рѣшилъ сдѣлать первый шагъ къ непосредственному сближенію съ ввѣренной его духовному водительство паствою, и 8-го сентября наз-

начиль архіерейское служеніе въ Дидубійской церкви, гдѣ находится весьма чтимая въ Тифлисѣ икона Божіей Матери. Это рѣшеніе экзарха произвело цѣлый переполохъ въ автокефальныхъ сферахъ и вотъ наканунѣ праздника, позднимъ вечеромъ, въ экзаршескій домъ къ высокопреосвященному Никону явились члены грузинско-имеретинской синодальной конторы архимандритъ А. и ключарь Сіонскаго каедральнаго собора протоіерей Т. и *начали уговаривать экзарха отказатья отъ намѣренія служить въ грузинскомъ приходѣ, ибо его могутъ убить.*

Владыко, какъ и слѣдовало ожидать, отвергъ дерзкіе уговоры и освободилъ этихъ лицъ отъ сослуженія съ нимъ въ Дидубійской церкви, въ которой онъ совершилъ литургію на слѣдующій день въ сослуженіи ректора духовной семинаріи архимандрита Григорія и мѣстнаго причта.

Этотъ поступокъ экзарха произвелъ цѣлую сенсацію въ тифлискомъ обществѣ и всѣ воочію убѣдились, что новый архипастырь смерти не боится. Тогда была слѣлана попытка толкнуть экзарха на путь репрессій. Протоіерей Т., дерзко уговаривавшій владыку не служить въ грузинскомъ приходѣ, подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Несомнѣнно, что удовлетвореніе этого ходатайства было бы истолковано самымъ широкимъ образомъ оппозиціей и поднялись бы безконечныя ламентации на тему о гоненіяхъ на грузинъ и. т. п. Но экзархъ не принялъ отставки и весь инцидентъ волей-неволей пришлось считать исчерпаннымъ.

Своимъ тактичнымъ и ровнымъ обращеніемъ, своимъ умѣніемъ не замѣчать бойкота, высокопреосвященный Никонъ начиналъ уже подчинять обаянію своей свѣтлой личности всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ то или иное соприкосновеніе и сумѣлъ создать почву для сближенія. Грузинское духовенство это поняло и уже въ октябрѣ 1906-го года (а экзархъ пріѣхалъ въ концѣ августа) постановило снять бойкотъ и вступить въ общеніе съ экзархомъ. Это, однако, ничуть не помѣшало тому-же грузинскому духовенству въ полномъ своемъ составѣ не явиться на пастырское собраніе, которое владыко созвалъ въ братскомъ залѣ миссіонерской церкви. Не укрылось отъ вниманія экзарха, что духовенство

г. Тифлиса не считало нужнымъ въ царскіе дни являться въ соборъ къ молебну. На запросъ владыки о причинахъ такого страннаго явленія клжчарь собора, все тотъ-же протоіерей Т. сослался на какое-то распоряженіе одного изъ предшественниковъ владыки.

Тогда послѣдній приказалъ представить ему по этому поводу документальную справку. Ее искали и, конечно, не наши.

Такимъ образомъ духовенство было вынуждено не уклоняться отъ парадныхъ Богослуженій.

Между тѣмъ автокефальное движеніе вступило въ новую стадію развитія. Въ № 18 революціонной газеты „Тифлисъ“, появилась статья подъ заглавіемъ: „Какой тактики должно держаться грузинское духовенство при восстановленіи родной церкви въ автокефальныхъ ея правахъ“. Статья, очевидно, продуктъ коллективнаго творчества, выражала собою „мнѣніе группы священниковъ“, преимущественно тифлискихъ, являющейся руководящей сферой въ автокефальномъ движеніи. „Мнѣніе“ это чрезвычайно типично, какъ знаменіе нашего страннаго времени и заслуживаетъ поэтому особаго вниманія. Военственные батюшки выработали цѣлый планъ стратегическаго отступленія, уже заранѣе учитывая всѣ выгоды вѣрной побѣды.

Печальныя явленія грузинской церковной жизни рясоносные авторы статьи цѣломудренно прикрыли мягкимъ названіемъ „освободительнаго движенія“. Всякій сепаратизмъ, какъ водится, категорически отрицался, а стремленіе къ автокефаліи разсматривалось, какъ показатель полнаго и окончательнаго сліянія мѣстныхъ грузинскихъ интересовъ съ интересами центра.

Такимъ образомъ по излюбленной кавказской логикѣ кавказская церковная смута-де не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а является лишь однимъ изъ моментовъ общерусскаго движенія и носить чисто стихійный характеръ. Связавъ такой посылкой свои сепаратистическія стремленія въ одно со стремленіями будто бы русскаго народа, автокефалисты переходятъ къ аргументаціи и притомъ, очень откровенной, цѣлесообразности принятой ими системы. Со-

знавъ свою относительную слабость, они рѣшили много-миллионный русскій народъ использовать, какъ грандіозный таранъ и выбить имъ дверь закрытаго для нихъ земного автокефальнаго рая, а въ награду за это обѣщали русскимъ рай небесный. Съ наивностью, доходящей до цинизма, церковные освобожденцы объясняютъ, что имъ невыгодно вступать въ конфликтъ съ русскимъ народомъ, и обѣщаютъ разъединиться съ русской церковью „мирно и полюбовно тѣлеснѣ, чтобы при этомъ разъединеніи блюсти дражайшее въ христіанствѣ единеніе духа въ союзѣ мира“. Несмотря на вышеприведенныя разсужденія о неисчислимыхъ выгодахъ пропагандируемой системы дѣйствій, группа священниковъ соглашается на этотъ минимумъ требованій лишь „до поры до времени“. Прежде всего авторы „мнѣнія“ считаютъ вопросъ объ автокефалии грузинской церкви превышающимъ компетенцію имѣющаго быть всероссійскаго церковнаго собора и находятъ цѣлесообразнымъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы всероссійскій соборъ не вошелъ въ разрѣшеніе, переданнаго на его обсужденіе вопроса.

Изъ дальнѣйшаго, однако, неясно, почему именно „сознательные батюшки находили соборъ не компетентнымъ въ рѣшеніи даннаго вопроса; потому-ли, что смѣшиваютъ автокефалію съ догматомъ или заповѣдью Божіей, или потому, что имѣютъ основаніе думать, что соборъ отрицательно отнесется къ разыгравшейся фантазіи рясоносныхъ бунтарей. Но интересны основанія, по которымъ грузины должны ожидать со стороны членовъ собора отпора своимъ церковнымъ притязаніямъ. Оказывается, по ихъ мнѣнію, что главнымъ препятствіемъ къ правильному рѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ жизни на Кавказѣ является непониманіе русскими грузинскаго національнаго духа (!!).

Если вѣрять авторамъ статьи, то грузинскій духъ—это какая-то роковая тайна, семью печатями запечатанная и для уразумѣнія ея необходимы прямо - таки сверхчеловѣческія достоинства. Можно быть очень умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, можно очень долго жить на Кавказѣ, ежедневно встрѣчаться и присматриваться къ грузинамъ и

тѣмъ не менѣе понять невозможно *). Такимъ образомъ незаурядные умные и образованные люди „долго жившіе среди грузинъ думаютъ о Грузіи и грузинахъ совершенно также какъ знающіе объ этомъ лишь со словъ „Новаго Времени“, „Колокола“, „Голосъ Кавказа“ и „подобныхъ изданій“.

Позиція занятая автокефалистами была очень удобна и могла поставить втупикъ новаго экзарха. Ему опредѣленно и ясно совѣтывали бросить всякія надежды на возможность хотя бы въ будущемъ взаимнаго пониманія и въ отвѣтъ на его старанія разобраться въ кавказскомъ кавардакѣ приняли позу загадочныхъ натуръ, для которыхъ законъ не писанъ.

Это было новое предостереженіе ему, что невидимые плоды видимаго „успокоенія“ зрѣютъ въ обманчивой тиши и что уже начали сплетать ему вѣнокъ изъ терніевъ. Не менѣе печальный выводъ долженъ былъ сдѣлать экзархъ изъ результатовъ совѣщанія четырехъ грузинскихъ архіереевъ съ пятнадцатью представителями грузинскаго духовенства отъ четырехъ епархій, входящихъ въ составъ экзархата. Постановленія этого интереснаго совѣщанія, какъ это ни невѣроятно, были выражены въ нижеслѣдующихъ пяти пунктахъ:

1) имѣющихъ присутствовать на предстоящемъ всероссійскомъ соборѣ членовъ отъ грузинскихъ епархій снабдить обязательными для нихъ полномочіями отъ вдовствующей (?) иверской церкви;

2) уполномоченные отъ иверской церкви принимаютъ участіе въ обсужденіи вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію будущаго всероссійскаго собора;

3) впредь до рѣшенія вопроса объ автокефаліи имѣть административно-служебныя сношенія съ экзархомъ Грузіи на слѣдующихъ началахъ:

*) Надо отдать полную справедливость, что грузины сдѣлали за послѣднее время все, чтобы тайна грузинскаго духа была ясна для каждаго: о сущности этого «духа» послѣ кавказской бойни и отношенія къ ней грузинскихъ дворянства, духовенства интеллигенціи, прессы и протонародія двухъ мнѣній не можетъ быть.

а) по сложеніи нынѣшними благочинными обязанностей благочинныхъ, которое должно послѣдовать вслѣдъ за опубликованіемъ настоящаго постановленія, духовенство замѣщаетъ эти должности выборными ими лицами и въ каждомъ благочинномъ округѣ благочинническіе совѣты изъ избранныхъ духовенствомъ же лицъ, подъ предсѣдательствомъ благочиннаго;

б) предоставить благочинническимъ совѣтамъ право рекомендовать приходамъ правоспособныхъ лицъ для замѣщенія священно-церковно-служительскихъ вакансій на предметъ представленія епархіальному начальству;

4) Закрывъ окружной училищный совѣтъ, поставить во главѣ церковно-школьнаго дѣла въ епархіяхъ экзархата лицъ, понимающихъ языкъ дѣтей и пользующихся довѣріемъ общества;

5) Преодать грузинскому духовенству братскій совѣтъ—проживать въ своихъ приходяхъ и исполнять свои обязанности неукоснительно, вести жизнь трезвенно-безукоризненную, не стѣснять прихожанъ требованіями вознагражденія за требоисполненія и тѣмъ не возбуждать ихъ противъ себя, какъ это сдѣлало духовенство сагареджинскаго округа *).

Таковы были итоги частнаго совѣщанія представителей грузинской церкви. Они прекрасно обрисовываютъ любопытную картину настроенія извѣстной касты грузинскаго духовенства, его аппетиты, вкусы и упованія. Какъ одинъ изъ этаповъ автокефальнаго движенія, это совѣщаніе чрезвычайно характерно для теченія современной грузинской церковной мысли и вводитъ въ сферу религіозной жизни совершенно новый и чуждый элементъ, придавая церковнымъ вопросамъ характеръ какой-то коммерческой сдѣлки.

Эти постановленія интересно сопоставить съ тѣмъ что

*) Священникъ сел. Сагареджіо не пожелалъ производить какой-то требы до полученія имъ довольно крупной суммы. Сельчане назначили ему таксу за требы по 10—20 коп., а когда священникъ не подчинился устроили такой бойкотъ, что священникъ взмолился о пощадѣ. Онъ не только долженъ былъ принять таксу, но еще и подвергнуться униженію: его заставили стать на колѣни передъ сходомъ и униженно просить прощенія.

предшественнику высокопреосвященнаго Никона, печальной памяти экзарху Николаю грузинскіе епископы, представивъ мотивированные доклады по вопросамъ циркулярно предложеннымъ оберъ-прокуроромъ св. Синода относительно церковныхъ реформъ: раздѣленія Россіи на церковныя округа подъ управленіемъ митрополитовъ, преобразованія церковнаго управленія и суда, усовершенствованія церковныхъ школъ, — подали за общюю своею подписью въ видѣ слѣдующей петиціи: „Какъ извѣстно вашему высокопреосвященству, всѣми сословіями Грузіи: духовенствомъ, дворянствомъ, представителями городовъ возбуждены ходатайства передъ подлежащими властями о возвращеніи грузинской церкви автокефаліи, которою церковь эта пользовалась съ древнѣйшихъ временъ. Духовенство и паства грузинская настоятельно требуютъ этого, въ противномъ случаѣ отказываются отъ насъ. До настоящаго времени мы воздерживались отъ вмѣшательства въ предметъ столь серьезной важности, но теперь вопросъ этотъ достигъ такой степени развитія, что не высказаться намъ не представляется болѣе возможности... Такое стремленіе духовенства и паствы грузинской церкви мы считаемъ вполне справедливымъ и отвѣчающимъ требованіямъ современной жизни и задачамъ церкви.

„Чтобы наше молчаніе не послужило поводомъ и причиною самовольнаго разрыва и прекращенія связи со стороны духовенства и народа грузинскаго съ русскою церковью, считаемъ долгомъ довести о семъ до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства и почтительнѣйше просить въ возможно скоромъ времени представить настоящую нашу петицію о восстановленіи въ автокефальныхъ правахъ своихъ грузинской церкви его сіятельству оберъ-прокурору Св. Синода кн. А. Д. Оболенскому для поверженія ея на благосозволеніе Его Императорскаго Величества Государя Императора. *)

Такъ категорично писали грузинскіе епископы въ ноябрѣ 1905-го года, а въ октябрѣ слѣдующаго 1906-го года они уже заговорили другимъ языкомъ. За періодъ автокефаль-

*) Петиція эта была представлена экзархомъ Грузіи Николаемъ Намѣстнику со своимъ заключеніемъ.

наго безумія въ Грузіи происходило столько совѣщаній съѣздовъ, собраній и т. д., что мы имѣемъ полное право, придавать выраженнымъ на нихъ постановленіямъ, требованіямъ и мнѣніямъ весьма скромный вѣсъ и крайне относительное значеніе. Калейдоскопъ всѣхъ этихъ якобы минимальныхъ чаяній носителей грузинскаго церковнаго самознанія только еще одинъ лишній разъ подтверждаетъ ту истину, что грузинская церковная смута является продуктомъ настроенія небольшой клики рясоносныхъ политика-новъ, но отнюдь не убѣжденія, ибо въ вопросахъ идейныхъ вообще, а въ религіозныхъ въ особенности, немислимо мѣнять убѣжденія, какъ перчатки. Первый же параграфъ постановленій этого совѣщанія производитъ странное впечатлѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, что это за обязательныя полномочія, которыми намѣревается снабдить “вдовствующая иверская церковь” своихъ представителей на имѣющемъ быть всероссійскомъ церковномъ соборѣ? У членовъ собора церковнаго могутъ и должны быть только одни обязательныя полномочія—*блостни чистоту православія*, другихъ обязательствъ у членовъ собора нѣтъ и быть не можетъ.

Но, вѣдь, эти обязательства вытекаютъ изъ самой природы вещей и подчеркивать ихъ въ данномъ случаѣ не было ни малѣйшей надобности. По поводу такого подчеркиванія новому экзарху можно было придти только къ двумъ выводамъ одинаково грустнаго свойства, а именно: или здѣсь заключался намекъ на неправославіе русской церкви и поэтому предписывалось грузинскимъ членамъ собора стать на стражу чистоты вѣры, или передовые грузинскіе батюшки плѣнились лаврами, которые стяжали въ Государственной Думѣ представители кавказскаго пролетаріата, и рѣшили навязать своимъ представителямъ на соборѣ точно такой-же образъ дѣйствій. Первое со стороны иверской церкви, какъ „свидѣтельница православія церкви русской“ по словамъ самихъ-же мѣстныхъ церковныхъ дѣятелей, ужасно любящихъ выставлять при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ эту „заслугу“ церкви грузинской, придавая ей характеръ какой-то въ высшей степени обязательной лю-

безности по отношеніи къ намъ русскимъ,—было бы слишкомъ некрасиво, чтобы не сказать болѣе, а второе было бы по меньшей мѣрѣ нелѣпо.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе и странное наименованіе церкви иверской „вдовствующей“, что въ устахъ грузинскихъ епископовъ и священниковъ, собравшихся на совѣщаніе съ разрѣшенія экзарха Грузіи являлось дерзкимъ. Третій пунктъ постановленій не лишенъ даже нѣкоторой пикантности. Оказывалось, что рясоносные стратеги заключали только перемиріе съ высшей церковной властью въ краѣ и снисходительно соглашались „имѣть административно—служебныя сношенія съ экзархомъ Грузіи“, но для этого экзархъ долженъ былъ осуществить и осуществить немедленно цѣлый рядъ требованій различной важности и значенія. На грустныя размышленія наводилъ четвертый пунктъ постановленій, въ которомъ требовали закрыть коллегіальное учрежденіе, вѣдающее духовное просвѣщеніе въ краѣ, а его функціи возложить на лицъ, къ которымъ предъявлялось лишь единственное требованіе: знаніе мѣстныхъ языковъ и... популярность.

Но особенно интересенъ пятый и послѣдній пунктъ. Почтенные дѣятели очевидно не на шутку увлеклись желаніемъ „и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“, и въ предвкушеніи вѣрной удачи, пришли въ игривое настроеніе духа. Ничѣмъ инымъ нельзя себѣ объяснить „братскій совѣтъ“, преподанный членами совѣщанія приходскому духовенству Грузіи.

Взбаломутивъ житейское море разными осовободительными фокусами и какъ бы узаконивъ въ каждой деревнѣ личность штатнаго агитатора въ лицѣ приходскаго священника, обязаннаго саномъ своимъ быть носителемъ любви и мира и принужденнаго подъ страхомъ различнаго рода бойкотовъ и тому подобныхъ честныхъ и истинно христіанскихъ и высоко—культурныхъ пріемовъ плясать подъ чужую дудку, почтенные члены совѣщанія обратились къ этимъ невиннымъ пѣшкамъ съ нравоучительными рацеями.

Таковы были итоги совѣщанія избранныхъ представителей грузинскаго клира и они пріобрѣтаютъ особенный интересъ, если вспомнить, что въ совѣщаніи принимали видное

участіе епископъ Киріонъ, который еще сравнительно недавно въ своей книжкѣ „Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе“ свидѣтельствовалъ о непрерывныхъ и плодотворныхъ трудахъ преемственно управлявшихъ грузинской церковью экзарховъ и говорилъ, что „грузинская церковь благоденствуетъ и различныя стороны религиозно—нравственной жизни народа, за столѣтіе со дня присоединенія Грузіи къ Россіи, значительно улучшились, постепенно обновляясь новыми и новыми формами“.

Итакъ положеніе о загадочности грузинскаго національнаго духа, провозглашенное анонимной „группой священниковъ“ начинало уже иллюстрироваться именитѣйшими представителями грузинскаго клира.

Между тѣмъ въ Петербургѣ открылась осенняя сессія предсоборнаго присутствія, второму отдѣлу, котораго было поручено имѣть сужденіи „объ устроеніи церковныхъ дѣлъ на Кавказѣ“. Государь Императоръ ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ на вызовъ для участія въ засѣданіяхъ присутствія одного изъ епископовъ грузинскаго экзархата, по выбору экзарха Грузіи и высокопреосвященный Никонъ выбралъ для этой командировки епископа имеретинскаго Леонида.

Повидимому этотъ выборъ кое-кому не понравился и въ извѣстныхъ кругахъ грузинскаго духовенства и грузинскаго общества поднялись по этому поводу оживленные толки, а любезное телеграфное агентство послѣшило въ одномъ изъ своихъ сообщеній подчеркнуть, что епископъ Леонидъ командированъ въ Петербургъ „вмѣсто епископа Киріона“. Трудно уразумѣть загадочную психологію воротилъ мѣстной церковной смуты. Съ объективной точки зрѣнія оба эти епископа стоили одинъ другого и командированъ-ли Леонидъ вмѣсто Киріона, или Киріонъ вмѣсто Леонида—это по существу было рѣшительно все равно, потому что, если епископъ Киріонъ былъ уличенъ во лжи, хотя и... юбилейной и приобрѣлъ себѣ уже такимъ образомъ патентъ на автокефальное благородство, то за то епископъ Леонидъ являлся авторомъ лживой и клеветнической „записки“.

Словомъ шансы обоихъ епископовъ были равны. Но автокефальная трясина всколыхнулась. Чья-то невидимая

рука нажала явныя и тайныя пружины и вотъ среди мѣстнаго общества сталъ упорно циркулировать слухъ, зарегистрированный и въ мѣстной печати, что какіе то представители грузинскаго духовенства рѣшили снабдить епископа Леонида программой, въ рамкахъ которой онъ долженъ дѣйствовать. На глазахъ у новаго экзарха грузинская церковная авантюра начала выливаться въ одну изъ самыхъ уродливыхъ формъ подпольнаго произвола. Какъ-то не хотѣлось вѣрить, что этотъ нелѣпый слухъ имѣлъ реальное основаніе. Командированный съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія на совѣщаніе, имѣющее цѣлью подготовить одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ нашей церковной жизни, отъ котораго зависитъ все дальнѣйшее ея направленіе и теченіе, епископъ церкви Божіей становился такимъ образомъ простымъ орудіемъ въ цѣпкихъ и грязныхъ рукахъ какой-то анонимной группы людей, дерзнувшихъ кощунственно присвоить „себѣ наименованіе представителей церкви грузинской“.

Становилось очевиднымъ, что для извращеннаго сознанія расносныхъ политикановъ—церковь—лишь простая ширма „для прикрытія зла“, а народъ—только дойная корова. Самоопредѣлившіеся грузинскіе попы окончательно рѣшили третировать своихъ „словесныхъ овецъ“, какъ безсловесныхъ животныхъ, а своего епископа превратить въ простую пѣшку своей рискованной игры. Нравственно подавленный епископъ ни въ коемъ случаѣ не могъ быть полноправнымъ членомъ высокаго церковнаго собранія.

Теоретическая ложъ такого тактическаго приѣма вполнѣ гармонировала съ его практическими послѣдствіями. Ревнителі церковно-политической утопіи и не подумали о томъ, въ какое некрасивое положеніе поставили они своего епископа. Его, призваннаго саномъ парить орломъ въ свѣтлой области жизни и мысли церковной, они старались превратить въ какого-то партійнаго попугая, голосъ котораго долженъ былъ звучать въ униссонъ съ голосомъ темнаго подполья.

Послѣдующее показало, что епископъ Леонидъ вполнѣ вошелъ въ навязанную ему обстоятельствами, роль, а вкупѣ и влюбѣ съ епископомъ Киріономъ даже превзошелъ

самыя смѣлыя ожиданія. То, что онъ говорилъ въ предсоборномъ присутствіи могъ говорить лишь дѣйствительно связанный мандатомъ епископъ, исповѣдующій и признающій только одну партійную правду.

Можно себѣ представить, какое удручающее впечатлѣніе должна была произвести эта печальная страница печальной кавказской дѣйствительности на нашего владыку. Онъ видѣлъ, что негдѣ и не откуда ждать поддержки, что въ данную минуту опереться на мѣстныя общественныя силы и немыслимо, и не возможно. Архіепископъ Никонъ былъ не чета дряблымъ „воронцовцамъ“, онъ не хотѣлъ себя тѣшить несбыточными надеждами, не хотѣлъ устраивать политическихъ переодѣваній.

Шестого декабря, во время освященія батумскаго собора, онъ, въ присутствіи Намѣстника и всѣхъ его присныхъ, произнесъ рѣчь, въ которой съ присущею ему прямою высказалъ свой взглядъ на роль русскихъ людей на Кавказѣ. Вотъ эта замѣчательная рѣчь:

„Церковь Христова основана смертію нашего Спасителя (евр. IX, 12. 16), а распространялась на землѣ святыми мучениками, кровь которыхъ была сѣменемъ для новыхъ христіанъ. Какъ въ основаніи церкви Христовой лежитъ кровь, пролитая изъ любви Бога къ людямъ и людей къ Богу, такъ точно и православіе русское распространялось и утверждалось кровью нашего Христіолюбиваго воинства и его подвигала на смерть та же христіанская любовь, которая воодушевляла мучениковъ церкви Христовой. Напримѣръ, что привело сюда, на Кавказъ, русскія войска? Стоны и вопли къ сердобольному русскому народу нѣкогда умиравшаго отъ вѣшнихъ враговъ грузинскаго народа, страданія оскорбляемыхъ и истребляемыхъ балканскихъ славянъ. Сюда пришли мы не для захвата чужого достоянія; здѣсь лилась съ русской стороны не кровь хищниковъ, а кровь любви къ единовѣрнымъ намъ народамъ. Россія безчисленными матеріальными жертвами и потоками крови своихъ сыновъ сохранила жизнь грузинамъ и балканскимъ славянамъ.

Этихъ высокихъ побужденій, великихъ подвиговъ рус-

скаго воинства и благодѣяній русскаго народа не забудеть міровая исторія. Въ благодарность Господу за Его помощь намъ, въ молитвенную память героевъ, обогрившихъ Кавказъ кровью своею и утвердившихъ здѣсь русское владычество, по мысли бывшаго намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ и главнокомандующаго кавказской арміей Великаго Князя Михаила Николаевича, руками блаженной памяти Государя Императора Александра III и Его Августѣйшаго Семейства, заложень средствами русской казны и жертвами русскаго народа, сооружень и нынѣ освященъ сей храмъ въ честь св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, дабы онъ своими молениями ограждалъ владычество русскихъ царей здѣсь, какъ онъ, пребываніемъ мощей своихъ въ С.-Петербургѣ, ограждаетъ сѣверо-западные предѣлы Россіи. Въ роды родовъ этотъ храмъ будетъ проповѣдникомъ на нашей окраинѣ о томъ божественномъ Христовомъ ученіи, которое исповѣдуетъ великое русское государство, о той христіанской любви, которая подвигала и подвигаетъ его на жертвы до смерти за угнетенные единовѣрные народы а для облагодѣтельствованныхъ народовъ будетъ всегдашнимъ напоминаніемъ о тѣхъ жертвахъ средствами и людьми, которыя принесъ для нихъ русскій народъ. Небо и небо небесъ не вмѣщаютъ Тебя, Господи (3 Цар. 8, 27), но благоволи обитать въ храмъ семь, прійми этотъ великій даръ Тебѣ русскаго народа: въ основаніи его кровь сыновъ Россіи, пролитая за вѣру святую Твою и за братьевъ по вѣрѣ; зданіе его изъ сердець православнаго русскаго народа, принесшаго свои жертвы на сооруженіе его отъ святой любви, отдававшаго иногда съ крестнымъ знаменіемъ на челѣ и молитвою на устахъ о погибшихъ здѣсь дѣдахъ, отцахъ, братьяхъ, сыновьяхъ, подобно евангельской вдовѣ, послѣднюю лепту, все свое достояніе. Да будутъ очи Твои, Господи, отверсты на храмъ сей день и ночь (3 Цар. 8, 29), чтобы знали народы земли, что имя Тебѣ Господь, и чтобы разумѣли языцы, яко съ нами Богъ“.

Нужно замѣтить, что батумскій соборъ возбудилъ аппетитъ у грузинскаго духовенства и оно сдѣлало попытку его

экспроприровать. Экзарха засыпали просьбами оставить этот соборъ въ вѣдѣніи епархіальной власти, но владыко не согласился на это и передалъ его военному вѣдомству, которое одно могло гарантировать ему полную неприкосновенность. Почему экзархъ не могъ поступить иначе, это видно изъ выше приведенной рѣчи, въ которой онъ подчеркнулъ особое значеніе новаго храма, какъ жертвы Богу и русскаго народа.

Прошло еще нѣсколько времени и наступили великіе дни Рождества Христова. И вотъ на третій день праздника подъ предательскими пулями, пущенными изъ за угла, палецъ тяжело раненый, извѣстный всему Кавказу и Россіи талантливый проповѣдникъ слова Божія, носитель лучшихъ завѣтовъ православнаго пастырства протоіерей Сергій Городцевъ.

Преступленіе было чисто политическаго свойства; личныхъ враговъ у о. Сергія не было и быть не могло и онъ сталъ жертвой своихъ глубоко патріотическихъ убѣжденій. Намѣстникъ ходатайствовалъ передъ синодомъ объ удаленіи о. Городцева изъ Тифлиса, но это ходатайство не было уважено. Кавказскіе освобожденцы въ свою очередь тоже страшились огромнаго вліянія на народъ доблестнаго пастыря и, когда происки сановнаго пролетаріата въ синодальныхъ сферахъ оказались безуспѣшными, рѣшили освободиться отъ русскаго дѣятеля способомъ, получившимъ на Кавказѣ право гражданства. Покушеніе на о. Сергія было покушеніемъ на русское общество, на русское дѣло.

Кровью генерала Грязнова начался на Кавказѣ 1906 г. и кровью протоіерея Городцева онъ завершился. Это было вполне послѣдовательно и логично, ибо Воронцовская политика ни къ чему иному привести не могла.

У ложа истекающаго кровью страдальца, благословляя борющагося со смертью о. Сергія, землякъ Сусанина еще разъ могъ воочию убѣдиться, что на Кавказѣ стало опасно быть русскимъ. Кровавый призракъ насильственной смерти предсталъ предъ великимъ архипастыремъ, какъ бы искушая его сойти съ тернистой стези долга на усѣянный розами путь Воронцовской улыбки.

На сколько высокопреосвященный Никонъ былъ муже-

ственъ и человѣкъ принципа обнаружилось съ очевидностью въ эти тяжелые для русскаго общества дни, когда горячо всѣми любимый о. Сергій боролся со смертью: не смотря на явную опасность и угрозы экзархъ Никонъ постоянно навѣщаль раненнаго и подаваль ему духовное утѣшеніе.

Скромно и, какъ бы по секрету, былъ вынужденъ экзархъ праздновать великій день Богоявленія; крестный ходъ былъ отмѣненъ и водосвятіе совершено въ стѣнахъ храма. Для такого русскаго и религіознаго человѣка, какимъ былъ покойный экзархъ, жизнь на Кавказѣ при такихъ условіяхъ должна была казаться особенно тяжелой и сама судьба хотѣла освободить его отъ невыносимой тягости креста, взятаго имъ на свои плечи.

Въ январѣ экзарха избрали членомъ Государственнаго Совѣта, ему такимъ образомъ представлялась возможность покинуть забытый и дымящійся русской кровью край и поселиться въ Петербургѣ. Передъ владыкой открывались широкіе горизонты и при юридическомъ складѣ его государственнаго ума, онъ несомнѣнно занялъ бы выдающееся мѣсто среди членовъ Государственнаго Совѣта.

Искушеніе было сильное, но долгъ опять беретъ верхъ надъ возможностью личнаго благополучія и мужественный іерахъ отвѣтилъ на лестное предложеніе слѣдующей телеграммой:

„Нахожу невозможнымъ сейчасъ оставить Тифлисъ для присутствованія въ Государственномъ Совѣтѣ безъ неоправимаго вреда для экзархата. Прошу въ этотъ разъ при замѣщеніи члена Совѣта обойти меня“.

Такимъ образомъ экзархъ остался въ Грузіи. Прошло еще нѣсколько времени и насталь великій постъ. Въ первое воскресеніе этого поста, совершается, какъ извѣстно, особый „чинъ православія“, и вотъ автокефалисты обвинили печатно экзарха, что онъ будто бы велѣлъ вычеркнуть изъ обычнаго поминовенія имена бывшихъ царей грузинскихъ и католиковъ грузинской церкви. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было и чинъ совершили и на этотъ разъ совершенно такъ же, какъ его совершали всегда.

По требованію экзарха ключаремъ и протодіакономъ со-

бора было напечатано въ газетах опроверженіе гнусной клеветы, но въ такихъ случаяхъ опроверженія обыкновенно мало помогаютъ дѣлу и клевета всегда оставляетъ послѣ себя ядовитый осадокъ.

Вполнѣ сознавая ожидающія его трудности, владыко рѣшилъ учредить русское викаріатство и по его ходатайству былъ возведенъ въ санъ епископа, съ титуломъ бакинскаго, энергичный ректоръ тифлиской духовной семинаріи архимандритъ Григорій, который, какъ человѣкъ прекрасно знакомый съ мѣстными условіями, могъ быть незамѣнимымъ сотрудникомъ по управленію экзархатомъ.

Наличность русскаго епископа была тѣмъ болѣе необходимою, что экзархъ былъ вызванъ въ синодъ, а управленіе епархіей было сдать некому, ибо поручать что-либо епископу Петру было положительно невозможно.

Хиротонія епископа Григорія была совершена въ Петербургѣ и высокопреосвященный Никонъ только ждалъ его возвращенія въ Тифлисъ, чтобы, сдавъ управленіе епархіей, выѣхать въ столицу для присутствія въ синодѣ.

Но передъ выѣздомъ экзарху было суждено еще разъ убѣдиться въ томъ, что на Кавказѣ русская кровь льется совершенно безнаказанно и служеніе долгу карается смертью: 24-го мая, почти въ самый моментъ вѣзда въ Тифлисъ бывшаго ректора семинаріи епископа бакинскаго Григорія, среди бѣлаго дня, былъ растрѣлянъ на улицѣ ѣхавшій по дѣламъ службы инспекторъ семинаріи г. Добро-нравовъ, единственной виной, котораго было то, что онъ былъ русскій, оставался вѣрнымъ принятой присягѣ, не лебезилъ передъ учениками и не искалъ дешевой популярности. Подъ такимъ впечатлѣніемъ экзархъ уѣхалъ въ Петербургъ и принялъ участіе въ засѣданіяхъ синода.

У зауряднаго дѣятеля кровавый кошмаръ кавказской дѣйствительности могъ бы парализовать стремленіе къ безцѣльной, казалось, борьбѣ съ злою стихіей, которой въ Грузіи не предвидѣлось конца, но великій святитель не поддавался унынію, сквозь туманъ безотраднaго настоящаго онъ провидѣлъ свѣтлую зарю будущаго, которое должно наступить и ради котораго стоитъ жить и бороться.

Экзархъ имѣлъ основаніе надѣяться, что грузинское духовенство начало уже прозрѣвать, куда ведетъ скользкая дорога, и видѣлъ признаки того, что въ его средѣ, какъ идейный противовѣсъ церковной смутѣ, стала уже образовываться партія людей, сторонящихся отъ духовнаго политиканства. Правда, эта партія была еще очень слаба и попытки ея очень робки, но и это уже былъ большой шагъ впередъ и не даромъ революціонная печать обрушилась на „трезвенниковъ“ съ грознымъ окрикомъ „не отставать“!

Экзархъ видѣлъ, что въ автокефальной стѣнѣ была уже пробита брешь и притокъ отрезвленія сталъ возможенъ. Теперь святитель былъ не одинъ на своей великой стражѣ. Въ Тифлисъ русскій епископъ Григорій облегчалъ несеніе экзаршескаго креста, а въ Абхазіи епископъ Дмитрій старался устроить, что разстроилъ Кирионъ, котораго, наконецъ, догадались убрать съ Кавказа.

Въ столицѣ экзархъ пробыло недолго, но для грузинской церкви сдѣлалъ очень много и всѣ его проекты и предположенія, о которыхъ онъ лично докладывалъ Государю, удостоились ВЫСОЧАЙШАГО одобренія.

Въ октябрѣ онъ вернулся въ Тифлисъ и ему пришлось пережить здѣсь одну изъ немногихъ свѣтлыхъ минутъ, которыя такъ рѣдко выпадаютъ на долю русскихъ на Кавказѣ. Русское общество на Кавказѣ переживало радостный праздникъ; ему даровано было право имѣть своего представителя въ Государственной Думѣ. Этимъ историческимъ актомъ были восстановлены доселѣ попираемыя священнѣйшія права русскихъ людей на Кавказѣ; основанныя на самомъ прочномъ фундаментѣ какой только знаетъ исторія человечества—на крови. Въ хаосѣ политическихъ комбинацій, при выработкѣ положеній и началъ, были забыты потоки русской крови и слезъ, которыми насквозь процитана кавказская земля, были забыты груды костей, еще тлѣющихъ въ ущельяхъ и горахъ Кавказа. Цѣлыя сотни тысячъ русскихъ людей были лишены представительства въ Русской Государственной Думѣ и ихъ участіе въ законосоставительныхъ трудахъ было признано ненужнымъ.

Понятна поэтому свѣтлая радость всѣхъ русскихъ лю-

дей, когда вѣщее Царское Слово возстановило это забытое, но выстраданное право. Выборная кампанія дала поразительные результаты. Въ Государственную Думу былъ избранъ человекъ происхожденіемъ своимъ связанный неразрывными узами съ крестьянскимъ ядромъ Россіи.

Это избраніе должно было разъ на всегда опрокинуть то ходячее представленіе о русскихъ кавказцахъ, которое издавна такъ прочно сложилось на берегахъ Невы и вытекаетъ изъ абсолютнаго незнакомства центра съ нашей далекой окраиной. Съ легкой руки импровизированныхъ кавказовѣдовъ установилось мнѣніе, что Россію представляютъ на Кавказѣ исключительно русскіе чиновники, что они-то должны сыграть доминирующую роль и что представителемъ русскаго Кавказа въ Государственной Думѣ явится представитель русскаго чиновничества.

Дѣйствительность показала еще разъ, что пора отрѣшиться отъ такого кавказовѣденія и взглянуть на положеніе вещей другими глазами. Кромѣ этого представитель русскаго Кавказа былъ членомъ русской правой организаціи—Русскаго патріотическаго общества—и это имѣло глубокое симптоматическое значеніе. Оказалось, что кромѣ всѣхъ этихъ „совѣтниковъ“, во снѣ и на яву мечтавшихъ стать „дѣйствительными“ и еще со временъ Пушкина облюбовавшихъ Кавказъ, какъ наиудобнѣйшее мѣсто для охоты на лишній чинъ и орденъ; существуютъ на Кавказѣ и нечиновные русскіе люди, объединившіеся въ патріотическую организацію.

Оказалось; что эти люди, разстрѣливаемые изъ за угла, осыпаемые градомъ бомбъ, преслѣдуемые клеветой и ложью, виновны только въ томъ, что любятъ свою родину племенной любовью и что на ихъ сторонѣ стоитъ большинство симпатій русскаго населенія въ Закавказьѣ.

Не смотря на самыя невозможныя условія, несмотря на всевозможныя ухищренія, къ которымъ прибѣгали явные и тайные враги русскаго дѣла, правда все-таки взяла верхъ Русское общество еще разъ дало разительное доказательство того, что вопреки лживому хору печатныхъ и непечатныхъ инсинуацій, вопреки проискамъ всѣхъ этихъ не-

прошенныхъ и самозванныхъ истолкователей общественныхъ настроеній, оно знаетъ чего хочетъ и умѣетъ добиваться желаемого результата.

Говорить о случайности исхода избирательной кампаніи въ данномъ случаѣ положительно невозможно, ибо цифровыя данныя развертываютъ такую выразительную картину соотношенія борющихся силъ, что даже слѣпые должны были прозрѣть и безстыдники устыдиться. Патриоты вышли на бой съ открытымъ лицомъ. Они не заключали позорныхъ сдѣлокъ, не торговали улыбками и поклономъ, не поддавливались подъ „общій тонъ“, не искали побѣды въ окраскѣ защитныхъ цвѣтовъ, а смѣло развернули свой патриотическій стягъ и съ молитвой на устахъ пошли къ избирательнымъ урнамъ.

И побѣда по праву принадлежала имъ. Они ее выстрадали, они ее взяли съ бою. Побѣда, одержанная правыми доказала, что заброшенные волею судебъ въ кавказскіе дебри русскіе не отреклись отъ преемства великихъ преданій, не отреклись отъ своего русскаго имени.

Экзархъ молитвенно раадѣлилъ съ русскимъ обществомъ эту свѣтлую радость торжества русскаго самосознанія. Она еще болѣе воодушевила его и дала новыя силы на дальнѣйшую посильную работу на благо своей окраинной паствы.

Мало пробылъ высокопреосвященный Никонъ экзархомъ Грузіи, но какъ много онъ сдѣлалъ! Онъ, скажемъ словами преосвященнаго епископа бакинскаго Григорія, „болѣлъ болѣзнями своей паствы и радовался ея радостями и потому всѣ усилія свой направлялъ къ тому, какъ бы сдѣлать побольше добра, вѣренной его попеченію, „Иверской церкви“.

Такъ, напримѣръ, онъ исходатайствовалъ средства для исправленія и изданія Библии и богослужебныхъ книгъ на грузинскомъ, осетинскомъ и абхазскомъ языкахъ. Для этого исправленія и перевода экзархомъ были образованы особыя комиссіи изъ компетентныхъ лицъ и уже въ 1907-мъ году былъ изданъ служебникъ на абхазскомъ языкѣ, что имѣло большое значеніе, ибо освобождало разъ на всегда православныхъ абхазцевъ отъ церковнаго порабощенія грузинскимъ

духовенствомъ, которое старательно насаждало среди нихъ идеи о гегемоніи на Кавказѣ грузинской церкви и народности.

Въ этомъ отношеніи особенно отличился епископъ Кирионъ, который изобрѣлъ цѣлую систему правильной колонизаціи грузинами Сухумской епархіи и стремился къ полному выдворенію русскихъ изъ этой области, т. е. другими словами проектировалась отдача цѣлаго народа въ вѣчную и потомственную кабалу грузинскимъ шовинистамъ. И абхазцы это прекрасно поняли.

Представителями абхазскаго народа, кн. Шервашидзе и свящ. Ладарія, была послана экзарху пригласительная телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Представители абхазскаго народа, благодарнаго вамъ за ваше тщаніе дать ему богослуженіе на родномъ языкѣ, почтительнѣйше просятъ васъ, владыко, осчастливить своимъ присутствіемъ радостное, для Абхазіи торжество открытія богослуженія на абхазскомъ языкѣ. Первая абхазская литургія будетъ отслужена для абхазцевъ гудаутскаго участка 6-го ноября въ древнемъ Лыхнинскомъ храмѣ, находящемся въ 20-ти верстахъ отъ Новаго Афона, а для абхазцевъ кодорскаго участка—13 ноября въ Моквинскомъ монастырѣ“.

Экзархъ ствѣтилъ на это: „Благодарю за выраженныя чувства абхазцевъ и приглашеніе. Къ великому моему сожалѣнію прибыть не могу по служебнымъ обстоятельствамъ. Да будутъ сознательны, сердечны, горячи, пріятны Богу, сильны и дѣйственны предъ Нимъ во спасеніе и благоденствіе молящихся молитвы абхазцевъ на родномъ языкѣ“.

Затѣмъ, идя на встрѣчу многократно высказаннымъ грузинскимъ пожеланіямъ, экзархъ посодѣйствовалъ тому, чтобы синодъ разрѣшилъ ввести преподаваніе богословскихъ предметовъ въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на грузинскомъ языкѣ.

Тутъ неожиданно выросло, какъ оказалось, непреодолимое препятствіе,—не было грузинскихъ учебниковъ и для изданія ихъ нужны были средства. Но, когда экзархъ въ декабрѣ 1907-го года, обратился къ съѣзду духовенства за средствами, оно ему отказало въ этомъ. Очевидно, что пе-

реходъ отъ словъ къ дѣлу оказался не по плечу грузинскому духовенству и когда дошло до кармана—мигомъ были дѣло забыты трескучія фразы, которыя такъ великолѣпно звучали во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ, постановленіяхъ и петиціяхъ, имъ же нѣсть числа. Далѣе, народамъ грузинскаго экзархата было даровано великое право избирать себѣ своихъ пастырей духовныхъ.

Скорбѣль владыко душой и о томъ плачевномъ состояніи, въ которомъ находилась одна изъ величайшихъ святынь Грузіи—Мцхетскій соборъ и лично испросилъ у Государя тридцать слишкомъ тысячъ рублей на реставрацію этого древняго храма.

Затѣмъ, по ходатайству высокопреосвященнаго Никона, Училищнымъ Совѣтомъ при св. Синодѣ было на цѣлыхъ семь тысячъ усилено содержаніе учительскаго персонала въ церковно-приходскихъ школахъ Карсской области и обѣщано было отпустить для той-же цѣли еще восемь тысячъ рублей. Кромѣ того тѣмъ-же Училищнымъ Совѣтомъ было отпущено на устройство церковно-школьныхъ зданій въ грузинскомъ экзархатѣ 20,000 рублей.

Не мало потрудился также почившій святитель въ качествѣ предсѣдателя совѣта „Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“.

Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что экзархъ предполагалъ создать въ будущемъ. Во всеподданнѣйшей запискѣ своей Государю Императору и въ представленіи Святѣйшему Синоду онъ возбудилъ вопросъ о выдѣленіи изъ состава грузинскаго экзархата двухъ новыхъ самостоятельныхъ епархій—бакинской и сухумской, съ устройствомъ въ нихъ епархіальнаго управленія на основаніяхъ одинаковыхъ со всѣми епархіями Имперіи.

Въ составъ бакинской епархій предполагалось включить Бакинскую, Елисаветпольскую, Эриванскую губерніи и Карсскую область, связанныя съ грузинскимъ экзархомъ и совершенно искусственно, ибо на всемъ огромномъ протяженіи этой территоріи, грузины составляютъ лишь 0,21-7 всего населенія,

Кромѣ того православная паства проектированной епар-

хи находится въ такихъ условіяхъ, что для огражденія ея религіозно-правственныхъ интересовъ отъ различныхъ враждебныхъ вліяній, требуется со стороны епархіальной власти непосредственный надзоръ и непосредственное руководство пастырскимъ и миссіонерскимъ дѣломъ. А между тѣмъ эказарху Грузіи, при крайнемъ упадкѣ религіи и нравственности среди грузинскаго народа и при столь ярко выраженныхъ автокефальныхъ стремленіяхъ грузинскаго духовенства, положительно нѣтъ времени и силъ вникать въ нужды православныхъ Бакинскоі, Елисаветпольскоі, Эриванскоі губерній и Карсскоі области.

Изъ распредѣленія населенія бакинскоі епархіи видно, что здѣсь православію приходится выдерживать сильнѣйшій натискъ одновременно съ двухъ сторонъ—со стороны мусульманства и армяно-грегоріянства, которые, какъ показываетъ опытъ, могутъ сдѣлать большія опустошенія въ православной церкви Закавказья.

Такъ, армяне, перешедшіе въ православіе, очевидно изъ расчетовъ меркантильнаго характера, немедленно послѣ Манифеста 17-го апрѣля 1905-го года, почти всѣ вновь возвратились въ армяно-грегоріянство. Что-же касается до православныхъ, то картвельцы, осетины, удины и другіе инородцы восточнаго Закавказья, проникнуты духомъ практическимъ, не обнаруживаютъ особенной ревности и приверженности къ православной вѣрѣ и, если отправляютъ христіанскіе обряды и принимаютъ Таинства церковныя, то дѣлаютъ это, такъ сказать, механически и больше по привычкѣ, чѣмъ по искреннему убѣжденію и сознанію необходимости и спасительности послѣднихъ.

Но особенно въ тяжеломъ положеніи находятся проживающіе въ бакинскоі епархіи русскіе люди. Это въ большинствѣ случаевъ или переселенцы изъ разныхъ мѣстностей Россіи или же лица, занимающіеся отхожимъ промысломъ. Входя въ непосредственное соприкосновеніе съ разнаго рода русскими сектантами, ранѣе ихъ здѣсь осѣвшими и въ матеріальномъ отношеніи гораздо болѣе ихъ обезпеченными, они, мало по малу становятся индифферентными къ своему родному исповѣданію вѣры, а въ единичныхъ случаяхъ

даже отпадаютъ отъ православія и уклоняются въ сектантство.

Причина этого прискорбнаго явленія кроется главнымъ образомъ въ томъ, что русскіе православные переселенцы на Кавказѣ не только годы, а цѣлые десятки лѣтъ живутъ безъ школы, церкви и священника, вдали отъ православныхъ храмовъ, къ которымъ ихъ приписываютъ, такъ какъ по бѣдности они не въ состояніи построить для себя церковь, школу и сдержать причтъ, а правительство весьма медленно и скупо оказываетъ имъ помощь.

Такимъ образомъ религіозно-нравственное состояніе православнаго населенія Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерній и Карской области должно быть признано весьма неудовлетворительнымъ. При наличныхъ условіяхъ на долю бакинскаго епископа выпадаетъ колоссальная работа. Одно только населеніе мѣстностей, прилежающихъ къ г. Баку,—населеніе подверженное разлагающему вліянію промышленнаго центра, потребуетъ отъ святителя особливыхъ заботъ, а если къ этому еще присоединить новую переселенческую волну, которая рано или поздно неминуемо должна хлынуть въ Муганскую степь и на другія свободныя земли Бакинской и Елисаветпольской губерній, то въ самомъ недалекомъ будущемъ бакинскій епископъ можетъ оказаться безсильнымъ выполнить возлагаемую на него миссію.

Въ виду этого высокопреосвященный Никонъ полагалъ необходимымъ учрежденіе епископской кафедрѣ въ г. Карсѣ. Карскій епископъ, сперва викарный, а впослѣдствіи самостоятельный, долженъ жить по мнѣнію экзарха непременно въ г. Карсѣ и ему ввѣряются религіозные интересы Карской области и Эриванской губерніи.

Выдѣленіе изъ грузинскаго экзархата бакинской епархіи въ составъ трехъ губерній и одной области, съ викаріатствомъ въ г. Карсѣ, помимо чисто религіознаго значенія, имѣетъ еще значеніе государственное. Оно неминуемо должно повести къ значительному ослабленію грузинскихъ автономныхъ и автокефальныхъ вождѣній, ибо такимъ образомъ весьма ощутительно сокращаются границы Грузіи, которая въ воспаленномъ воображеніи мѣстныхъ сепаратистовъ про-

стирается отъ моря до моря и непосредственно соприкасается съ предѣлами Персіи и Турціи.

Кромѣ того армяне объявили себя открытыми врагами русскихъ, а политическая благонадежность татаръ находится теперь подъ весьма сильнымъ искушеніемъ, которую создаютъ для нихъ съ одной стороны армянофильская политика графа Воронцова-Дашкова, а съ другой—непосредственная близость мусульманскаго государства и за послѣднее время фанатическая пропаганда панисламизма со стороны множества муллъ, какъ мѣстныхъ, такъ и пришлыхъ.

Поэтому образованіе въ краѣ двухъ новыхъ центровъ православно-религіозной жизни, при этомъ одного изъ нихъ на самой турецкой границѣ, по исконной связи православія съ русской государственной и національной идеями, несомнѣнно будетъ содѣйствовать укрѣпленію этихъ идей въ мѣстномъ русскомъ населеніи, въ настоящее время—безпризорномъ, внѣшне разрозненномъ и духовно ослабленномъ.

Подъ влияніемъ воздѣйствія новыхъ центровъ русское населеніе, объединенное въ своемъ религіозно-политическомъ сознаніи, можетъ стать для русской государственности незыблемымъ оплотомъ противъ натиска инородцевъ.

По совершенно аналогичнымъ соображеніямъ владыко желалъ выдѣленія изъ состава экзархата и сухумской епархіи.

Экзархъ далѣе ходатайствовалъ о принятіи на средства Государственнаго Казначейства содержанія епархіальныхъ управленій и духовно-учебныхъ заведеній, а освободившіяся такимъ образомъ мѣстныя средства, хотѣлъ обратить на реставрацію священнѣйшихъ для грузинъ и замѣчательнѣйшихъ въ археологическомъ отношеніи, монастырей, соборовъ и церквей, а также на учрежденіе пріюта для круглыхъ сиротъ, богадѣльни для безпріютныхъ старцевъ и старицъ, капитала на леченіе бѣдныхъ духовнаго званія, эмеритуры и т. п.

Все это были не празныя измышленія кабинетнаго теоретика, а нѣчто выношенное и законченное, продиктованное самою жизнью, властныя велѣнія, которой такъ глубоко

понималъ свѣтлый умъ и чуткое сердце экзарха страсто-терпца.

И вотъ такого человѣка убили...

Бойкотомъ его встрѣтили, клеветой старались очернить каждый день его свѣтлой, неусыпной на пользу церкви дѣятельности и, наконецъ, разстрѣломъ на смерть его про-водили...

„Вотъ черни судь: ищи-жь ея любви“...

Газетная травля экзарха велась систематически и неустанно. Въ этомъ отношеніи мѣстная пресса вполнѣ спѣлась съ нѣкоторыми столичными органами. Изъ всѣхъ русскихъ окраинъ наибольшимъ вниманіемъ центра, искони, пользо-вался Кавказъ.

Въ доброе старое время его особенно „уважали“ романисты и поэты, а въ наши дни его съ меньшей горяч-ностью полюбили публицисты, причемъ справедливость тре-буется отмѣтить, что богатствомъ фантазіи и легкостью пера, послѣдніе оставили далеко за собой первыхъ. Романисты оперировали въ темной глубинѣ ущелій, имъ нужна была подходящая обстановка, нуженъ былъ дрожащій свѣтъ об-манчивой луны, обладающій, какъ извѣстно, свойствомъ придавать особый блескъ „и многимъ не свѣтлымъ дѣ-ламъ“, и, такъ сказать, извиняющій до нѣкоторой степени то, что извиняемо не можетъ и не должно быть.

Современные намъ „публицисты“ уже не нуждаются въ такой обстановкѣ и лгутъ среди бѣлаго дня при полной силѣ солнечнаго свѣта. Надъ свободнымъ словомъ вла-ствуетъ тенденція. Пусть погибнуть истина и міръ, но да здравствуетъ партійная правда! Особенное вниманіе сни-скали себѣ за послѣдніе дни грузинскіе церковные вопросы. Не проходило дня, чтобы тотъ или иной столичный кавка-зовѣдъ не съѣлъ съ разбѣга въ лужу. Придирались къ каж-дому случаю и поводу, чтобы налгать и опорочить дѣятель-ность экзарха, а когда таковыхъ на лицо не имѣлось, то случай изобрѣтали, выдумывали поводъ и лгали безъ ма-лѣйшаго зазрѣнія совѣсти, лгали безъ конца.

Разнообразны и разнокалиберны были орудія обмана.

Пользовались не только живыми, но не хотѣли оставить въ покоѣ даже мертвыхъ. Когда скончался пребывавшій на покоѣ престарѣлый епископъ Александръ Окроперидзе, то кощунственно пытались еще не остывшій трупъ епископа обработать въ подобіе тирана. Едва успѣли похоронить старца, какъ въ лейбъ-органѣ пресловутаго Дурново появилась посвященная „вниманію о.о. синодаловъ“ замѣтка, описывающая „какъ въ Грузіи почтили память почившаго епископа Александра“. Замѣтка эта гласила слѣдующее:

„Въ „Спб. Вѣд.“ уже сообщалось о кончинѣ по истинѣ (?) святого мужа по благочестію и подвижничеству, въ полномъ смыслѣ аскета, епископа Александра, болѣе 45^{1/2} лѣтъ святительствовавшаго, изъ которыхъ около 9-ти лѣтъ онъ управлялъ абхазскою епархіей и 29 лѣтъ былъ викаріемъ грузинскимъ. На отпѣваніи его въ Шемокмедскомъ монастырѣ, который онъ возстановилъ изъ развалинъ и обезпечилъ особымъ капиталомъ, составленнымъ изъ сбереженій *) (до 1897 г. онъ получалъ всего 1,500 рублей), прибыли всѣ грузинскіе епископы и множество депутацій со всей Грузіи восточной и западной. Но экзархъ киръ-Никонъ отказался совершить отпѣваніе епископа, который былъ викаріемъ русскихъ экзарховъ. Отпѣваніе было совершено на 6-ой день послѣ кончины, 15-го ноября, причемъ тлѣніе не коснулось тѣла святителя“.

Замѣтка эта представляла собой сплошной вымыселъ. Прежде всего епископъ Александръ былъ погребенъ не въ Шемокмедскомъ, а Шюмгвимскомъ монастырѣ. Затѣмъ въ похоронахъ приняли участіе не „всѣ грузинскіе епископы“, какъ говорилось въ замѣткѣ, а лишь племянникъ покойнаго и настоятель Шюмгвимскаго монастыря, епископъ имеретинскій Леонидъ Окропиридзе и третій викарій грузинской епархіи—епископъ аллавердскій Давидъ Кочахидзе, имеретинъ родомъ. Означенными двумя епископами не ис-

*) Достаточно, однако, извѣстно, что сей пастырь, на подобіе и многихъ и очень многихъ грузинскихъ пастырей не стѣнялся заниматься весьма сомнительными, но прибыльными финансовыми операціями.

черпывается вся полнота наличнаго грузинскаго епископата и въ похоронной церемоніи не принимали никакого участія еще цѣлыхъ два грузинскихъ епископа, а именно—епископъ гурійско-мингрельскій Георгій Аладовъ и первый викарій грузинской епархіи епископъ горійскій Петръ Конгуевъ—оба кровные грузины. Что же касается того, что якобы экзархъ Грузіи—отказался совершить отпѣваніе епископа, который былъ викаріемъ русскихъ экзарховъ, то это тенденціозная ложь. Экзархъ Грузіи не могъ отказаться уже по одному тому, что не былъ приглашенъ на погребеніе. Но этого еще мало, не нашли даже нужнымъ сообщить экзарху о днѣ погребенія епископа!

Интересна аргументація, которою пользуется авторъ замѣтки, силясь доказать, что экзархъ былъ нравственно обязанъ во что бы то ни стало принять участіе въ похоронахъ преосвященнаго Александра. Оказывается, что главнымъ мотивомъ такой безусловной обязательности является „бытіе“ почивавшаго епископа викаріемъ русскихъ экзарховъ. Заслуга въ самомъ фактѣ *бытія*. Это очень характерно для воцарившагося сумбура понятій. Не говоря уже о томъ, что въ своемъ „бытіи“ самъ епископъ Александръ не былъ виноватъ ни тѣломъ ни духомъ, нельзя еще не отмѣтить, что точно такую же „заслугу“ имѣетъ полное право считать за собою и пресловутый Киріонъ Садзагеловъ...

Такъ беззащитно и безцеремонно извращались факты въ петербургской газетѣ, претендующей на званіе серьезнаго и освѣдомленнаго органа столичной печати, облюбовавшей окраинные вопросы вообще и грузинскіе церковные вопросы въ частности.

Но что удивляться какому-нибудь Дурново, если въ защиту автокефальныхъ притязаній выступалъ на страницахъ почти оффиціозной „Россіи“ извѣстный идеологъ обновленнаго церковнаго прихода А. А. Папковъ. Почтенный авторъ трактовалъ о данномъ вопросѣ изъ прекраснаго далека и потому приходилъ къ довольно таки оригинальнымъ, чтобы не сказать болѣе, выводамъ. Во первыхъ, г. Папковъ совершенно невѣрно полагалъ, что „на основаніи печатнаго матеріала можно составить довольно правильное понятіе о положеніи всего возникшаго за послѣднее время, конфликта

между грузинскимъ духовенствомъ съ одной стороны и русскою церковною властью съ другой“.

Прежде всего — неправильно противопоставленіе грузинскаго духовенства русской церковной власти. Если бы авторъ имѣлъ возможность познакомиться съ тѣми живыми иллюстраціями къ „печатному матеріалу“, которыми такъ изобилуетъ кавказская церковная дѣйствительность, онъ бы зналъ, что грузинское духовенство въ цѣломъ осталось совершенно къ сторонѣ отъ автокефальныхъ махинацій, оно служило простой игрушкой въ рукахъ группы ловкачей, прятавшихся за его спину и злоупотреблявшихъ его именемъ, а само дѣйствительно интересовалось лишь вопросами о дармовыхъ деньгахъ и бараньихъ ляжкахъ. Точно также г. Папковъ имѣлъ бы возможность узнать, что поступившія весной 1905 года въ комитетъ министровъ и синодъ петиціи отнюдь не могутъ служить показателемъ общаго настроенія „грузинскаго духовенства, дворянства и интеллигенціи“, а являются плодомъ интригъ единичныхъ личностей, заварившихъ автокефальную кашу по мотивамъ, какъ это уже опредѣленно выяснилось, далеко не церковнаго характера. Вопросу объ автокефалии авторомъ названныхъ статей дана совершенно особая постановка, вытекающая именно изъ незнакомства съ непечатнымъ матеріаломъ, безъ знакомства съ которымъ „печатный матеріалъ“ можетъ лишь ввести въ соблазнъ и въ искушеніе. Такъ, напримѣръ, г. Папковъ считаетъ гибельнымъ для церковнаго дѣла на Кавказѣ то обстоятельство, что за епископами грузинскаго экзархата остается лишь право рукоположенія въ священный санъ, назначеніе, перемѣщеніе, увольненіе и временное запрещеніе священнослужителей“; всѣ же прочія дѣла—судныя, бракоразводныя по выдачѣ метрическихъ записей и другія, сосредоточены въ грузино-имеретинской синодальной конторѣ. Между тѣмъ единственно достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы стремиться къ расширенію границъ и предѣловъ власти, можетъ быть только то, что было сдѣлано въ границахъ отмежеванной уже области. Если бы дѣйствительно грузинскій епископатъ въ доступной для него области дѣлалъ все, что можно и должно дѣлать, и дѣлалъ при

томъ хорошо—сожалѣніе о томъ, что грузинскому епископату негдѣ развернуться, было бы вполне уместно и справедливо. Но даже въ этой неполной и усѣченной области дѣланія, хорошихъ результатовъ не видно.

Хроника мѣстной церковной жизни даетъ въ этомъ смыслѣ много любопытнаго и поучительнаго и, ознакомившись съ этимъ самъ г. Папковъ пришелъ бы къ совершенно инымъ выводамъ и заключеніямъ и созналъ бы, что въ данномъ случаѣ переходъ къ полнотѣ епископской власти не только не вычеркнетъ существующихъ минусовъ церковной жизни, но, наоборотъ еще подчеркнетъ ихъ съ особенной выразительностью и силой.

Пора, наконецъ, отрѣшиться отъ штопанія автокефальныхъ дыръ, отъ этого наивнаго затыканія ихъ пальцемъ! Пора, наконецъ, собраться съ духомъ и назвать вещи своими именами! Но такова ужъ участь окраиннаго бытія. Центръ не хочетъ смотрѣть прямо въ корень и видитъ лишь то, что ему хочется, видѣть. Но, несмотря на весь хоръ лживыхъ инсинуаций, дѣятельность высокопреосвященнаго Никона могла стать для замутившейся окраины источникомъ мира и спокойствія.

Темныя силы поняли, что въ немъ они имѣютъ непроборимаго врага и... убили его. Владыко это предчувствовалъ и сознавалъ, что иного выхода нѣтъ и быть не можетъ. Незадолго до своего мученическаго конца онъ въ рѣчи своей духовенству, въ день Св. Пасхи, пророчески говорить:

„Наступаютъ дни исповѣдничества—будемъ готовы“.

Въ воскресенье 25-го мая, по случаю Царскаго дня, экзархъ совершилъ послѣднюю литургію въ Александро-Невскомъ военномъ соборѣ, созданномъ въ память окончанія кавказской войны и замиренія мятежнаго края.

Да, наступали судные дни. Владыко получалъ одинъ смертный приговоръ за другимъ. Объ этомъ освѣдомлены были власти...

Въ революціонномъ подпольи зашевелились; гдѣ-то въ Авлабарской глуши уже съ февраля стали собираться рясофорные конспираторы—вяло производящееся слѣдствіе еще не откры-

до всѣхъ виновныхъ, но уже пролило нѣкоторый свѣтъ и въ брошенномъ пучкѣ лучей—вырисовываются такія фигуры, какія и предполагать было трудно. Конspirаторы нашли моментъ подходящимъ для осуществленія своего намѣренія — наступала четвертая годовщина перваго съѣзда грузинскаго духовенства, низложившаго экзарха, а вынѣшній экзархъ, не подчинившійся никакимъ предупрежденіямъ долженъ былъ выѣхать въ Петербургъ для обсужденія дѣлъ грузинскаго экзархата въ Св. Синодѣ. Надо было показать и Синоду и Россіи, что „воля грузинскаго народа непоколебима“, и что „грузинское духовенство не остановится ни передъ чѣмъ“. Убіенство экзарха должно было повергнуть въ ужасъ правительственныя сферы и такъ устрасшить духовенство, что никто изъ его среды не рѣшился бы занять должность экзарха и такимъ образомъ возникъ бы мотивъ для полученія автокефальности грузинской церкви.

Въ воскресенье 25 мая на конспиративной квартирѣ одного изъ грузинскихъ священниковъ на Авлабарѣ собралось многолюдное собраніе рясофорныхъ заговорщиковъ и на немъ произнесенъ былъ смертный приговоръ экзарху. Приведеніе въ исполненіе его передано грузинскому революціонному комитету, избравшему изъ своей среды злодѣевъ для совершенія преступленія, пособниками котораго явились и служащіе синодальной конторы.

Власть, поглощенная „доброжелательствомъ къ туземцамъ“ мирно подремывала, а тутъ у нея подъ носомъ подготавлилось неслыханное злодѣяніе и получали инструкціи главные участники убійства. О томъ, что готовится выступленіе террора пошла глухая молва. Но никакихъ мѣръ принято не было, несмотря на достаточное подтвержденіе слуховъ: послѣдовательно совершаются террористическіе акты надъ русскими людьми 26 и 27 мая.

Зная, что назрѣваетъ опасность, экзархъ Пиконъ, продолжаетъ спокойно свое служеніе и даже выѣзжаетъ безъ охраны. Въ воскресенье онъ принесъ послѣднюю безкровную жертву за грѣхи Кавказа, а въ среду, 28 мая, самъ палъ жертвой дикаго террора и своею кровью вписалъ новую строку въ безконечный кавказскій мартирологъ.

Бытописатель печальной кавказской дѣйствительности отмѣтитъ день 28 мая 1908 года, какъ день, въ который кавказскій хаосъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта: въ городѣ, объявленномъ на военномъ положеніи, среди бѣлаго дня, въ зданіи правительственнаго учрежденія, разстрѣливаютъ высшаго въ краѣ представителя русской церковной власти и, сдѣлавъ свое кровавое дѣло, безслѣдно скрываются!

Какой же смыслъ послѣ этого имѣетъ весь этотъ грозный бюрократическій аппаратъ, которому ввѣрены судьбы Кавказа? Какую опереточную роль сыграли въ данномъ случаѣ самъ полудержавный властелинъ страны, сіятельный намѣстникъ, всѣ эти его помощники, особые отдѣлы безчисленныхъ канцелярій, вся эта явная и тайная полиція, вся обширная судебнo-слѣдственная власть и облеченный сверхчеловѣческими полномочіями временный военный генералъ-губернаторъ г. Тифлиса?

Если послѣднему бутафорская роль калифа на часъ была подсказана его титуломъ „временный“,—то къмъ и чѣмъ была подсказана эта роль остальнымъ, передъ которыми, какъ оказывается, и самое время безсильно?

Въ тотъ-же день, какъ въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, какъ въ Государственной Думѣ кавказскій депутатъ Чхеидзе глумился надъ св. иконами, въ грузино-имеретинской синодальной конторѣ разстрѣляли экзарха Грузіи, послѣднимъ словомъ, котораго, на землѣ была молитва о всепрощеніи. Съ этой молитвой предсталъ нетлѣнный духъ звѣрски убиеннаго святителя передъ Страшнымъ Престоломъ Господа Славы.

Поразительна картина этого небывалаго въ исторіи Россіи преступленія. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія относительно назначеннаго имъ на другой день освященія церкви, владыко въ началѣ 11 часа утра покинулъ свои покои, чтобы отправиться на засѣданіе въ синодальную контору, помѣщающуюся рядомъ съ экзаршескимъ домомъ.

Въ это время назначенные для исполненія смертнаго приговора члены грузинскаго революціоннаго комитета, вооруженные маузерами, занимали „позиціи“. Молва указываетъ,

что ихъ было 7—четверо заняли углы выходящихъ на экзаршескій скверъ улицъ, а трое—три грузина, между которыми два давно извѣстные преступника Зедгадзе и Амбриевъ—вошли въ помѣщеніе конторы и заняли мѣста на виду у всѣхъ служащихъ тамъ.

Несмотря на полученныя предостереженія и указанія кавказская администрація не усилила охраны и только гдѣ-то путался одинъ городовою...

Не подозревавшій, что засада уже готова, сопровождаемый келейникомъ экзархъ вошелъ въ подъѣздъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Вдругъ затрещали маузеры и на него посыпался сзади градъ пуль... Ими пронзенный, обливаясь кровью, упалъ Святитель на ступеньки... Совершилось непримѣрное злодѣяніе! Убийцы же спокойно прошли черезъ синодальную контору и скрылись, выпущенные черезъ другой входъ. Мзда за убійство, какъ гласитъ молва, по 200 рублей на человѣка была получена ими раньше. Достойно вниманія, что изъ всего многочисленнаго штата служащихъ конторы, ни одна человѣческая душа не появилась на мѣстѣ преступленія, пока стрѣляли, неизвѣстно также, куда исчезли швейцаръ и сторожа, а находившійся на улицѣ городовою, никакъ не могъ справиться (!) съ своимъ ружьемъ и ограничился лишь ролью свидѣтеля убійства, не видѣвшаго однако прошедшихъ мимо него убійцъ. Только тогда, когда уже былъ „о жизни конченъ вопросъ“ сбѣжались и перенесли истекающаго кровью архипастыря въ экзаршескій домъ, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ онъ отошелъ къ Пастыреначальнику Христу, съ молитвой на устахъ за своихъ палачей...

Предательскій замыселъ созрѣлъ въ обманчивой тиши, такъ называемаго „успокоенія“. Никакихъ мѣръ для охраны экзарха не принималось. Когда намѣстникъ выѣзжалъ на охоту, то вызывались цѣлые полки для охраны увеселительнаго кортежа, хотя какая опасность могла грозить любимцу улицы и черни, столь популярному въ кавказскихъ революціонныхъ организаціяхъ?

А для охраны, обреченнаго на смерть экзарха, не нашлось

никого, кромѣ какого-то городского, съ его не стрѣлявшимъ ружьемъ!

Бездѣйствіе власти продолжается и по нынѣ—до сихъ поръ участники преступленія не задержаны и оно вполнѣ не раскрыто. Оканчивается годъ и вопросъ—кто и какъ убилъ экзарха не находитъ себѣ надлежащаго отвѣта... Словно принимаются всѣ мѣры не для раскрытія, а для сокрытія преступленія...

Когда въ историческомъ засѣданіи Государственной Думы 11 декабря 1908 года, членъ ея В. М. Пуришкевичъ обратился съ вопросомъ, „спрашивается, послѣ того какъ произошло это убійство, казнены-ли убійцы? Нѣтъ, г.г. до настоящаго времени убійцы не казнены, и Намѣстникъ ждетъ чтобы они либо убѣжали, либо выкрали всѣ документа и не было бы возможности ликвидировать это дѣло—то вотъ, что отвѣтили Намѣстникъ въ особомъ объясненіи напечатанномъ въ № 199 „Правительств. Вѣстника“.

„Имѣютъ-ли какое-либо отношеніе грузинское духовенство и синодальная контора къ убійству высокопреосвященнаго Никона, пока ни утверждать, ни отрицать—невозможно. Намѣстникъ не знаетъ источника тѣхъ данныхъ, которыя предъявилъ Думѣ членъ ея Пуришкевичъ, *но положительно утверждаетъ, что при самомъ убійствѣ никакихъ преступниковъ на мѣстѣ преступленій задержано не было и вообще виновники убійства до сихъ поръ не открыты.* Что касается до ряда лицъ, переименованныхъ г. Пуришкевичемъ въ качествѣ участниковъ комитета, будто бы организовавшаго убійства, что Намѣстникъ имѣетъ свѣдѣнія отъ слѣдственной власти, кстати сказать, непосредственно подчиненной не ему, а министру юстиціи, что всѣ поименованные лица прошли передъ слѣдственной властью по отдѣльнымъ наказаніямъ противъ нихъ, но, однако, до сихъ поръ въ качествѣ обвиняемыхъ къ слѣдствію не привлечены. Кого же при этихъ условіяхъ могъ наказывать за убійство экзарха Намѣстникъ, какъ приглашаетъ его къ тому членъ Государственной Думы Пуришкевичъ?“

Читаешь и глазамъ не вѣришь: Намѣстникъ, поставленный блюсти общественную безопасность и одаренный безгранич.

ною властью, находить нормальнымъ, что преступники не были пойманы и до сихъ поръ не открыты и ограничивается лишь констатированіемъ этого вопіющаго факта, подтверждая этимъ, что никакихъ мѣръ къ предупрежденію преступленія имъ принято не было!

Тяжела вина Намѣстника и его управленіе передъ Россіей, русскимъ народомъ и Православной Церковью... *).

И вотъ—свершилось. Свѣтъ померкъ въ орлиныхъ очахъ ангела православной церкви на Кавказѣ. Сомкнулись вѣщія уста и глашатай евангельской правды уже во гробѣ. Безконечной лентой тянутся депутаціи, звучать рѣчи, льются слезы. Но поздно. Его уже не воскресить, онъ сталъ гражданиномъ иного лучшаго міра...

Спрашивается, за что и почему погибъ высокопреосвященный Никонъ? Лучшимъ отвѣтомъ на это являются слѣдующія слова митрополита Антонія, характеризующія почившаго:

„Это былъ одинъ изъ выдающихся столповъ ревнителей русской православной церкви, преданнѣйшій Престолу и Отечеству“.

А этого-то именно на Кавказѣ не прощаютъ. Характерно, что грузинское духовенство на первыхъ панихидахъ, у еще не остывшаго тѣла новопреставленнаго владыки, кощунственно лишило почившаго неотъемлемо принадлежавшаго ему титула и не поминало его экзархомъ Грузіи, и во время послѣднихъ проводовъ останковъ на вокзалѣ, два грузинскихъ епископа въ томъ числѣ викарный Петръ, такъ весело смѣялись и переговаривались между собой, что привлеки на себя всеобщее вниманіе.

*) Но не мѣнѣе тяжка вина передъ Россіей и Русскимъ народомъ вина тѣхъ предателей и измѣнниковъ, которые свили себѣ гнѣздо въ редакціяхъ «Голоса Русскаго», «Русскаго Чтенія» и «Русскаго стяга», и пачкаютъ столбцы этихъ патріотическихъ изданій гнусной ложью о положеніи церковныхъ дѣлъ въ Закавказьи и, выступая защитниками преступнаго грузинскаго духовенства, оскверняютъ ихъ гнусной клеветой и измышленіями на достойныхъ русскихъ іерарховъ и священнослужителей. Да будетъ Вамъ недостойные измѣнники стыдъ и срамъ во вѣки вѣковъ!

Проводило останки экзарха изъ Тифлиса все русское населеніе, глубоко потрясенное столь тяжелой потерей и нѣкоторые представители власти. Намѣстникъ и его окружающіе, конечно, отсутствовали. Всюду по пути встрѣчали печальный поѣздъ русскіе люди, глубоко пораженные гибелью святителя. На всемъ пути отъ Тифлиса до Владимира могъ видѣть Русскій народъ тѣ плоды, которые принесла политика графа Воронцова и то успокоеніе, которое благодаря нея наступило...

Торжественно опущены были останки архіепископа Николая въ могилу въ Успенскомъ соборѣ въ г. Владимірѣ.

На сороковой день, 6-го іюля 1908 г., гулко неся могучій колокольный звонъ съ колокольни Владимирскаго Успенскаго кафедральнаго собора, куда отовсюду стремились обыватели г. Владимира, и лица, прибывшія для присутствованія на панихидѣ. Соборъ наполнялся молящимися, — негдѣ было яблоку упасть. Прибыли преосвященный Дмитрій епископъ Сухумскій, епископъ Александръ—юрьевскій, Евгеній—муромскій, Евфимій—балахнинскій, архіепископъ Владимирскій и Суздальскій Николай, бывшій экзархъ Грузіи. Особое вниманіе привлекали къ себѣ депутація отъ православныхъ абхазцевъ изъ священника сел. Дурипшъ—Николая Лодарія и жителей его Гулія и Хассая, привезшихъ приготовленную по спеціальному заказу въ Москвѣ икону просвѣтителя Абхазіи св. Симона Кananита, для возложенія на могилу почившаго архипастыря. Русское населеніе Закавказья было представлено депутаціей изъ предсѣдателя Русскаго Патриотическаго общества въ Тифлисъ Н. Н. Шаврова, члена Государственной Думы Ѳ. Ѳ. Тимошкина и представителя Бакинскаго русскаго общества И. Ѳ. Логинова. Отъ грузинскаго же духовенства не было никого...

По глубоко печальнымъ лицамъ молящихся, по тѣмъ обильнымъ слезамъ, которыя у всѣхъ невольно навертывались, видно было насколько почившій святитель дорогъ Русскому сердцу.

Архіепископъ Николай похороненъ въ южномъ предѣлѣ древняго собора, вдоль стѣны котораго тянется рядъ могилъ другихъ іерарховъ. На аналоѣ, поставленномъ въ но-

гахъ, положена икона св. Симона Кананита — даръ православной Абхазіи, обращенными къ лицу, сгруппированы многочисленныя иконы и серебряныя вѣнки, возложенныя на его гробъ въ Тифлисъ и по пути слѣдованія. Дары же Грузіи—пули предателей, сыновъ этой Грузіи,—унесъ онъ съ собой въ своемъ тѣлѣ въ могилу.

Солнце, свѣтившее ему и здѣсь и въ Вяткѣ и въ Тифлисъ, черезъ окно шлетъ свои прощальныя лучи, освѣщая могилу...

Отнынѣ между Кавказомъ и древней столицей святой Руси, устанавливается несокрушимая связь: въ храмъ возникшемъ при св. Великомъ Князѣ Владимірѣ на зарѣ христіанства въ дикой и пустынной еще странѣ, видѣвшемъ и монгольское иго и борьбу съ Польшей—покоится прахъ того архипастыря, который сумѣлъ въ короткій срокъ снискать себѣ на Кавказѣ всеобщее уваженіе и отдалъ любимому имъ краю и народамъ его населяющимъ свою кровь.

Но, есть и другая связь. На зарѣ государственной жизни Россіи этотъ храмъ былъ на окраинѣ Россіи—безконечныя потоки русской крови, напоивъ ее, сдѣлали ее коренной Русской областью, она перестала быть окраинной, она стала *Россіей*. Таже участь ожидаетъ и напавшаемую Русской кровью землю Кавказа—съ каждой каплей воспринимаемой ею святой Русской крови, она становится все болѣе и болѣе Русской. Русский народъ это понимаетъ и глубоко чтитъ каждую каплю святой Русской крови, проливаемой тамъ его сынами за Вѣру, Царя и Отечество.

О жертвѣ принесенной святителемъ Никономъ, онъ будетъ съ глубочайшей благодарностью помнить во вѣки вѣковъ.

Да будетъ славно, пока стоитъ міръ, имя твое, честный, благородный, твердый, самоотверженный, пожертвовавшій своей жизнью во исполненіе долга гражданина великой земли Русской!

Иванъ Яковлевичъ Ланчинъ.

Рядовой лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка, убитъ въ городѣ
Варшавѣ 19 авг. 1906 года.

Въ тотъ тяжелый годъ, когда въ Варшавѣ безнаказанно и властно хозяйничали и творили свою волю люди, называвшіе себя: социаль-демократами, социаль революціонерами, на самомъ же дѣлѣ бывшіе самыми обыкновенными грабителями и разбойниками, падкими до чужой собственности,— по Вороньей улицѣ шель военный патруль, солдатъ Кексгольмскаго полка. Русскія войска, единственно только и сохранявшія въ то время жизнь и имущество мирныхъ жителей Варшавы, возбуждали къ себѣ большую ненависть со стороны этихъ разбойничьихъ шакѣ, которымъ сильно мѣшали въ ихъ „благородныхъ“ дѣйствіяхъ.

Когда патруль дошелъ до середины Вороньей улицы,

почти исключительно заселенной евреями, на встрѣчу ему двинулась какая то группа штатскихъ, и имѣющихъ видъ самыхъ мирныхъ прохожихъ. Но едва только солдаты миновали ихъ и отошли на нѣсколько шаговъ, какъ въ догонку имъ изъ нѣсколькихъ револьверовъ посыпались выстрѣлы.

Рядовые Ланчинъ и Шакулинъ, а также шедшій съ патрулемъ гордовой, услышавъ выстрѣлы, повернулись назадъ. Въ ту же минуту ихъ оглушилъ новый залпъ выстрѣловъ и Ланчинъ упалъ. Двѣ пули попали ему въ животъ, а третья раздробила носъ и прошла въ затылокъ за ухомъ.

Шакулинъ былъ раненъ въ голову и тоже упалъ, а гордовой, по какой то счастливой случайности, остался невредимымъ.

Между тѣмъ, убійцы бросились бѣжать. Гордовой сталъ ихъ преслѣдовать, но что могъ онъ сдѣлать одинъ, въ погонѣ за нѣсколькими разбойниками? Стрѣлять въ нихъ онъ боялся, опасаясь попасть въ кого либо изъ прохожихъ, которыхъ въ эту минуту было очень много. Но никто изъ нихъ не помогъ гордовому въ его погонѣ и убійцы сначала смѣшались съ толпой, а потомъ скрылись черезъ еврейскіе дворы, всѣ врозь. Сама же публика помогала имъ въ этомъ. Грустно это и тяжело, но иначе и быть не могло въ польско-жидовскомъ городѣ, какимъ сдѣлалась Варшава.

Понявъ, что одному ему тутъ дѣлать нечего, гордовой бросилъ погоню и вернулся къ раненымъ. Шакулинъ оказался раненымъ, сравнительно легко, и вскорѣ оправился. Но раны несчастнаго Ланина были поистинѣ ужасны. Онъ не могъ дышать, потому что кровь изъ раны въ носъ заливала ему горло, а изъ двухъ зіяющихъ ранъ въ животѣ выступали наружу внутренности.

Пока пріѣхала карета скорой помощи, раненые лежали на мостовой безъ всякой помощи. Вокругъ высились великолѣпные дома еврейскихъ и польскихъ богачей, нажившихъ состояніе на русской службѣ. И никто изъ нихъ не вышелъ, чтобы подобрать и внести въ домъ несчастныхъ страдальцевъ, никто и стакана воды не выслалъ, чтобы напоить ихъ, обмыть ихъ страшныя раны.

Поляки—прохожіе только иронически посматривали на распростертых раненых москалей и—проходили мимо.

Переѣздъ въ Уяздовскій военный госпиталь, для тяжело раненаго Ланчина былъ прямо ужасенъ. Онъ страдалъ невыносимо, но все время находился въ полномъ сознаниіи.

Послѣ перевязки онъ попросилъ пригласить священника, исповѣдался и причастился св. Тайнъ. А въ тотъ же день къ вечеру, не роща и не жалуясь, какъ истинный русскій солдатъ, умирающій на своемъ посту, Иванъ Ланчинъ скончался.

Спрашивается: что приобрѣли смертью молодого солдата подлые убійцы? Какой личный вредъ причинилъ онъ имъ?

Стрѣляя въ патруль русскихъ солдатъ, изъ принципа, изъ протеста, думали ли они о томъ, что убиваютъ невиннаго человѣка, сына того самого народа, интересы котораго будто бы защищаютъ они, называющіе себя социаль-демократами?

Одинъ изъ офицеровъ полка, въ которомъ служилъ покойный, обращается къ убійцамъ и говоритъ:

— Господа съ браунингами! Вы убили у насъ еще одного солдата... Вчера мы его хоронили...

Торжествуйте: наивный хлѣбопашецъ вѣрилъ, какъ въ свою, въ чужую честность и палъ беззащитно, а вашъ „товарищъ“ стрѣлялъ въ упоръ и безнаказанно скрылся.

Торжествуйте: несчастный солдатъ еще мучался цѣлую ночь и отдалъ Богу душу въ полномъ сознаниіи, невыразимо страдая и твердя ваке имя.

Еще торжествуйте: онъ не былъ одинокъ, у него на далекой родинѣ осталась семья, и есть кому неутѣшно рыдать...

Не празднуйте только побѣду,—я расскажу вамъ какъ его хоронили?

Собралась вокругъ гроба его военная семья, и всѣ мы, глядя сквозь слезы на новую жертву, жили одною думой: *„исполнимъ свой долгъ до послѣдняго, какъ честный Иванъ Ланчинъ“*.

Мы принесли прощальные вѣнки и сказали на нихъ словами свои отвѣты на новый вызовъ жестокихъ враговъ.

— „Дорогому товарищу Ивану Ланчину, павшему за вѣрность Царю и Отечеству“, сказала 15-ая рота.

— „Второму убитому товарищу. Въ память твою не поддадимся обманщикамъ“, — сказали солдаты всего родного полка.

Офицеры сказали: „На могилу Ивана Ланчина, павшаго невинной жертвой на глазахъ безсердечной толпы“.

Его помянули „погибшимъ на посту“, „предательски убитымъ“, „безвременно погибшимъ доблестнымъ Кексгольмцемъ“ наши товарищи по службѣ—Литовцы, Петербуржцы, Волынцы и гвардейскіе артиллеристы; его называлъ „вѣрнымъ сыномъ Родины“ нашъ невѣдомый другъ, неизмѣнно откликающийся на каждое новое горе военной семьи.

Въ головахъ лежалъ вѣнокъ, „замѣсто отца и матери—отъ ротнаго командира несчастному страдальцу“.

Мы шли за гробомъ знакомою дорогой и вспоминали погибшихъ за Государево дѣло честныхъ людей и тѣхъ страдальцевъ, которые еще наполняютъ госпиталь своими стопами и борются со смертью.

Надъ открытой могилой, которая завтра, быть можетъ, станетъ послѣднимъ удѣломъ и каждого изъ насъ, мы снова клялись „исполнить свой долгъ до послѣдняго“ и бодрыми полными душевной силы, вернулись съ кладбища къ нашей тяжелой службѣ, готовые дальше бороться по долгу присяги.

Не довольно ли? Не пора ли кончить вашу кровавую и безплодную борьбу? Неужели еще не поняли вы, что роковая для насъ минута прошла, и солдатъ, колебавшійся передъ заманчивымъ миражемъ вашихъ льстивыхъ рѣчей, теперь, когда вы не выдержали и открыли ему свою истинную ненависть, какъ блудный сынъ, вернулся къ тѣмъ, кто не переставалъ его любить и въ тѣ минуты колебанія?

Перестаньте развращать его вашими подметными листками,—мы читаемъ ихъ вмѣстѣ съ солдатами и знаемъ изъ нихъ, что тѣ, кто не могутъ осуждать нашихъ убійцъ,—наши враги.

Пусть мать и отецъ Ивана Ланчина насъ разсудятъ.

Покойный Иванъ Ланчинъ родился въ 1882 году, въ де-

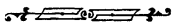
ревнѣ Горящевой Краснослободскаго уѣзда, Пензенской волости. До поступленія на военную службу занимался земледѣльемъ, усердно и съ любовію воздѣлывая клочекъ земли, который кормилъ его семью. На службу поступилъ въ 1904 г. и долженъ былъ вернуться домой, но остался еще въ полку, такъ какъ отбывалъ воинскую повинность и за себя, и за нѣсколькихъ своихъ односельчанъ.

Ланчинъ служилъ отлично и начальство было имъ чрезвычайно довольно. Товарищи, зная его за честнаго развитаго человѣка, выбрали его своимъ ротнымъ артельщикомъ. Эту отвѣтственную должность онъ блестяще занималъ въ теченіи цѣлаго года.

Смерть Ивана Ланчина произвела крайне удручающее впечатлѣніе на весь полкъ. Всѣ его товарищи собрались на похороны и проводили усопшаго на кладбище. Гробъ все время несли на рукахъ офицеры Кексгольмскаго полка.

Въ самый день похоронъ обществомъ офицеровъ была собрана нѣкоторая сумма денегъ, которую они положили въ сберегательную кассу на имя малолѣтняго сына Ланчина.

Полковные товарищи, чѣмъ могли, пришли на помощь семьѣ убитаго. А вы, „радѣтели“ народа, проливающіе кровь его, ради его же, будто бы, пользы—подумали ли вы о дѣтяхъ, оставшихся безъ кормильца? И много, много такихъ сиротъ есть теперь на Руси и горе этихъ дѣтей—это дѣло вашихъ рукъ. Вы говорите, что боретесь за идею, идете противъ неправды и зла; на самомъ же дѣлѣ вы боретесь ради собственнаго блага и идете войной—противъ стариковъ, женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, радость и благополучіе которыхъ разметаєте, точно злой вихрь, во всѣ стороны!

Алексѣй Ильичъ Гольцевъ.

Бывшій полиціймейстеръ гор. Сѣдлеца, убитъ 6-го августа 1906 г.
въ гор. Сѣдлецъ.

Что ни день, то новая жертва безумства «освободителей»—революціонеровъ,—что ни день, то новая могила на кладбищѣ героевъ-мучениковъ, вѣрныхъ слугъ Царя и Родины.

Сколько бѣдствій, сколько безысходнаго горя испытала Россія въ эти смутные годы! Сколько родителей оплакиваетъ своихъ безвременно погибшихъ дѣтей, единственную, быть можетъ, опору на закатѣ ихъ жизни! Сколько слезъ пролито вдовами и сиротами, брошенными на произволь судьбы злобной волею темныхъ убійцъ, именующихъ себя „друзьями народа“!

И современный лѣтописецъ принужденъ, чуть ли не ежедневно, заносить въ синодикъ мучениковъ, новое имя,—и тихая, но горячая молитва возносится къ небесамъ за упо-

кой души вѣрнаго сына Россіи, не пожалѣвшаго жизни своей за Вѣру, Царя и Отечество. Памяти одного изъ такихъ вѣрныхъ и преданныхъ Царскихъ слугъ посвящаемъ мы эти строки.

Алексѣй Ильичъ Гольцевъ родился 13-го марта 1863 года въ городѣ Бобровѣ, Воронежской губерніи. Родители отдали его первоначально въ Александровско-Старобѣльскую гимназію, гдѣ онъ выказалъ отличныя способности; за свое прилежаніе и успѣхи онъ ежегодно при переходѣ изъ класса въ классъ получалъ награды.

Но мальчика тянуло къ военной службѣ и онъ, выйдя изъ 7-го класа, перешелъ въ Чугуевское юнкерское училище, которое окончилъ въ 1891 году.

По окончаніи училища, онъ былъ переведенъ въ 11 пѣх. Исковскій полкъ, а черезъ годъ произведенъ въ подпрапорщики съ переводомъ въ 103 пѣх. Петрозаводскій полкъ, который стоялъ въ гор. Гродно. Наконецъ въ 1893 году, покойный былъ произведенъ въ подпоручики съ переводомъ въ 62-й пѣх. Суздальскій Генералиссимуса Князя Италійскаго Графа Суворова Рымникскаго полкъ.

Добросовѣстно и усердно исполнялъ онъ всѣ тяжелыя обязанности службы. Не разъ пришлось ему заниматься самими разнообразными дѣлами, то командуя ротой, то обучая ратниковъ государственнаго ополченія въ гор. Кобринѣ, то на полевыхъ поѣздкахъ, то въ должности батал. адъютанта и т. п.

Время шло и въ 1898 году А. Н. былъ произведенъ въ поручики. Вскорѣ онъ былъ командированъ въ распоряженіе военнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ въ гор. Бѣлостокъ. Цѣлый годъ продолжалась трудная работа, требовавшая особаго вниманія и акуратности. Послѣ этого онъ былъ назначенъ начальникомъ земской стражи въ Радинскій уѣздъ Сѣдлецкой губерніи (6-го марта 1905 года). Дѣлъ въ уѣздѣ было очень много, да кромѣ того ему пришлось чрезвычайно поработать надъ приведеніемъ въ порядокъ и самой стражи.

По свидѣтельству очевидцевъ Алексѣй Ильичъ, несмотря на строгость требованій, точно придерживался закона,

чѣмъ и успѣлъ смягчить непріязненныя отношенія польскаго населенія. Не долго все же пришлось ему поработать на этой должности. 21-го сентября 1905 года Варшавскій Генераль-Губернаторъ назначилъ покойнаго А. Н. начальникомъ стражи и полиціймейстеромъ гор. Сѣдлеца. 6-го декабря того-же года онъ былъ произведенъ въ капитаны.

Огромная работа предстояла Алексѣю Ильичу на этомъ посту. Не легка служба полиціи, а особенно ея начальствующихъ лицъ въ наше смутное время. Сколько опасности и отвѣтственности, сколько тяжелыхъ минутъ и непріятностей!

Ему пришлось служить въ этой должности въ теченіе всей смуты; все его вниманіе было обращенно главнымъ образомъ на то, чтобы не дать беспорядкамъ разгорѣться въ Сѣдлецѣ въ такой мѣрѣ, какъ это было въ другихъ городахъ польской окраины.

Его старанія увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ: забастовки протекли при немъ мирно.

Добрый, отзывчивый, онъ сердечно заботился о всѣхъ своихъ подчиненныхъ, входя во всѣ ихъ мельчайшія нужды. Но не одни подчиненные были предметомъ его душевной заботливости; каждый обращающійся къ нему, находилъ въ немъ всегда горячаго заступника, добраго совѣтчика и нѣжнаго друга.

Онъ одинаково хорошо относился ко всякому, будь то богатый или бѣдный, знатный или простолюдинъ, русскій или полякъ; всѣмъ старался онъ быть равно-полезнымъ, принимая живое и близкое участіе въ бѣдѣ cadaго и не останавливаясь даже передъ матеріальной поддержкой.

Первѣйшей же заботой его, главной цѣлью всей службы, было—„возвысить вліяніе русскихъ служащихъ въ Царствѣ Польскомъ“.

И вотъ такому достойному во всѣхъ отношеніяхъ человеку суждено было пасть отъ руки убійцы!

Въ роковой день убійства, 6-го августа 1906 года, вскорѣ послѣ возвращенія своего въ канцелярію отъ губернатора, Алексѣй Ильичъ былъ вызванъ городскимъ фельдшеромъ Шварцемъ для осмотра лимонадной фабрики въ присутст-

виі врача. Вѣрный долгу службы, исполнительный и храбрый, прямой и честный, покойный не подозрѣвалъ, что вызовъ его на этотъ осмотръ былъ ловушкой.

Подѣхавъ къ назначенному мѣсту и сойдя съ пролетки, онъ едва подошелъ къ воротамъ, какъ съ балкона этого дома былъ въ него брошенъ разрывной снарядъ, взорвавшійся съ страшной силой.

Когда дымъ разсѣялся, случайнымъ прохожимъ, остолбѣвшимъ отъ испуга, представилось ужасное зрѣлище: бѣдному Алексѣю Ильичу оторвало обѣ ноги, переломило руку и переносицу, изуродовало глаза; волосы и борода были выжжены.

Претерпѣвавшій страшныя мученія Алексѣй Ильичъ былъ перенесенъ на свою квартиру, гдѣ прожилъ еще 40 минутъ. Въ это время успѣлъ прійти священникъ и безстрашный, честный и глубоко вѣрующій воинъ—христіанинъ исповѣдался и удостоился передъ смертью причаститься Св. Таинъ. Напутствуемый молитвой, онъ тихо отошелъ въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Такъ погибъ одинъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ людей, заброшенный судьбою на окраину, гдѣ онъ былъ образцовымъ честнымъ и вѣрнымъ слугою Русскаго Царя; онъ оставилъ по себѣ память добраго православнаго христіанина, неподкупнаго и любящаго сына своей Матушки Россіи.

Онъ погибъ за то, что былъ представителемъ власти, за то что любилъ правду, за то что служилъ безкорыстно, стоялъ за порядокъ, за то что былъ вѣренъ и не соблазнялся посулами и обѣщаньями лже-друзей Россіи крамольниковъ поляковъ и жидовъ.

Онъ былъ бѣльмомъ на глазу „освободителей“ и имъ нужно было уничтожить его во что бы то ни стало.

Еще разъ невинная кровь обагрила ихъ руки и преисполнила ихъ озвѣрѣвшія сердца дикой разнузданной радостью.

Антонъ Леонтьевичъ Лукашевичъ.

Городовой гор. Ломжи, убитъ 7 Января 1906 г.

Среди густого кроваваго тумана, нависшаго надъ нашей Родиной въ 1904—1905 и 1906 годахъ, и окончательно не разсѣявшагося до сихъ поръ, слышались частые выстрѣлы изъ браунинговъ, поражавшіе преданныхъ Царю и Отечеству Русскихъ людей.

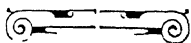
Въ числѣ этихъ мучениковъ оказался Антонъ Леонтьевичъ Лукашевичъ —городовой Ломжинской полиціи.

Уроженецъ Минской губерніи, Слуцкаго уѣзда, онъ по окончаніи срока военной службы, служилъ шесть лѣтъ урядникомъ, а затѣмъ перешелъ въ Ломжу городовымъ.

7-го Января 1906-го года, Антонъ Леонтьевичъ былъ раненъ двумя слѣдившими за нимъ злоумышленниками. Получивъ пулевую рану въ лѣвый бокъ, онъ черезъ пять часовъ скончался, выразивъ передъ смертью сожалѣніе, что его дѣти остаются сиротами.

Въ его лицѣ Ломжинская полиція потеряла одного изъ образцовыхъ служакъ—обладавшаго рѣдкими нравственными качествами, а мѣстные обыватели —бдительнаго оберегателя ихъ жизни и спокойствія.

Послѣ него осталась жена и двое малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ четырехлѣтняя Вѣра принята въ пріютъ Св. Вѣры—находящійся на станціи „Каминскъ“ и устроенный на личныя средства Валеріана Валеріановича Казаринова.

Петръ Θεодосѣевичъ Кононовъ.

Приставъ 2-й части г. Кѣльцы, убитъ 11 Декабря 1907 г.

Конецъ 1907 г. Острый періодъ революціоннаго движенія проходитъ, но послѣднія его вспышки все еще продолжаютъ озарять своимъ кровавымъ свѣтомъ трупы падшихъ безстрашныхъ слугъ Отечества, на которыхъ ослѣпленные жаждою мести революціонеры срываютъ свою бессильную злобу...

11 Декабря, 1907 г., убитъ приставъ 2-ой части г. Кѣльцы Петръ Θεодосѣевичъ Кононовъ.

Энергичный, безстрашный онъ лишь три мѣсяца, испол-

нялъ возложенныя на него обязанности, но за это короткое время успѣлъ проявить такую энергію въ борьбѣ съ различными преступными организаціями, что нажилъ себѣ безчисленныхъ враговъ. Еще ранѣе, состоя сначала секретаремъ, а затѣмъ секвестраторомъ Олькушскаго уѣзднаго Правленія, онъ принесъ не мало пользы въ дѣлѣ розыска злоумышленниковъ.

Убить Кононовъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей.

Преслѣдуя злоумышленниковъ на одной изъ самыхъ опасныхъ улицъ города, Кононовъ былъ убитъ внезапно изъ засады выстрѣломъ изъ револьвера.

Покойный былъ очень хорошій и честный человекъ и прекрасный семьянинъ. Послѣ него остались жена и четверо малолѣтнихъ дѣтей.

Много вдовъ и сиротъ наполнило русскую землю по милости крамольныхъ поляковъ и жидовъ!

Романъ Иосифовичъ Гредингеръ.

Помощникъ врачебнаго инспектора, убитъ 8 апрѣля 1908 г.

Р. I. Гредингеръ представляетъ собою примѣръ самого доблестнаго исполненія отвѣтственной службы врача и сторонника правды и порядка имѣють полное основаніе гордиться тѣмъ, что въ ихъ средѣ находятся такіе выдающіеся своею высокою честностью и несокрушимымъ мужествомъ люди.

Дѣдъ покойнаго Гредингера командовалъ дивизіею на Кавказѣ, отецъ покойнаго занималъ видное мѣсто въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и былъ другомъ Каткова и Юрія Самарина. Въ этой особаго уклада семейной обста-

новкѣ былъ воспитанъ Романъ Іосифовичъ Гредингеръ, родившійся въ 1862 г. Образование свое онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ. По окончаніи курса молодой хирургъ нѣкоторое время былъ ассистентомъ извѣстнаго Бергмана, а потомъ онъ прослужилъ десять лѣтъ въ г. Богородскѣ и въ Москвѣ, а въ 1899 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ Таврическаго врачебнаго инспектора.

Во время войны докторъ Гредингеръ не остался на своемъ спокойномъ посту, а отправился въ дѣйствующую армію, гдѣ самоотверженно исполнял свои обязанности. Невредимымъ вернулся онъ обратно въ Симферополь, но здѣсь ему пришлось лицомъ къ лицу столкнуться съ врагомъ всѣхъ своихъ завѣтныхъ взглядовъ и убѣжденій.

Въ 1907 г. онъ категорически отказывается содѣйствовать освобожденію изъ подъ стражи одного врача-революціонера, притворившагося больнымъ. За это 7 октября на него напали на улицѣ два террориста съ цѣлью отомстить за отказъ, но Гредингеръ успѣлъ сбить съ ногъ одного изъ убійць и отдѣлался самъ легкою раню.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Севастополѣ былъ арестованъ латышскій революціонеръ Штальбергъ, при чемъ у него найдено 23 бомбы. Такъ какъ Штальбергъ симулировалъ сумасшествіе, то онъ былъ освидѣтельствованъ и хотя признанъ невмѣняемымъ, но вопреки мнѣнію Гредингера, который утверждалъ, что Штальбергъ вовсе не сумасшедшій, а просто притворщикъ.

Въ февралѣ 1908 года Штальбергъ былъ вновь арестованъ и по обыску у него на дачѣ въ погребѣ найденъ хищенный съ одного изъ военныхъ судовъ пулеметь и 45 бомбъ. 3-го марта къ Гредингеру является одинъ неизвѣстный, предлагая 3.000 руб. за признаніе Штальберга умалишеннымъ.

Отвѣтъ Гредингера ясенъ самъ собой: онъ немедленно приглашаетъ полицію, но „неизвѣстный“ успѣваетъ скрыться.

29 марта Гредингеръ настоялъ на признаніи Штал берга здоровымъ.

Но этимъ самымъ его собственная участь была предопредѣлена. Онъ не могъ не знать, что его ожидаетъ, но тѣмъ не менѣе безъ колебанія исполнилъ свой долгъ врача и государственнаго слуги.

Не прошло и двухъ недѣль, а именно 8 апрѣля, къ Гредингеру, грижды является одна неизвѣстная женщина, умоляющая его оказать врачебную помощь ея тяжело-больному отцу. Было ли у него предчувствіе опасности— неизвѣстно, но Гредингеръ, послушный велѣнію своего добраго отзывчиваго сердца и вѣрный докторской присягѣ соглашается на просьбы и вмѣстѣ съ неизвѣстною женщиною выѣхалъ въ 8 часовъ вечера на желѣзно-дорожную станцію Курманъ, чтобы принести облегченіе и исцѣленіе страждущему.

Не корысть высокой платы, а одно только доброе сердце побуждало его на эту поѣздку, такъ какъ установлено, что онъ поѣхалъ даромъ, бесплатно. Злодѣи умѣло использовали доброту своего врача.

Гредингеръ болѣе домой не возвращался, а на слѣдующій день его группъ былъ найденъ въ полуверстѣ отъ станціи. Онъ былъ убитъ пятью выстрѣлами изъ браунинга.

За что же погибла эта свѣтлая личность? За неуклонное исполненіе долга? За смѣлость остаться при особомъ мнѣніи въ первое освидѣтельствованіе Штальберга? За отказъ взять крупную взятку? За настойчивость при второмъ освидѣтствованіи? За готовность оказать бесплатную помощь бѣдному больному? За несочувствіе террору и революціи?

Но жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что насильственная смерть, подобныхъ Гредингеру дѣятелей, повліяетъ на остальныхъ правительственныхъ слугъ. Быть можетъ иной и поддастся искушенію, не устоитъ предъ угрозою смерти, но это не будетъ общимъ правиломъ. Убіиство Гредингеровъ только возвышаетъ въ общественномъ сознаніи тѣ скромныя должности, которыя занимаютъ такіе люди. Ихъ примѣру слѣдуютъ другіе и, благодаря имъ, идея правды, идея долга [растетъ въ русскомъ обществѣ, при сопостав-

леніи дѣятельности и личностей—съ одной стороны Штальберга и его товарищей, а съ другой—Гредингера и тѣхъ, кто съ нимъ.

Относительно покойнаго Гредингера надо еще добавить, что за два дня до смерти онъ получилъ крупное повышеііе и былъ назначенъ врачебнымъ инспекторомъ въ Херсонскую губернію. Но враги успѣли подстеречь свою жертву въ Крыму. Похороненъ онъ въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ.

Яковъ Матвѣевичъ Стригинъ.

Жандармскій унт. офицеръ Алатырскаго отдѣленія Московскаго жандармскаго полицейскаго Управленія жел. дороги, убитъ 6 февраля 1906 г.

Въ ночь на 6 февраля 1906 года пуля подлаго убійцы сразила этого честнаго исполнителя служебнаго долга.

Будь Яковъ Матвѣевичъ безучастнымъ зрителемъ творившихся въ 1905-мъ году на станціи „Алатырь“ революціонныхъ безобразій, пули изверговъ не прервали бы его жизни.

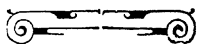
Имя его стояло чуть ли не первымъ въ спискѣ русскихъ патріотовъ приговоренныхъ кромольниками къ смерти. Они никакъ не могли примириться съ мыслью, что Стригинъ помѣшалъ дальнѣйшему развитію забастовки въ мастерскихъ названной станціи.

Одинъ изъ руководителей этой забастовки подкравшись къ Якову Матвѣвичу, въ ночной темнотѣ, выстрѣломъ изъ револьвера въ упоръ—въ спину, убилъ его наповаль.

Это подлое убійство изъ-за угла вызвало среди населенія станціи всеобщее сожалѣніе и негодованіе противъ убійцъ.

Умеръ этотъ герой труженникъ, но память о немъ никогда не умретъ, а будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ истинно русскихъ людей, постоянно готовыхъ умереть за Вѣру Царя и Отечество.

Такіе люди какъ Стригинъ составляютъ честь и гордость многострадальной Русской народности.

Графъ А. П. Игнатьевъ,

убитъ 9 Декабря 1906 г. въ Твери.

Наше кровавое освободительное разбойничество умѣло выбирать свои жертвы. Какъ скоро оно намѣчало кого-либо и преслѣдовало особенно настойчиво, можно было сказать безошибочно, что выборъ его палъ на одного изъ крупнѣйшихъ сыновъ родины. Подобно Тарквинію Гордому, наша революція любила сбивать головки у самыхъ высокихъ стеблей.

Графъ А. П. Игнатьевъ родился 22 мая 1842 года. Высокое положеніе его отца, столичнаго Генераль-Губернатора, уже само по себѣ обезпечивало ему быструю карьеру, но еще болѣе обезпечивали ему эту карьеру выдающіяся способности, его преданная любовь къ Россіи и неустававшая энергія. Эти качества онъ выказывалъ съ молодыхъ лѣтъ и на службѣ въ войскахъ и позже, когда онъ сталъ получать высокія

административныя назначенія. Ученикъ Пажескаго корпуса, онъ немедленно по выходѣ, 17 л. отъ роду, принялся за военное образованіе высшаго разряда и съ Высочайшаго разрѣшенія, не дожидаясь срока, поступилъ въ Николаевскую Военную Академію Генер. Штаба. Допущенное для него исключеніе было сдѣлано не напрасно. Выпускные экзамены А. П. сдалъ блистательно. Академическіе годы остались для него не безплодными и совершенно такъ же, какъ старшій братъ его, графъ Ник. П., онъ вынесъ изъ Академіи запасъ незаурядныхъ свѣдѣній, которыя ему и пришлось съ пользою для Родины примѣнить къ дѣлу.

Припомнимъ здѣсь главныя черты изъ его служебной карьеры. Первая ея половина, до назначенія Иркутскимъ Генералъ-Губернаторомъ въ 1885 г. протекла въ строю. Вторая была цѣликомъ посвящена Госуд. дѣятельности. Да, и будучи строевымъ офицеромъ, графъ А. П. сумѣлъ показать свои незаурядныя стремленія и незаурядныя тоже способности. За время своей 10 л. службы въ Гусарскомъ полку, онъ посвящалъ усердныя старанія обученію солдатъ не въ одномъ только строю, но и въ школѣ. За свое внимательное отношеніе къ подчиненнымъ, за истинное товарищеское обращеніе съ полковыми сослуживцами, онъ въ одинаковой мѣрѣ быстро приобрѣлъ любовь офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка. Государь Александръ П. оцѣнилъ его по достоинству, приблизивъ къ себѣ и назначивъ своимъ флиг. адъютантомъ. По своему личному почину онъ въ 1864 поручилъ ему командовать Л. Уланскимъ Курл. Гусар. Полкомъ, а 8 лѣтъ спустя въ 1872 Кавалергардскимъ полкомъ Ея В.

Славныя боевыя Курлянскіе гусары нашли себѣ въ графѣ достойнаго начальника, всегда умѣло поддерживавшаго въ нихъ военную выправку и полковой духъ. Среди нихъ Графа А. П. оставилъ самую теплую, самую благодарную память. Тоже было и съ кавалергардами. И здѣсь, командуя самымъ блестящимъ полкомъ Гвар. кавалеріи, графъ сумѣлъ поддерживать строгую дисциплину безъ всякой излишней строгости и приковать къ себѣ живое расположеніе подчиненныхъ, не допуская никогда, хотя бы

малѣйшей распущенности въ строевой жизни. Никогда онъ не терялъ изъ виду высшую задачу военнаго званія—постоянную готовность къ бою. И если графу не суждено было этотъ бой выдержать въ открытомъ полѣ, то самъ онъ, перейдя отъ строевой службы къ администр. дѣятельности, не переставалъ никогда открыто, безстрашно, послѣдовательно бороться съ врагами, поподавшимися ему на пути, съ врагами явными и тайными, съ неурядицей и подкупностью сперва, а потомъ и съ крамолой. Никогда не переставалъ онъ отдавать себя безраздѣльно служенію родинѣ, которая для него сливалась съ вѣрнымъ служеніемъ Государю. Такимъ онъ былъ и въ строю и на администр. поприщѣ—въ Иркутскѣ и въ Кіевѣ, а впоследствии въ Гос. Совѣтѣ. Гармоническое соединеніе твердости въ исполненіи долга съ привѣтливою снисходительностью къ отдѣльнымъ людямъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло,—этой чертѣ онъ оставался вѣрнымъ неизмѣнно.

Но личность графа А. П. не была бы вполне дорисована, еслибы мы здѣсь не коснулись его семейной жизни, замѣчательно счастливой и благоустроенной. Въ бытность команд. Кавалерг. полка онъ женился на княгинѣ Софіи Сергѣевнѣ Мещерской и нашелъ въ ней неизмѣнно ему преданную, во всемъ ему помогавшую жизненную подругу. Съ тѣхъ поръ судьба переносила чету Игнатьевыхъ въ самыя отдаленныя другъ отъ друга мѣста: въ суровое изобиліе богатой Сибири, на цвѣтушіе привѣтливые холмы Малороссіи, и т. д. И повсюду мы застаемъ рядомъ съ графомъ его вѣрную спутницу и ни одна тучка не появлялась никогда у его образцоваго семейнаго очага. Графъ до конца жизни оставался семьяниномъ въ лучшемъ смыслѣ слова и любоваться можно было всегда стройнымъ порядкомъ его изобильнаго дома, гдѣ будто старинныя преданія семейнаго благоустройства не переставали сторожить его очагъ. И здѣсь въ близкомъ кругу родныхъ застаемъ мы ту же созвучную гармонию, которая отличала собою всю дѣятельность графа. Вѣрные преданія старины, ревностный блюститель ея завѣтовъ, онъ никогда не вступалъ въ коллизію съ требованіями новѣйшаго времени и домъ его никогда не дѣлался мѣстомъ

столкновения какихъ либо непримиримыхъ противорѣчій. Мирно, гладко, достойно подвигалась жизнь графа и графини, принося имъ сознаніе исполненнаго долга, а всѣмъ постороннимъ внушая невольное уваженіе къ непоколебимой твердости соблюдаемыхъ ими порядковъ.

Съ 1880 г. по 1885 графъ А. П. занималъ мѣсто нач. штаба Гвард. корпуса.

Здѣсь основательныя познанія, имъ пріобрѣтенныя въ военной Академіи, могли развернуться вполне, найти себѣ широкое примѣненіе. Графъ былъ незаурядный начальникъ штаба—ничего зауряднаго вообще въ его служебной дѣятельности не было. Не формально, а съ твердымъ намѣреніемъ довести его до конца, онъ взялся твердою рукою за упорядоченіе строевой службы и за обученіе нижнихъ чиновъ. Пять лѣтъ, проведенныя имъ въ Гвардейскомъ штабѣ, оставили послѣ себя замѣтный слѣдъ. Неустаяющая, твердая, знающая рука поддерживала благоустройство и порядокъ въ гвард. войскахъ.

Штабная должность была какъ бы промежуточной ступенію между пребываніемъ графа въ строю и переходомъ его къ администр. дѣятельности. Въ 1885 г. онъ былъ назначенъ Иркутскимъ Генераль-Губернаторомъ. Тогдашній министръ Вн. дѣлъ графъ Д. А. Толстой предложилъ ему управленіе Курской губ., но воля государя Александра III указала А. Павловичу поприще болѣе широкое. Восточная Сибирь была въ то время почти непочатымъ краемъ, въ которомъ имѣлось въ избыткѣ, за что взятыя предпріимчивой рукѣ. Очищеніе служебнаго персонала, миссіонерская дѣятельность, забота о ссыльныхъ и каторжныхъ, проведеніе новыхъ дорогъ, наконецъ—быть инородцевъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Иркутской области обратили на себя вниманіе графа. Не опрокидывая съ нетерпѣливой быстротой существующихъ порядковъ, не обременя жизнь новыми расходами, хорошо сознавая, что наилучшія преобразованія не могутъ быть осуществлены поспѣшно, графъ съ первыхъ же дней занялся реформированіемъ мѣстнаго управленія. Несмотря на свои убѣжденія, не склонявшія его черезчуръ снисходительно относиться къ политич. преступникамъ онъ, однако, и на нихъ смотрѣлъ съ милосерднымъ участіемъ, стараясь удовлетворить

всѣ ихъ законныя жалобы. Немилосерднымъ гр. А. П. былъ только ко взяточничеству. Самъ въ высшей степени бережливый по отношенію къ земскимъ расходамъ, онъ не допускалъ хищеній техниковъ. Пути сообщенія Вост. Сибири были приведены въ порядокъ мѣстными средствами. Миссионерская пропаганда среди язычниковъ велась съ успѣхомъ и не видывала треній. Проплывъ всю Лену, главную артерію своего генераль—губернаторства, графъ посѣтилъ и Абданъ, гдѣ мѣстное инородческое населеніе въ первый разъ увидало начальника края—представителя Государя и почувствовало на себѣ попечительную руку власти. Во всемъ этомъ была такъ часто недостающая намъ, живая струя непосредственнаго попеченія о краѣ, чуждаго всякаго формализма. Немногочисленны Генераль—Губернаторы, о которыхъ можно сказать, что они умѣли вникать въ дѣло, не отдаваясь постороннему вліянію и сами намѣчая себѣ желанную цѣль. Такимъ былъ гр. А. П. и вся вост. Сибирь пожалѣла, узнавъ, что его вызываютъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы перевести на новую должность. И здѣсь повторилась, что было нѣсколько лѣтъ назадъ: Графу предложили сперва постъ товарища М—а. Вн. дѣль, но Государь рѣшилъ поручить ему управление Юго-Западнымъ краемъ.

Въ Кіевѣ, гдѣ гр. А. П. оставался Генераль-Губернаторомъ съ 1890 по 1898, его ждали новые вопросы и совершенно новый строй общественной жизни. Пестрота населенія была здѣсь не меньшая, чѣмъ въ Сибири. Но вмѣсто полудикихъ, большею частью бродячихъ инородцевъ, здѣсь графъ долженъ былъ найти густой еврейскій элементъ, державшій въ своихъ рукахъ всю мѣстную торговлю, и значительное число нѣмецкихъ колонистовъ. И землевладѣніе, и духовенство не только не представлялись исключительно русскими,—а какъ разъ здѣсь, въ рядахъ этихъ высшихъ классовъ, предназначенныхъ служить главной опорой порядка, насчитывалось много лицъ, прямо враждебныхъ русскимъ интересамъ и старавшихся подкочнаться подъ русское единство.

Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ какое-нибудь дѣло могло быть рѣшено въ политическихъ соображеніяхъ, на чисто

гражданской почвѣ. Хорошо ли это было, или нѣтъ, слѣдуетъ ли допускать политическую точку зрѣнія, тамъ, гдѣ одна справедливость должна была служить основой рѣшенія,— эту печальную необходимость создавало все прошлое юго-западнаго края, всё накопившіяся въ немъ противорѣчія и всё опасенія правительства за его будущее.

Отстоять этой край для Россіи, завоевать его вторично мирнымъ путемъ, послѣ того какъ слишкомъ 100 л. назадъ онъ былъ силою отторгнутъ отъ Польши, вотъ трудная задача, за которую приходилось взяться графу А. П.-у. Двадцать шесть лѣтъ уже прошло со времени смуты въ западныхъ губерніяхъ по внутренняго умиротворенія, тамъ еще не наступило. Приходилось успокоить жителей, стереть, по возможности, изъ памяти причины неулешагося взаимнаго раздраженія по мѣрѣ возможности, слить посторонніе враждебные элементы съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, не переставая въ то же время зорко слѣдить за польско-еврейской интеллигенціей и за племенемъ близъ границы выходцевъ изъ Германіи и Австріи, которые могли въ минуту опасности сдѣлаться пособниками враждебнаго нашествія. Прирожденный тактъ гр. А. П.-а помогъ ему выйти изъ этого затруднительнаго положенія, способствовать, если не дружному, то, во всякомъ случаѣ, мирному сліянію разныхъ національностей и въ то же время не прибѣгать къ мѣрамъ насилія и строгости. Конечно, 8 лѣтнее управленіе графа не разрѣшило сложныхъ національныхъ вопросовъ въ юго-западномъ краѣ, но и то много значитъ, что оно оставило по себѣ добрую память у всѣхъ жителей этого края, въ томъ числѣ и у инородцевъ. Къ примѣненію силы, а тѣмъ болѣе къ произволу графъ, по мѣрѣ возможности, не прибѣгалъ, а въ личномъ обращеніи со всѣми, имѣвшими до него дѣло, онъ всегда сохранялъ мягкую, доброжелательную привѣтливость и готовность оказать помощь въ затрудненіи.

Широкій расцвѣтъ благотворительности въ краѣ, во главѣ которой стояла гр. Софія Сергѣевна, много содѣйствовала смягченію національныхъ противорѣчій. Графъ и его супруга привлекли къ этой сторонѣ своей дѣятельности и не русскіе элементы, въ томъ числѣ даже богатыхъ ев-

реевъ, никогда не жертвуя для этой цѣли исполненіемъ требованій закона. Для успѣха православія въ краѣ—графъ понималъ это отлично—надо было вести пропаганду умѣло, а для этого возвысить, сколько было возможно, уровень мѣстнаго православнаго духовенства, заручиться содѣйствіемъ церковныхъ іерарховъ, которые во время управленія гр. А. П-а, въ немъ никогда и не отказывали. Самъ горячій послѣдователь православія, графъ относился къ этой сторонѣ своей задачи съ особымъ рвеніемъ и достигъ того, что нигдѣ въ цѣлой Россіи, личный составъ пастырей церкви не былъ такъ удовлетворителенъ, какъ въ юго-западн. краѣ. А между тѣмъ опасность грозила не со стороны однихъ иновѣрцевъ, но и отъ правосл. сектъ, преимущественно отъ штундистовъ, которые, быть можетъ, отчасти безсознательно являлись проводниками среди крестьянъ рационалистическаго протестанства. Графъ понималъ тоже, какъ нельзя лучше, что одно изъ наиболѣе могучихъ орудій объединенія—экономическій подъемъ, удовлетворяющій нужды и пожеланія всѣхъ словъ населенія, и потому заботился объ этомъ подъемѣ постоянно и усердно. При отсутствіи земства въ краѣ, роль администраціи въ этомъ смыслѣ была въ Кіевѣ гораздо виднѣе, чѣмъ въ губерніяхъ центральныхъ. И въ цѣломъ рядѣ вопросовъ—въ дорожномъ дѣлѣ, въ обозначеніи врачебной помощи, въ облегченіи сельско-хоз. начинаній и земледѣльческаго кредита—графъ сдѣлалъ многое. При немъ край несомнѣнно расцвѣлъ.

Въ 1898 г. гр. А. П. былъ призванъ засѣдать въ Госуд. Совѣтѣ.

Послѣдніе 9 лѣтъ его жизни были посвящены дѣятельному участию въ законодательной работѣ, къ которому его такъ щедро подготовилъ опытъ. Не было ни одного вопроса, сколько-нибудь важнаго, гдѣ бы гр. А. П. не высказывался положительно и твердо, всегда руководствуясь вѣрностью интересамъ Россіи, всегда въ одинаковой мѣрѣ не заботясь объ интересахъ личныхъ. Выдвигаться впередъ, открывать болѣе широкое поприще для исполнѣннаго законнаго честолюбія онъ недумалъ: одно только стояло передъ нимъ, какъ не уклонная задача—безкорыстное служеніе родинѣ и Го-

сударю. Заявленіями о вопросахъ общихъ, съ такъ называемыми программными рѣчами, гр. А. П. выступалъ рѣдко, за то въ подготовленіи законовъ и ихъ разработкѣ онъ участвовалъ всегда съ обычной ему энергіей. Ясное пониманіе нуждъ страны, трезвое отношеніе ко всѣмъ возникавшимъ спорамъ, практичныя взгляды графа, всегда почерпнутыя изъ дѣйствительности,—все это пріобрѣло ему, даже въ глазахъ противниковъ единоголосное признаніе его наиболѣе выдающимся изъ членовъ охранительной партіи. Слово „партія“ впрочемъ не идетъ къ политической дѣятельности графа, для котораго вѣрность родинѣ и Царю не могла быть дѣломъ партіи. Когда показались признаки наступавшей бури, графъ А. П. твердо высказался въ смыслѣ невозможности сколько либо ограничить самодержавную власть. По его мнѣнію эта власть въ полной своей неприкосновенности была достояніемъ не одного только Государя, но цѣлаго народа. Ей онъ былъ обязанъ всѣми мѣрами, принимавшимися для укрѣпленія его духовнаго и матеріальнаго благосостоянія. Гражданская свобода ему была дана великодушнымъ починомъ Государя, который одинъ въ цѣлой Россіи можетъ заботиться о народѣ безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ малѣйшаго желанія извлечь для себя личную пользу изъ правительственныхъ мѣропріятій. Партіи, какъ бы ни были они на словахъ либеральны имѣютъ постоянную склонность вырывать затѣмъ у правительства тѣ или другіе его атрибуты, чтобы создавать на плечахъ народа собственное благополучіе. Имъ нужна власть, дабы удовлетворить самолюбіе и вѣрнѣе использовать для себя народный достатокъ. Единственный въ самомъ дѣлѣ, безкорыстный другъ народа—его Державный Вождь.

Придерживаясь такихъ взглядовъ, гр. А. П. нисколько не думалъ отрицать пользы отъ созыва народныхъ представителей для участія въ государственномъ дѣлѣ. Онъ не хотѣлъ одного — предоставлять имъ рѣшающее вліяніе на судьбы Государства, желалъ обезпечить—за ними лишь совѣщательныя полномочія. Графу казалось немислимымъ, чтобы Государь былъ вынужденъ согласоваться съ мнѣніемъ слу-

чайнаго большинства, чтобы управление страной велось въ духѣ какого либо кружка.

Такова была точка зрѣнія, на которую онъ твердо сталъ, которую онъ проводилъ стойко и убѣжденно. Во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ полное право отстаивать свое искреннее убѣжденіе, какъ имѣеть на то право каждый гражданинъ, а тѣмъ болѣе сановникъ, черпающій свои взгляды изъ опыта. Всего меньше пристало оспаривать за кѣмъ либо это право тѣмъ самымъ людямъ, которые громко увѣряютъ, что они готовы защищать свободу мнѣній и неприкосновенность личности. Но среди этихъ людей всегда находятся и такіе, которымъ быть не послѣдовательными ничего не стоитъ, которые никому не прощаютъ одного превосходства въ разумности и безстрашии, готовности жертвовать собой. За графомъ установилась репутація главы реакціонной партіи, опаснаго для успѣха движенія и судьба его была рѣшена въ умѣ революціонеровъ, пожелавшихъ освободиться отъ той опасности, какою ихъ видамъ на будущее представлялась крѣпкая воля графа А. П-а. Задуманное злодѣяніе ярко указало, каковъ духъ терпимости къ чужимъ мнѣніямъ одушевляющій нашихъ, такъ называемыхъ, освободителей и какъ уважаютъ они столь прославляемую ими свободу для тѣхъ лицъ чьи мнѣнія расходятся съ ихъ собственными.

За все 9 лѣтнее пребываніе графа А. П-а. членомъ Г. Совѣта, онъ не разъ открыто выступалъ съ особымъ, самостоятельнымъ мнѣніемъ, какъ скоро расходился во взглядахъ съ товарищами по должности. Онъ оставался вѣренъ двумъ правиламъ, руководившимъ цѣлою его жизнію: глубокой и непоколебимой преданности Государю и твердой самостоятельности личнаго убѣжденія, никогда не преклоняющагося передъ большинствомъ. Многочисленные занятія по госуд. дѣламъ и заботы о семьѣ, которой посвящалъ онъ все свободное время, не мѣшали графу усердно заниматься сельскимъ хозяйствомъ и не шумною, но дѣятельною благотворительностью въ пользу сосѣдей, его крестьянъ. Родовое имѣніе, унаслѣдованное имъ отъ матери, село Чертолино, Ржевскаго, онъ привелъ въ образцовый порядокъ. Въ немъ роль землевладѣльца не исчерпывалась расчетливымъ

толковымъ веденіемъ хозяйства: въ эту роль входила и обязанность служить образцомъ для прочихъ; работать не на личную пользу только, а ради служенія обществу. Для него владѣть землею значило нести общественную тяготу. И этотъ мнимый реакціонеръ, какимъ считали его крамольники, былъ на самомъ дѣлѣ искреннимъ, вѣрнымъ другомъ крестьянъ, нуждамъ которыхъ онъ всегда помогалъ, разсѣявая въ то же время ихъ недоумѣніе идущими къ дѣлу совѣтами. Доступъ къ нему всегда былъ открытъ и въ деревнѣ, и въ Петербургѣ. И тамъ, и въ столицѣ онъ смотрѣлъ на себя, какъ на старшаго, нравственно обязаннаго помогать младшимъ. Онъ служилъ живымъ контрастомъ тѣмъ господамъ, которые громко, на собраньяхъ, говорятъ о своей преданности интересамъ народа, а у себя дома пользуются всякимъ случаемъ, чтобы этотъ самый народъ подвергать усиленной стрижкѣ.

Благородная независимость графа, никогда не подчинявшаго своихъ искреннихъ сужденій господствующимъ взглядамъ, особенно ярко проявилась 7-го Дек. 1905 года послѣ совѣщанія, подготовившаго злополучный законъ 11-го Декабря, и въ рѣчи, сказанной А. П-мъ въ засѣданіи подѣ председательствомъ самого Государя 14 Февр. 1906 по поводу вопроса о преобразованіи Госуд. Совѣта. Послѣднимъ выдающимся дѣломъ, порученнымъ графу было председательствованіе въ особомъ совѣщаніи по пересмотру законовъ о вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Графъ, какъ ревностный христіанинъ, хорошо знакомый съ каноническими правилами и всю жизнь интересовавшійся дѣлами вѣры, былъ какъ бы предуказанъ для руководства предпринятымъ тогда оживленіемъ религіозной жизни. Духовенство слѣдовало призвать къ большей инициативѣ, въ то же время сдерживая необдуманныя и скороспѣлыя нововведенія.

Перемѣна въ личномъ составѣ тверскаго земства, гдѣ какъ и въ многихъ другихъ, выборы 1906 г. дали перевѣсъ благоразумнымъ элементамъ, вызвала графа на послѣдній актъ его безкорыстнаго служенія родинѣ. Онъ принялъ на себя званіе гласнаго Ржевскаго у., а позже и тверскаго губ. собранія.

Несмотря на многочисленныя предостереженія, грозившія ему карой революціонной партіи за участіе въ тверскомъ земствѣ, гдѣ, какъ всѣ понимали, его ожидала руководящая роль, гр. А. П. поѣхалъ 8-го Дек. 1906 г. на открытіе земской сессіи въ Тверь. Онъ оставался равнодушнымъ къ угрозамъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, когда его ожидало исполненія гражд. долга. Какъ вѣрный слуга отечества, онъ не зналъ опасности, какъ скоро могъ принести пользу. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на часового, призваннаго охранять чужую безопасность, даже когда въ опасности находился онъ самъ. Приѣхавъ утромъ 9-го Дек. въ Тверь, графъ замѣтилъ, какъ на двухверстномъ пути со станціи въ городъ, за нимъ слѣдилъ подозрительный господинъ, ѣхавшій вслѣдъ. Передъ открытіемъ собранія, онъ заѣхалъ къ тогдашнему губ. предводителю С. Ф. Головину и передалъ ему о замѣченной имъ подозрительной личностъ. Несмотря на горячія, настоятельныя просьбы С. Ф. Головина, онъ на собраніе поѣхалъ, не соблюдая никакой предосторожности и тамъ, разговаривая съ знакомыми гласными, не переставалъ беззаботно и добродушно шутить. Графъ и у прочихъ разогналъ этимъ всякую тревогу. Въ 6 час. когда въ малой залѣ Двор. Собранія, нѣсколько гласныхъ собрались отобѣдать, и гр. А. П. бесѣдовалъ съ сидящимъ возлѣ него гласнымъ Кущелевымъ, въ дверяхъ показалась никому незнакомая фигура молодого господина быстро направившагося къ мѣсту гдѣ сидѣлъ графъ. Этотъ незнакомецъ былъ, однако, однимъ изъ мелкихъ служащихъ при Губ. Управл. Въ самую послѣднюю роковую минуту, едва находившіеся вблизи графа почувяли опасность и хотѣли броситься навстрѣчу подходившаго, какъ раздался выстрѣлъ. Еще нѣсколько секундъ и драгоценная жизнь была прервана, благородное сердце перестало биться. Попавшая въ животъ пуля причинила почти мгновенную смерть. Тяжелую утрату понесла Россія за то, что одинъ изъ ея лучшихъ сыновъ захотѣлъ безобязанно, послѣ столькихъ услугъ ей оказанныхъ, и въ послѣднюю минуту не отвернуться отъ того, на что онъ смотрѣлъ, какъ на обязанность. Лишній разъ, въ ряду столькихъ примѣровъ кровожадной

партійности, мнимые защитники свободы, для которыхъ всего дороже свобода безнаказанно убивать, пролили кровь человѣка, всю жизнь посвятившаго долгу, никому не причинившаго зла, много поработавшаго на благо отечества. Убийца былъ схваченъ, судимъ и приговоренъ. Но справедливый приговоръ не можетъ вернуть отечеству незамѣнимаго сына, не можетъ смыть позора, учиненнаго надъ нимъ насилія. Въ одномъ только Провидѣніе, быть можетъ, захотѣло въ своей безконечной премудрости использовать эту великую жертву: чѣмъ полезнѣе люди, павшіе отъ преступной руки революціоннаго самосуда, тѣмъ ярче у всѣхъ должны были раскрыться глаза, тѣмъ сильнѣе подняться отъ обращенія къ убійцамъ. И пусть великодушныя жертвы кроваваго дѣла передъ Всемогущимъ усердно молятъ о спасеніи Родины, сами возведенныя къ вѣчной свѣтлой радости, не знающей ни горя, ни тревоги отъ мелкихъ революціонной краткосрочной земной жизни.

Гавриль Емельянович Ярошъ.

Стражникъ Нѣжинскаго уѣзда, убитъ 14 Юля 1907'г.

Защитникъ общественнаго порядка и безопасности ближняго, Гавриль Ярошъ палъ жертвой своего долга.

Родился 12 Юля 1872 года въ с. Плоскомъ, Мринской волости, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, сынъ казака хлѣбопашца, образованіе получилъ въ мѣстной земской школѣ, по окончаніи которой помогалъ своему отцу по хозяйству.

22 Октября 1893 года Ярошъ былъ принятъ Нѣжинскимъ уѣзднымъ по воинской повинности Присутствіемъ въ военную службу, гдѣ и служилъ писаремъ въ 6 батареѣ 8 Ар-

тиллерійской бригады до 1 Сентября 1897 года, когда был уволенъ въ запасъ.

Вернувшись со службы, Ярошъ женился на крестьянкѣ своего села Евфиміи Козловой, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей: Анаста сію, Григорія и Ивана и болѣе 6 лѣтъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, былъ уважаемъ и любимъ своими односельчанами.

15 Юля 1903 года Ярошъ былъ опредѣленъ, стражникомъ Нѣжинской уѣздной полицейской стражи, а 15 Апрѣля 1907 года былъ назначенъ урядникомъ Дремайловскаго участка Нѣжинскаго уѣзда.

Но не долго продолжалась служба Яроша въ должности урядника. Четырнадцатаго Юня 1907 г въ 3 часа пополудни, Ярошъ, объѣзжая съ отрядомъ стражниковъ ингушей свой участокъ, прибылъ въ село Великую-Кошелевку. Нѣсколько ингушей вошли въ мѣстную лавку казака Матвѣя Подалку купить чего нибудь съѣстнаго, а самъ Ярошъ остался неподалеку отъ лавки.

Въ это время изъ лавки быстро вышелъ молодой парень и перейдя улицу бросился въ сосѣдній садъ.

Ярошъ, узнавъ въ немъ давно розыскиваемого имъ убійцу жителя с. Дремайловки Антопа Кучинскаго—казака м. Веркѣвки Ивана Михайлова Шило, крикнулъ ингушамъ чтобы они задержали бѣгущаго и самъ бросился въ садъ на перерѣзъ.

Преступникъ, встрѣтивъ урядника на одной изъ дорожекъ сада, выстрѣлилъ изъ браунинга въ упоръ въ Яроша.

Смертельно раненный Ярошъ упалъ, а убійца преслѣдуемый выстрѣлами ингушей изъ винтовокъ, былъ раненъ въ ногу, но успѣлъ скрыться въ заросляхъ огородовъ.

Такъ погибъ храбрый урядникъ Ярошъ, оплакиваемый осиротѣлой семьей.

Гробъ съ прахомъ Яроша изъ села Великой-Кошелевки черезъ м. Веркѣвку и городъ Нѣжинъ былъ перевезенъ въ его родное село Плоское, гдѣ и погребенъ на мѣстномъ кладбищѣ. Изъ самаго с. В. Кошелевки до мѣста его успокоенія прахъ Яроша провожалъ его начальникъ, мѣстный Уѣздный

Исправникъ М. Н. Голяховскій. Прахъ Яроша вездѣ встрѣчала масса народа, на гробъ покойнаго было возложено много вѣнковъ.

Такъ погибъ еще одинъ незамѣтный герой—мученикъ.

Слава тебѣ, жизнь свою положившему за великое дѣло—служеніе Родинѣ.

Ты палъ, но память о тебѣ долго будетъ жить въ сердцахъ русскаго народа, который не забываетъ своихъ вѣрныхъ сыновъ!

Дмитрій Петровичъ Шумовъ.

Капитанъ II ранга, временный командиръ 7-го флотскаго экипажа. Убитъ въ ночь на 20-е іюня 1906 года во время мятежа въ Кронштадтѣ.

Смерть, поражая человѣка, производитъ на окружающихъ его различное впечатлѣніе. Бываетъ, что она приводитъ въ отчаяніе; иногда заставляетъ духъ человѣческой возстать и взбунтоваться противъ ея жестокой неизбѣжности. Бываетъ, что передъ нею смиряются чисто христіанскимъ смиреніемъ. Но бываетъ смерть великая, торжественная и поучительная для свидѣтелей ея. Такъ умираютъ подвижники, святые и люди долга и чести, сами идущіе навстрѣчу смерти, зная что это неизбѣжно, что это нужно—для другихъ.

Такой именно смертью умеръ Дмитрій Петровичъ Шумовъ. Онъ жилъ, искренно и добросовѣстно дѣлалъ дѣло, указанное ему жизнью, сердечно любилъ свою семью и погибъ въ моментъ, когда повинуюсь голосу совѣсти и долга хотѣлъ остановить волну мятежа и беспорядка, готовую залить Кронштадтъ. Онъ отдалъ свою жизнь, чтобы задержать хоть на моментъ, хоть на малое время, ужасъ, надвигающійся на родной ему городъ.

Но прежде, чѣмъ рассказать объ этомъ, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Дмитріѣ Петровичѣ.

Покойный—сынъ вице-адмирала Петра Степановича Шумова, родился въ 1761 году въ С.-Петербургѣ. Дѣтство же и юношество провелъ въ Кронштадтѣ, ставшемъ ему какъ бы роднымъ городомъ.

Сначала Д. Шумовъ учился въ реальномъ училищѣ, а въ 1879 году рѣшилъ перейти въ морской корпусъ, чтобы посвятить свои силы дѣлу, которому доблестно служили его предки. Корпусъ, а также спеціальные минные классы Д. Шумовъ окончилъ по первому разряду.

Въ высшей степени скромный, трудолюбивый и дѣльный онъ быстро обратилъ на себя вниманіе начальства, которое стало давать ему серьезныя, отвѣтственныя порученія, не смотря на то, что онъ былъ тогда еще только лейтенантомъ.

Такъ, напримѣръ, когда строился броненосецъ „Ослябя“. Д. Шумовъ былъ назначенъ миннымъ офицеромъ; затѣмъ, при постройкѣ другого броненосца „Цесаревичъ“—старшимъ офицеромъ, а въ 1906 г. председателемъ комиссіи по приѣмкѣ новыхъ миноносцевъ въ Эльбингѣ.

Въ 1883 году Дмитрій Петровичъ совершилъ первое кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Мининъ“; въ 1892—96 гг. второе на крейсерахъ 1-го ранга „Адмиралъ Корниловъ“.

Во время нашей войны съ Японіей, — Д. Шумовъ на броненосцѣ „Цесаревичъ“ былъ отправленъ на Дальній Востокъ, въ числѣ другихъ дѣльныхъ и выдающихся офицеровъ.

Дмитрій Петровичъ отлично зналъ свое дѣло и относился къ нему чрезвычайно строго и тщательно. Того же онъ требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ.

Въ письмахъ своихъ къ женѣ, онъ горько жаловался на слабую подготовку команды, а между тѣмъ, команда „Цесаревича“ была выдающейся среди другихъ и въ смыслѣ боевой подготовки, и въ смыслѣ порядка и дисциплины. Это впоследствии и подтвердилось, когда насталаь часъ „Цесаревичу“ показать себя въ дѣлѣ.

Но Д. Шумовъ хотѣлъ, чтобы все на броненосцѣ было болѣе чѣмъ хорошо, чтобы было идеально, именно такъ, какъ самъ онъ относился къ дѣлу, которое поручили ему.

Несмотря на строгость и требовательность въ области „дѣла“, Дмитрій Петровичъ, былъ очень популяренъ среди своихъ подчиненныхъ, умѣлъ вліять на нихъ, когда это было нужно и пользовался большимъ ихъ довѣріемъ. Русский солдатъ отлично понимаетъ, что дружба дружбой,—а дѣло дѣломъ и относится съ уваженіемъ къ начальнику, строго и справедливо требующему отъ него честнаго отношенія къ долгу и работѣ.

Громадныя заслуги Д. Шумова становятся очевидными, если вспомнить всю боевую эпопею пребыванія „Цесаревича“ на Дальнемъ Востоку. Это свѣтлая страница исторіи нашего флота въ минувшую несчастную войну. Памятный бой 28 іюля 1904 года ясно показалъ какого патріота и дѣльнаго офицера имѣлъ на своемъ борту „Цесаревичъ“. Ему одному обязанъ спасеніемъ броненосецъ послѣ того, какъ былъ убитъ его командиръ адмиралъ Витгефтъ и Д. Шумовъ принялъ командованіе на себя. Видя неизбежную гибель флота, Дмитрій Петровичъ смѣло прорвался сквозь строй непріятельскихъ военныхъ судовъ и увелъ „Цесаревича“, несмотря на то, что судно получило пробоину и вода заливала его.

Дмитрій Петровичъ такъ и остался командиромъ судна, и не разставался съ нимъ до окончанія войны. За подвиги свои Д. Шумовъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степени, золотымъ оружіемъ и орденомъ св. Станислава 2-й степени съ мечами и надписью, „За храбрость“.

Оставаясь на броненосцѣ и весь уйдя въ свои сложныя и многочисленныя обязанности, онъ все таки сильно гру-

стиль по родинѣ и въ письмахъ своихъ къ женѣ выражалъ горячее желаніе поскорѣ вернуться домой.

Увы! Онъ не зналъ, что ждетъ его на родинѣ! Онъ не зналъ, что родина, за то, что онъ отстаивалъ ея интересы на Дальнемъ Востока, ежечасно рискуя своей жизнью—приготовила ему награду, въ видѣ преждевременной смерти.

Въ оставленныхъ покойнымъ путевыхъ запискахъ сохранилось воспоминаніе о трогательномъ прощаніи его съ боевыми товарищами; когда онъ получилъ, наконецъ, возможность отправится домой.

28 августа 1905 г. Д. Шумовъ вернулся въ Петербургъ, къ горячо любимой женѣ и дѣтямъ. Но дома ему отдохнуть послѣ боевыхъ трудовъ не дали и вскорѣ же отправили его въ Германію для приѣмки броненосцевъ. Командировка эта длилась ровно 7 мѣсяцевъ.

Между тѣмъ настало тяжелое время нашей революціи и Д. Шумовъ, живя за границей, сердцемъ и душой былъ на родинѣ, и вмѣстѣ съ лучшими русскими людьми болѣлъ и скорбѣлъ за Россію. Второго іюня 1906 года Дмитрій Петровичъ снова вернулся въ Петербургъ и тотчасъ же былъ назначенъ временнымъ командиромъ 7-го флотскаго экипажа. Въ этой новой должности, онъ, конечно, проявилъ бы свои таланты и дѣятельность, точно также какъ и въ занимаемыхъ имъ раньше должностяхъ. Но этого сдѣлать ему не дали враги родины и поторопились прекратить жизнь нужнаго и выдающагося человѣка.

Въ ночь на 20 іюля онъ былъ убитъ мятежниками матросами, во время Кронштадтскаго бунта.

Наканунѣ этого дня онъ поѣхалъ въ Орапѣнбаумъ, навѣстить жену, которая была больна. Проведя въ семьѣ 2 часа, причемъ окружающіе замѣтили, что покойный былъ какъ то особенно нѣженъ, и съ женой, и съ дѣтьми, Дмитрій Петровичъ сталъ собираться обратно въ Кронштадтъ.

Жена, лежавшая въ сильномъ жару, стала просить его переночевать и ѣхать уже только утромъ.

— Не могу,— отвѣтилъ покойный,— въ Свеаборгѣ бунтъ, пожалуй надо будетъ послать команду. Время такое, что всѣ офицеры должны быть на мѣстахъ.

Послѣ этого онъ сталъ прощаться съ семьей, видимо торопясь уѣхать. Жена спросила еще: Когда пріѣдешь?

— Не знаю.

Да, онъ не зналъ этого, не зналъ, что жена и дѣти видятъ его живымъ въ послѣдній разъ!

19 іюля, на слѣдующій день, Дмитрій Петровичъ, по обыкновеніи весь день работалъ, вечеромъ былъ на переключкѣ экипажа, а затѣмъ отправился къ себѣ на квартиру и легъ спать.

Ночью его разбудилъ вѣстовой и доложилъ, что въ экипажѣ не спокойно.

Наскоро одѣвшись, Дмитрій Петровичъ бросился на улицу. Тамъ его поджидалъ разсылный, который пришелъ изъ экипажа съ вѣстью о безпорядкахъ среди матросовъ и заявилъ, что безъ него онъ не пойдетъ въ экипажъ, такъ какъ тамъ творится нѣчто ужасное.

Дмитрій Петровичъ хотѣлъ пройти въ экипажъ ближайшимъ путемъ, черезъ калитку сада, но не найдя ключа отъ калитки въ карманѣ, быстро пошелъ по улицѣ.

И вотъ, навстрѣчу ему двигается шумная, нестройная толпа мятежниковъ—матросовъ, которые шли къ назначенному ими сборному пункту.

Тотъ, кому не приходилось видѣть вблизи бунтующую толпу—понятія не имѣетъ о томъ, какое безмысленное, жестокое и стихійное зло представляетъ она. Это уже не разумныя существа, не славные русскіе люди; это какое то злое, отвратительное и многоголовое чудовище, которое стремится впередъ, опрокидывая и ломая все на своемъ пути. Совѣсть, разумокъ, сознаніе—спятъ. Чудовище идетъ, повинувшись чужой волѣ, чужому вліянію, давшему толчокъ, дѣйствуетъ точно въ гипнотическомъ снѣ.

Дмитрій Петровичъ, взглянувъ на лица матросовъ, хорошо знакомыя ему и совершенно неузнаваемыя въ настоящую минуту, вслушавшись въ ропотъ и крики, пронесившіеся надъ мятежной толпой—понялъ весь ужасъ надвигающагося бѣдствія и грозы.

И неудержимымъ движеніемъ молодой благородной души, онъ бросился на встрѣчу грозной стихіи, въ смутной надеждѣ удержать ее, загородить путь...

Громко, повелительно остановилъ онъ толпу мятежниковъ и обратился къ ихъ совѣсти, призывая вернуться назадъ, во имя долга и чести. Онъ говорилъ горячо, страстно, вкладывая всю свою душу въ каждое слово.

И отуманенное угаромъ буйства и разнузданности чудовище остановилось, прислушалось... увы! не надолго. Нѣсколько часовъ тому назадъ, матросы, слушая слова своего молодого командира, можетъ быть, еще нашли бы силы чтобы стряхнуть съ себя хмѣль, которымъ отравили его люди, внесшіе заразу революціи въ ихъ среду. Но теперь— все было кончено, здѣсь были уже не матросы, а толпа, чудовище.

Замѣтивъ на фуражкѣ разсыльнаго, пришедшаго съ Дмитріемъ Павловичемъ, чехоль, тогда какъ мятежники, по уговору, были безъ чехловъ, нѣкоторые изъ толпы закричали: долой чехоль!

Кто то ударилъ прикладомъ разсыльнаго по головѣ и сбиль съ него фуражку, Дмитрій Петровичъ бросился къ нему на помощь и крикнулъ толпѣ.

— Не смѣйте трогать моего разсыльнаго!

— Разсыльныхъ и вѣстовыхъ теперь уже нѣтъ!—отвѣтилъ ему дерзкій голосъ одного изъ мятежниковъ,—теперь всѣ равны!

Эти слова были точно искрой, упавшей въ кучу пороха. Послѣдніе, слабые проблески сознанія, вызванные словами молодого командира—угасли. Толпа матросовъ видѣла передъ собой уже не начальника, не человѣка, такъ еще недавно ею любимаго и уважаемаго, а только препятствіе, помѣху, ставшую на ея преступномъ пути.

Совершилось что то ужасное: толпа мятежниковъ бросилась къ командиру, окружила его... Болѣе десятка штыковъ вонзилось въ молодую грудь, мужественно выдержавшую натискъ враговъ родной земли, на Дальномъ Востокѣ, и Дмитрій

Петровичъ Шумовъ былъ поднятъ на штыкахъ на воздухъ. Затѣмъ его бросили на землю и—трехтысячная толпа прошла черезъ его тѣло, превративъ его во что то ужасное, въ чемъ почти не осталось и признака человѣка.

Онъ погибъ, но кратковременная задержка бунтующей толпы, купленная цѣною человѣческой жизни, все таки помѣшала, въ значительной мѣрѣ, преступнымъ замысламъ мятежниковъ. За это время успѣлъ подойти вѣрный и доблестный Енисейскій полкъ, который и разогналъ бунтарей.

Когда тѣло Д. Шумова, наконецъ, подняли и унесли на квартиру, то оказалось что убійцы, отнявшіе у него жизнь, украли все, что было на немъ: георгиевскій крестъ, серебряный портсигаръ, обручальное кольцо. Китель, буквально изрѣпеченный штыками и насквозь пропитанный кровью, они не взяли, а оставили на память молодой женѣ и тремъ малолѣтнимъ дѣтямъ.

Страшное наслѣдіе!

Впослѣдствіи врачи, осматривавшіе тѣло убитаго, заключили, что смерть послѣдовала мгновенно, т. к. сердце получило четыре глубокія, колотыя раны.

Смерть наступила мгновенно, это правда, но кто расскажетъ намъ о другихъ, предшествовавшихъ ей мгновеніяхъ, когда покойный видѣлъ эту смерть въ глазахъ подступавшихъ вплотную убійць, видѣлъ ее въ штыкахъ, направленныхъ на него, чувствовалъ ее, когда холодныя острія этихъ штыковъ проникли въ его грудь, спину и разрывали его сердце. Это были мгновенія короткія, но въ сознаніи умирающаго человѣка—кажуціяся долгими какъ вѣчность!

Не онъ, не самъ Дмитрій Петровичъ расскажетъ намъ о томъ, что пережилъ онъ въ эти послѣднія мгновенія, т. к. онъ ушелъ отъ насъ въ страну, изъ которой нѣтъ возврата. Пусть каждый изъ насъ поставитъ себя на его мѣсто и—содрогнется отъ ужаса и жалости.

Д. Шумова похоронили въ Ораніенбаумѣ, въ кладбищенской церкви св. Троицы. Передъ его могилой день и ночь теплится большая лампада, на которой скромная надпись: „Выпускъ 1883 г. Доблестному Дмитрію Петровичу Шумову, погибшему при исполненіи служебнаго долга“.

Пусть же трагическая смерть Дмитрія Петровича, высоко державшаго Андреевскій флагъ и защищавшаго честь своей родины, послужитъ примѣромъ самоотверженной службы молодымъ офицерамъ вновь нарождающагося русскаго флота.

Пусть послужатъ урокомъ и жизненнымъ девизомъ для многихъ другихъ слова покойнаго, сказанныя женѣ въ отвѣтъ на ея упрекъ, что онъ не щадитъ своей жизни, забывая ее и дѣтей:

— Прежде всего Россія и долгъ службы, а потомъ—семья,—сказалъ онъ.

Федоръ Алексѣевъ Ждановъ.

Младшій городовою Лодзинскою полиціи, убитъ въ городѣ Лодзи
13 декабря 1904 г.

Въ рядахъ жертвъ революціоннаго движенія не мало и простыхъ русскихъ людей, запечатлѣвшихъ своею мученическою кончиною вѣковую вѣрность русскаго народа своему Царю и Родинѣ.

13 Декабря 1904 года убитъ разрывною пулею младшій городовою Лодзинскою полиціи Федоръ Алексѣевичъ Ждановъ.

Разнородное и преимущественно фабричное населеніе гор. Лодзи, въ дни смутнаго времени, представляло особенно плодотворную почву для развитія мятежныхъ замысловъ революціонеровъ. А такъ какъ Лодзинскіе рабочіе— все больше поляки и евреи, ненавидящіе Россію и все русское, то революціонное движеніе въ Лодзи проявлялось съ особенной силой.

Вотъ почему въ началѣ 1904 г., когда открытыя выступления революціонеровъ въ другихъ мѣстахъ, носили лишь случайный характеръ, въ Лодзи они стали обычнымъ явленіемъ и къ концу года уже угрожали перейти въ вооруженное возстаніе. Почва была благоприятная, революціонеры надѣялись...

Но ихъ надежды на такое возстаніе не сбылись. Эти преступныя надежды разбились о вѣрность Царскихъ слугъ, какъ зыбія волны о гранить.

Однимъ изъ такихъ Царскихъ слугъ и истинныхъ сыновъ Россіи, былъ покойный Ждановъ, павшій жертвою служебнаго долга.

Уроженецъ Орловской губ., онъ окончилъ сельскую школу и впослѣдствіи отбывалъ воинскую повинность въ Александрійскомъ драгунскомъ полку.

Отбывъ срокъ военной службы, Ждановъ поступилъ въ земскую стражу гор. Калиша, гдѣ и служилъ 9 лѣтъ младшимъ и 5 лѣтъ старшимъ участковымъ сторожемъ. Прослуживъ безупречно 14 лѣтъ, Ждановъ задумалъ было оставить службу и переселиться въ Харьковъ, наступившая смута революціоннаго движенія, удержала его отъ такого рѣшенія и, какъ вѣрный слуга Царя и Родины, онъ не только остался на своемъ посту, но даже просился въ Лодзинскую полицію, нуждавшуюся въ то тяжелое время въ дѣятельныхъ и вѣрныхъ людяхъ.

Переведясь на службу въ г. Лодзь, онъ сначала, около 5 мѣсяцевъ, занимался въ полицейской канцеляріи по письменной части.

Когда же обнаглѣвшей крамола выползла изъ своего гнуснаго подполья на улицу, Жданова, какъ ревностнаго и безстрашнаго врага ея, стали назначать въ число объѣзчиковъ города.

Былъ день 13 декабря. Рано утромъ Ждановъ съ 3 казаками выѣхалъ въ объѣздъ своего участка.

Передъ уходомъ изъ дома, онъ по обыкновенію, простился съ дѣтьми и женой, и точно предчувствуя роковой конецъ, сказалъ имъ:

— Оставайтесь съ Богомъ!

Это были его послѣднія слова. Предчувствіе сбылось...

На этотъ день крамольниками была назначена уличная манифестація и уже съ утра дикой толпой, съ красными тряпками на шестахъ, они двинулись изъ предмѣстья въ городъ.

Ждановъ былъ на своемъ посту. Помня свой долгъ, онъ

преграждаетъ мятежникамъ путь и вырываетъ изъ рукъ у ихъ предводителя кровавый флагъ, призывающій къ мятежу и убійствамъ.

Раздается выстрѣлъ и вѣрный слуга Царя падаетъ, сраженный въ голову злодѣйскою пулею. Раненый потерялъ сознание почти моментально и черезъ нѣсколько часовъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ.

Но „освободителямъ“ этого было мало. Въ изступленіи дикой мести, они замыслили уничтожить и самый прахъ вѣрнаго слуги родины и рѣшили взорвать катафалкъ съ тѣломъ покойнаго. Только бдительностью властей, была предотвращенъ этотъ чудовищный по всей гнусности замыселъ поляковъ и жидовъ.

Послѣ безвременно погибшаго Жданова, (покойному было только 40 лѣтъ), остались дочь и два сына: одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ пріютъ Св. Вѣры при ст. Каминскъ.

Миръ праху твоему, честный и вѣрный сынъ родины, за Царя и Отечество животь свой положившій!

Петръ Васильевичъ Полковниковъ.

Генераль-маіоръ, начальникъ 9 пѣх. дивизіи. Убитъ въ Полтавѣ
4 ноября 1906 года.

4 ноября 1906 года смерть унесла великаго героя духа, Петра Васильевича Полковникова, начальника 9 пѣхотной дивизіи, сраженнаго пулей подлаго убійцы - революціонера, совершившаго свое гнусное дѣло изподтишка; онъ не посмѣлъ взглянуть въ честное, открытое лицо своей жертвы и выстрѣлилъ ему въ спину въ упоръ. Бросившійся на помощь своему обожаемому начальнику писарь 33 пѣхотнаго Елецкаго полка Петровъ, былъ также уложенъ на мѣстѣ злодѣемъ *).

*) Біографія Петрова будетъ помѣщена въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ «Книги Русской Скорби».

Боевой генераль всю свою службу прошедшій въ строю, сподвижникъ Скобелева, участникъ многихъ боевъ на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, Полковниковъ во всё тревожныя минуты жизни въ бояхъ и въ разгарѣ нашей россійской неурядицы, породившей даже военные мятежи въ дивизіи, начальникомъ которой онъ только что былъ назначенъ, успокаивалъ окружающихъ своимъ хладнокровіемъ и желѣзной волей, не зналъ страха и не хотѣлъ допустить никакой личной охраны, несмотря на то, что постоянно получалъ угрожающія письма и зналъ, что надъ нимъ произнесенъ смертный приговоръ.

Его не стало.

Въ его лицѣ русская армія потеряла выдающагося генерала: образованный, начитанный, онъ умѣлъ соединить гуманность со строгостью, рѣшительность съ безстрашіемъ, доходившую до безпечности, горячую любовь къ родинѣ съ сознаниемъ ея недостатковъ. Душою и тѣломъ преданный военному дѣлу, онъ не былъ узкимъ специалистомъ, живо интересовался общественными вопросами, чутко относился къ общественнымъ нуждамъ и всегда отзывался на нихъ.

Уроженецъ земли Войска Донского, Петръ Васильевичъ родился въ дворянской казачьей семьѣ 19 ноября 1850 г. и получилъ образованіе въ Михайловской Воронежской военной гимназіи и во 2-мъ военномъ Константиновскомъ училищѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1870 году въ 20 артиллерійскую бригаду. Начавъ свою боевую службу въ войнѣ 1877—78 гг. въ составѣ отряда, дѣйствовавшего противъ возмущившихся горцевъ Дагестана, П. В. уже въ слѣдующемъ году участвуетъ въ походахъ Скобелева въ Туркестанѣ, въ цѣломъ рядѣ боевъ и стычекъ съ текинцами, закончившихся въ 1881 году штурмомъ и взятіемъ Геокъ-Тепе. Призимаая дѣятельное личное участіе въ этихъ событіяхъ, Петръ Васильевичъ былъ отмѣченъ Скобелевымъ, оцѣнившимъ его беззаваѣтную храбрость и силу духа, которые помогли ему не въ одну критическую минуту, и которые спасли честь русскаго оружія въ первую неудачную текинскую экспедицію, когда стремительная контръ-атака текинцевъ заставила дрогнуть наши войска и внесла замѣша-

тельство, готовое перейти въ бѣгство. Присутствіе духа и безстрашіе Петра Васильевича, бросившагося съ револьверомъ въ рукахъ къ отступавшимъ, вдохновило разстроенные ряды и передъ непріателемъ снова выросла несокрушимая стѣна русскихъ богатырей. За это время онъ былъ награжденъ всѣми боевыми отличіями до св. Владиміра 4-й степени съ мечтами и бантомъ и св. Георгія включительно за штурмъ Геокъ-Тепе.

Дальнѣйшая служба Петра Васильевича протекала на Кавказѣ, гдѣ онъ командовалъ батареей, былъ почетнымъ мировымъ судьей Владикавказскаго округа, а въ 1893 году получилъ 79 пѣх. Куринскій полкъ. За семь лѣтъ командованія полкомъ онъ заслужилъ такую любовь солдатъ, что, по словамъ очевидца, куринцы, увидѣвъ его на одной изъ станцій желѣзной дороги въ Манчжуріи, когда онъ прибылъ на войну во главѣ „желѣзной бригады“, выскочили изъ вагоновъ и кинулись къ своему бывшему отцу-командиру и какъ родного обнимали, цѣловали. Для Петра Васильевича, по его словамъ, это были минуты высокаго счастья, высокой награды!

Прокомандовавъ менѣе года 3-й пѣхотной Сибирской бригадой, произведенный въ генераль-маіоры, Петръ Васильевичъ въ 1901 году былъ назначенъ командиромъ славной 4-й стрѣлковой бригады, „Желѣзной бригады“. Вотъ какъ характеризуетъ его четырехлѣтнее командованіе бригадой стрѣлокъ-артиллеристъ, скрывшійся подъ инициалами Вл. Т.: „Традиціи славныхъ стрѣлковъ сильны по воспоминаніямъ изъ войны 1877 года; но время безжалостно стираетъ былое и безъ подогрѣва быстро сводитъ его на нѣтъ. Генераль Полковниковъ, чувствуя благодарную почву, сильно работалъ надъ тѣмъ, чтобы оживить, развить и поддержать въ сознаніи части ея богатырскую мощь и вѣру въ свою непобѣдимость. „Желѣзная бригада пошла на Дальній Востокъ въ январѣ 1905 г., дѣйствительно могучей и сильной; она была сильна тою чистой и свѣтлой душою солдата, которая, не боясь смерти, окрыленная святымъ понятіемъ о долгѣ, была способна на великіе подвиги. Вся бригада всѣми фибрами души чувствовала и сознавала, что любимый ею

начальникъ ведетъ свою часть къ новымъ побѣдамъ, новымъ трофеямъ. Командный составъ бригады и 4-го стрѣльцоваго артиллерійскаго дивизиона, вліяніемъ Петра Васильевича Полковникова, были скованы въ единую родственную семью, способную къ дружному труду и самоотверженію. Я, артиллеристъ, прослужившій въ рядахъ русской арміи слишкомъ 38 лѣтъ, не видѣлъ такой крѣпкой нравственной спайки частей, какова была въ „Желѣзной бригадѣ“ и ея артиллеріи, благодаря энергичной и неустанной работѣ дорогого Петра Васильевича, клавшаго въ свои родныя части свѣтлую душу, ясно сознавая, что нравственный элементъ— великій факторъ побѣды. Такихъ блестящихъ результатовъ могъ достигнуть только честный, умный человекъ и дѣльный генералъ“.

Призывъ на войну былъ настоящимъ праздникомъ для бригады. Сколько души было вложено командиромъ въ сборы ея, онъ сваряжалъ ее какъ родного, любимаго сына. Онъ страдалъ, томился, будучи вынужденнымъ бездѣйствовать въ то время, какъ на поляхъ далекой Манчжуріи наши войска безуспѣшно боролись, проливали кровь за отечество и безропотно умирали. Но не пришлось Петру Васильевичу принять въ войнѣ то участіе, какого онъ желалъ, къ какому стремился. Поздно пришла желѣзная бригада на театръ военныхъ дѣйствій, армія наша уже отошла отъ Мукдена и началось томительное выжидательное положеніе, такъ не соответствовавшее духу Петра Васильевича, не удовлетворявшее его. Сознавая, какъ однообразная бездѣятельная жизнь угнетающе дѣйствуетъ на духъ солдатъ, онъ особое вниманіе удѣлилъ внутреннему быту дивизіи (3-й Восточно-Сибирской), начальникомъ которой онъ былъ назначенъ тотчасъ по прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій, стараясь ободрить, воодушевить своихъ подчиненныхъ и скрасить по возможности однообразіе и тяготу жизни солдатъ. „Какъ мало надо“, писалъ Петръ Васильевичъ въ письмѣ, въ которомъ описывалъ приготовленія и празднованіе Пасхи въ далекой Манчжуріи, какъ мало надо, „чтобы вызвать радостную улыбку на лицѣ солдатъ. Вижу это христосуясь съ ними, объѣзжая ихъ! Все дѣлаю, чтобы порадовать ихъ,

чтобы не такъ чувствовалась разлука съ дорогими ихъ сердцу, чтобы все напоминало имъ обычай дорогой, далекой Россіи“.

То же утѣшеніе, тотъ же источникъ бодрости находили въ немъ нижніе чины въ тяжелый для арміи періодъ забастовокъ, когда на далекой окраинѣ, отрѣзанные отъ всякаго сообщенія съ родиной, не имѣя долгое время никакихъ отътуда вѣстей, всѣ впадали въ уныніе, рвались домой и солдаты умоляли пустить ихъ пѣшкомъ итти въ Россію. Самъ нравственно истрадавшійся за дорогую ему родину, Петръ Васильевичъ всегда находилъ для каждаго слово утѣшенія, слово ласковое, душевное.

Когда по окончаніи войны возникли беспорядки, охватившіе все наше отечество, Петру Васильевичу было поручено возстановить порядокъ въ Забайкальѣ. „Призванный *) съ дивизіей въ январѣ 1906 года на усмиреніе въ Читѣ и назначенный на постъ генераль-губернатора, Петръ Васильевичъ поставилъ своей цѣлью защитить, обезпечить право мирныхъ жителей спокойно жить, работать, провести выборы въ Государственную Думу. Быстро водворивъ порядокъ, отобравъ все оружіе, приготовленное къ вооруженному возстанію, онъ былъ счастливъ, дѣйствительно счастливъ, что ему не пришлось прибѣгать къ оружію, какъ онъ не прибѣгалъ и раньше нѣсколько лѣтъ тому назадъ при столкновеніи имеретинъ съ евреями въ Кутаисѣ и при забастовкѣ кондукторовъ въ Одессѣ.

За его дѣятельность въ Читѣ, революціонеры, проигравъ свое дѣло, въ бессильной злобѣ, прибѣгая къ одному изъ своихъ обычныхъ безнравственныхъ средствъ борьбы, выливали на него потоки лжи, брани, клеветы!

Напрасно! Имъ не удастся запятнать этотъ свѣтлый образъ. Офицеръ русской арміи не палачъ, не убійца, какъ обыкновенно называютъ офицеровъ революціонеры, сами наложившіе на себя несмыслаемую печать Каина! Рус-

*) Рѣчь предсѣдателя Одесскаго союза русскихъ людей Н. Н. Родзевича въ общемъ собраніи союза 4 ноября 1907 года, въ годовщину смерти П. В. Полковникова.

скій офицеръ неспособенъ на подлое убійство изъ-за угла, неспособенъ на предательское выслѣживаніе, какъ звѣря, безоружной жертвы, на измѣнническое лобзаніе Іуды—все это достойніе борьбы революціонеровъ! Офицеръ идетъ открыто и къ оружію прибѣгаетъ только въ томъ крайнемъ случаѣ, когда пассивность войскъ, оставляя на произволъ жизнь и безопасность жителей, какъ бы приобщаетъ войска къ бунтующимъ!

Такъ было въ Полтавѣ, при такъ называемомъ бунтѣ Сѣвцевъ, когда мирнымъ жителямъ угрожала не „мирно настроенная въ сущности толпа“, какъ безцеремонно гнали газеты, а толпа вооруженная съ частью измѣннившихъ солдатъ! Петру Васильевичу пришлось прибѣгнуть къ оружію, рѣшиться на это тяжелое средство; но прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, онъ не побоялся безоружнымъ, безъ охраны, лично появиться среди стрѣлявшихъ, кричавшихъ бунтовщиковъ, ни на минуту не останавливаясь передъ опасностью быть убитымъ—онъ исполнялъ свой долгъ.

„Каждый долженъ“, пишетъ онъ въ своихъ замѣткахъ, „сознавать ту отвѣтственность передъ Престоломъ и Отечествомъ, которую онъ несетъ, и, забывая о ежеминутныхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергается, съ честью исполнять свой долгъ“! Эти слова для Петра Васильевича не были только словами, красивой фразой. Они были сущностью его души, его отношенія къ дѣлу, его глубокимъ убѣжденіемъ и требованіемъ къ его подчиненнымъ.

Новыя явленія, не имѣвшія мѣста въ прежней долгодлѣтней службѣ Петра Васильевича—бунты солдатъ въ первые два мѣсяца его командованія 9-й дивизіей, принесли ему много тяжелыхъ минутъ. Но это не поколебало его вѣры въ солдата и въ свои силы. Онъ былъ увѣренъ, что дружной, настойчивой работой съ помощниками-офицерами надъ воспитаніемъ солдатъ онъ неминуемо добьется имѣть въ своей части только солдатъ, не марающихъ высокаго званія русскаго воина.

Всею душою преданный своей родинѣ, горячій патриотъ, Петръ Васильевичъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ учредителей Отдѣла Русскаго Собранія въ Одессѣ. Мысль

объ учрежденіи въ этомъ космополитическомъ городѣ русскаго монархическаго общества искренно увлекала его, онъ принималъ живѣйшее участіе въ осуществленіи ея и предоставилъ для первыхъ засѣданій отдѣла помѣщеніе офицерскаго собранія 16-го стрѣлковаго полка. Но ему не пришлось видѣть официальнаго открытія отдѣла, послѣдовавшаго 26 февраля 1905 года, когда онъ былъ въ далекой Манчжуріи.

Честно послужилъ Петръ Васильевичъ родной странѣ, не поступался онъ своими убѣжденіями ни въ какихъ условіяхъ, всею жизнью своею оправдалъ онъ девизъ, записанный имъ собственноручно въ записной книжкѣ:

„Для честнаго дѣла отдавши всѣ силы,
Безстрашно и смѣло иди до могилы“!

и тамъ же двустишіе:

„Нѣтъ въ жизни жертвы больше той,
Чѣмъ смерть пріять за край родной“.

Онъ эту жертву принесъ, онъ принялъ смерть за честное служеніе родинѣ, которой беззавѣтно посвятилъ всѣ свои силы.

Погребень онъ въ Ромнахъ.

Въ память его установлены витрины въ музеѣ Воронежскаго корпуса, гдѣ хранится скрутокъ, въ которомъ онъ былъ убитъ, Георгіевскій крестъ и помѣщенъ его портретъ, а въ Константиновскомъ училищѣ, гдѣ собраны всѣ приказы о немъ, портретъ, мундиръ, ордена и шпага; въ церкви училища—серебряный вѣнокъ отъ „Желѣзной бригады“.

Онуфрій Ивановичъ Казачковскій.

Городовой Винницкой полицейской команды, убитъ 16 іюля 1908 г.

Онуфрій Ивановичъ Казачковскій принадлежалъ къ числу тѣхъ безвѣстныхъ героевъ, которые, свято сохраняя свой долгъ, мужественно погибали на своемъ посту, и о кончинѣ которыхъ извѣщала коротенькая телеграмма въ газетахъ: „неизвѣстными злоумышленниками убитъ городской такой-то“.

Въ то время, какъ всякій бомбистъ, революціонеръ, еврейской прессой возводятся въ народные герои и объ ихъ преступленіяхъ воспѣваются хвалебные гимны на страницахъ

такихъ журналовъ, какъ „Былое“, лица подобныя Казачковскому, сходятъ въ могилу неизвѣстными, позабытыми, непризнанными...

Сынъ псаломщика, Онуфрій Ивановичъ Казачковскій родился 12 июня 1876 года. Дѣтство онъ провелъ у своего отца въ селѣ Кордылевкѣ, Винницкаго уѣзда. Въ ноябрѣ 1897 былъ принятъ на службу по набору и зачисленъ въ 36-й орловскій пѣхотный полкъ.

Когда начались въ Китаѣ „боксерскіе безпорядки“, онъ вызвался охотникомъ и былъ переведенъ въ сформированную тогда 24-й восточно-сибирскій полкъ, съ которымъ и ушелъ въ походъ въ 1900 г.

Выйдя въ запасъ въ томъ же году, онъ остался въ Хабаровскѣ, гдѣ поступилъ въ полицейскую команду.

Въ японскую войну Казачковскій снова поступаетъ охотникомъ въ дѣйствующіе отряды и несетъ всѣ тяготы походовъ и боевыхъ опасностей до „февральскихъ боевъ“ 1905 г.

Будучи раненъ, онъ возвращается на родину, гдѣ въ 1906 году поступаетъ въ полицейскую команду.

Понятія о долгѣ и обязанностяхъ у него прямо рыцарскія, и на войнѣ, и на родинѣ онъ не измѣняетъ имъ. Казачковскій беретъ на себя во время службы самыя трудныя порученія: въ обыскахъ онъ впереди, въ задержаніи преступниковъ выказываетъ примѣръ неустрашимости и отваги. Какъ на особенно трудное порученіе, можно указать на задержаніе имъ бомбиста Аполлинарія Харжевскаго въ 1906.

Само собой разумѣется, такая самоотверженность, такое рвеніе и удачѣ — не остались незамѣченными въ революціонныхъ кругахъ.

16 іюля 1908 года Казачковскаго находятъ мертвымъ на посту.

Освидѣтельствованіе трупа показало, что убійцы долго издѣвались и глумились надъ нимъ: въ груди и на головѣ оказалось свыше 13 ранъ. Шестъ изъ нихъ — колотыхъ, нанесенныхъ, повидимому, кияжаломъ, а остальные какимъ-то тупымъ орудіемъ. Кромѣ того, на лицѣ и рукахъ убитаго оказалось множество ссадинъ и кровоподтековъ, указывав-

шихъ на продолжительную, упорную борьбу съ разбойниками.

Такъ отомстили Казачковскому революціонеры.

Японскія и китайскія пули пощадили его, опасности, которымъ онъ подвергался, не сломили его. Георгіевскому кавалеру, храброму солдату, ему суждено было погибнуть отъ руки своихъ же „безумствующихъ братьевъ“.

Пусть спитъ „вѣчнымъ сномъ“ Казачковскій... Никто его теперь не беспокоитъ, не надругается надъ нимъ...

А воспоминаніе о немъ, добрую память русскій народъ сохранить навсегда, ибо обязанность всѣхъ народовъ — не забывать своихъ героев...

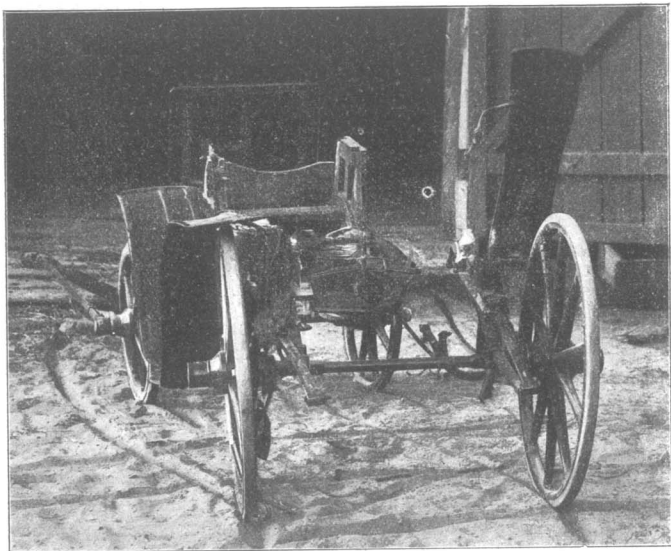
Иванъ Львовичъ Блокъ

Самарскій Губернаторъ,
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
† 21 Іюля 1906 г.

Это было въ періодъ выборгскаго воззванія, свеаборгскаго и кронштадтскаго бунтовъ, горѣвшихъ усадебъ, забастовокъ и аграрныхъ движеній, въ тотъ позорный періодъ революціи и анархіи, когда всѣ темныя силы Россіи поднялись со „дна“ и грозили погубить Имперію...

21 Іюля 1906 года въ 7 часовъ вечера Самарскій Губернаторъ, дѣйств. ст. сов. Иванъ Львовичъ Блокъ, возвращался домой послѣ трудового дня. Онъ ѣхалъ тихо въ собственномъ экипажѣ, когда на поворотѣ двухъ улицъ къ нему подошелъ какой-то молодой человекъ и, со словами: „будетъ ужъ вамъ кататься-то“, бросилъ бомбу подъ экипажъ. Раздался взрывъ. Лошадь съ остатками разбитыхъ дрожжекъ понесла, волоча по улицѣ запутавшагося въ возжахъ кучера, а на мѣстѣ взрыва остались безформенные останки Губернатора. Отъ головы уцѣлѣла только нижняя

челюсть и часть затылка, кроваво-черная масса зіяла изъ воротника застегнутаго пальто, правая рука и ступни ногъ были оторваны, на стѣнѣ угловаго дома и на окнѣ въ подвальномъ этажѣ лѣпились куски мозга... Ужасная, неподдающаяся описанію картина мученической кончины И. Л. Блока.

Коляска Блока.

Молодой изувѣръ, бросившій бомбу, пытался скрыться, но былъ задержанъ. Онъ оказался 19-лѣтнимъ юношей, Фроловымъ, столяромъ по профессіи, недавно прибывшимъ въ Самару.

Объяснить побужденія, какія руководили имъ при совершеніи убійства онъ отказался.

Личной злобы или мести у него не было; тѣмъ не менѣе злодѣй убилъ Губернатора.

На слѣдующій день въ мѣстной распространенной газетѣ „Голосъ Самары“ было напечатано слѣдующее:

„Четыре мѣсяца тому назадъ прибылъ въ Самару Иванъ Львовичъ Флокъ, переведенный къ намъ губернаторомъ изъ Гродны, гдѣ покойный оставилъ по себѣ добрую память...

Выдержанный, спокойный, всегда со всеми равный въ обращеніи, доступный и любезный И. Л. произвелъ на Самару прекрасное впечатлѣніе. Огромный служебный опытъ, блестящія способности и удивительная усидчивость въ работѣ дали ему возможность быстро ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ губерніи и стать дѣйствительнымъ руководителемъ всѣхъ сложныхъ, разнообразныхъ губернскихъ учреждений, комитетовъ, комиссій и совѣщаній.

Отзывчивый и добрѣйшей души человекъ, покойный Иванъ Львовичъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ и безстрашнымъ губернаторомъ, пренебрегавшимъ всякой опасностью.

Примѣры изъ его кратковременной дѣятельности по должности самарскаго губернатора, которые были у всѣхъ на глазахъ, рисуютъ намъ Ивана Львовича какъ энергичнаго и настойчиваго администратора въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

И вотъ его не стало... Онъ погибъ, погибъ безвременно... Усталый, послѣ утомительнаго засѣданія онъ возвращался погруженный въ думы, предвкушая заслуженный имъ отдыхъ... и нашель вѣчное успокоеніе тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали.

Миръ праху твоему, труженикъ и герой...

А тотъ злодѣй, юный убійца, у котораго не дрогнула рука, несмотря на молодость лѣтъ, сознаетъ ли онъ ужасъ этого звѣрскаго убійства? Сознаетъ ли онъ всю ту бездну отчаянія, въ которую ввергло осиротѣвшую семью его бессмысленное преступленіе?

Какіе мотивы, какой процессъ мышленія привелъ безумца къ этой дикой расправѣ, при видѣ которой у всякаго нормальнаго человекъ стынеть въ жилахъ кровь...

Неужели у него не дрогнуло сердце? Или можетъ быть оно настолько огрубѣло, несмотря на юность, что это сердце не человекъ, а звѣря...

Вся Самара знала покойнаго Ивана Львовича Блока и у всѣхъ на устахъ одинъ и тотъ же вопросъ, одно недоумѣніе:

„За что“?..

Этотъ вопросъ „За что“ ставшій неразрѣшимой загадкой передъ жителями Самары, знавшими своего Губернатора лишь въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, еще рѣзче станетъ передъ тѣми, кто познакомится сколько нибудь со всею предшествующею жизнью, служебною дѣятельностью и душевнымъ міромъ этого человѣка.

Вотъ краткій его біографія.

Иванъ Львовичъ Блокъ родился въ 1858 году. И отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ его занимали придворныя должности. Такимъ образомъ въ крови у него была заложена преданность Престолу, долгу и родинѣ. Воспитывался онъ съ приготовительнаго класса въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, которое окончилъ въ 1880 году.

Будучи въ послѣднемъ классѣ училища, онъ заболѣлъ тяжелой формой дифтерита и эта болѣзнь сказалась послѣдствіями на всю его жизнь, опредѣливъ ея направленіе. Острый параличъ конечностей, вызванный болѣзнью, трудно поддавался леченію; пришлось прервать занятія и уѣхать на продолжительный отдыхъ въ деревню. Иванъ Львовичъ 20 лѣтнимъ юношей переѣхалъ въ свое родовое имѣніе Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи, и тамъ въ полномъ одиночествѣ, въ глуши, въ 80-ти верстахъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи, прожилъ безвыѣздно около 8 мѣсяцевъ. Онъ увидѣлъ вблизи крестьянскую жизнь, ея нужды, ея безпомощность и ему захотѣлось работать въ этой средѣ, приносить пользу народу русскому скромнымъ, незамѣтнымъ, но плодотворнымъ трудомъ, вдали отъ столичныхъ бюрократическихъ канцелярій.

Когда на слѣдующій годъ онъ окончилъ курсъ и былъ опредѣленъ кандидатомъ на судебныя должности при Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, онъ просилъ откомандировать его для занятій при участковомъ слѣдователѣ Гдовскаго уѣзда и былъ туда назначенъ. Затѣмъ онъ въ 1881 году былъ переведенъ слѣдователемъ въ Олонецкую губернію и работалъ тамъ въ отдаленныхъ и глухихъ уѣздахъ Повѣ-

нецкомъ и Вытегорскомъ, но черезъ два года его опять потянуло въ родной уѣздъ и въ 1883 г. онъ туда переѣзжаетъ Мировымъ Судьей по выборамъ и служить тамъ въ теченіи 12 лѣтъ, изъ которыхъ послѣдніе четыре года Земскимъ Начальникомъ.

Это былъ самый трудный періодъ его жизни. Какъ добросовѣстный работникъ онъ не видѣлъ отдыха. Все время проводилъ въ разъѣздахъ. Онъ не только зналъ всѣ волости ему подвѣдомственныя, не только должностныхъ лицъ, но каждую крестьянскую семью въ своемъ участкѣ. Многотрудныя обязанности Земскаго Начальника, обще-крестьянскаго опекуна по мысли закона, для него не были неосуществимыми требованія закона, какъ для многихъ другихъ, а живымъ дѣломъ, въ которое онъ вкладывалъ всю свою душу, не щадя себя. Гдовскіе крестьяне до сихъ поръ, а особенно послѣ его трагической кончины, не могутъ вспомнить о немъ безъ чувства умиленной благодарности за заботы о нихъ, пониманіе ихъ нуждъ и справедливость.

Необходимо сказать, что наряду съ этой тяжелой служебной работой, собственная личная жизнь проходила тоже не легко. Семья увеличивалась, а между тѣмъ имѣніе было хотя значительное по пространству, но очень мало доходное, пришлось перебиваться съ большими матеріальными затрудненіями. Когда наступила для дѣтей пора школьнаго возраста, Иванъ Львовичъ сталъ хлопотать о назначеніи куда нибудь въ городъ и въ 1895 году ему удалось получить мѣсто Предсѣдателя Уѣзднаго Съѣзда въ Екатеринбургѣ, Пермской губерніи. Онъ продалъ свое имѣніе и переѣхалъ туда, въ новую, чуждую мѣстность въ кругъ совершенно незнакомыхъ лицъ, безъ связей, безъ протекціи, безъ личныхъ средствъ, на мѣсто, которое до него занималъ князь Гагаринъ, бывший лейбъ-гусаръ, обладавшій большимъ, а для провинціи огромнымъ, состояніемъ.

Взамѣнъ всего этого Иванъ Львовичъ привезъ въ Екатеринбургъ свой богатый служебный опытъ по крестьянскимъ дѣламъ, свою неутомимость въ работѣ, свою прямооту и искренность въ отношеніяхъ, свою твердость въ убѣжденіяхъ и скромную мягкость въ обращеніи съ людьми, какъ выше, такъ и ниже его стоящими.

Результатомъ было то, что въ самомъ скоромъ времени этотъ новый человекъ сдѣлался любимцемъ всей губерніи и что, будучи предсѣдателемъ сѣзда одного изъ уѣздовъ, онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ (съ 1897 по 1902 г.) назначался ежегодно по Высочайшему повелѣнію Предсѣдателемъ Губернскихъ Земскихъ Собраній, какъ очередныхъ, такъ и чрезвычайныхъ. Въ Пермской губерніи это постъ весьма серьезный, требующій большого знакомства съ дѣломъ, работоспособности и такта, въ виду постоянной коллизіи частновладѣльческихъ интересовъ съ интересами государственнаго хозяйства при обилии въ этой мѣстности казенныхъ земель и разныхъ горныхъ предпріятій, которыя всѣ имѣютъ своихъ представителей въ земскомъ собраніи. Тутъ Ивану Львовичу приходилось, какъ предсѣдателю, при соблюденіи полной объективности и безпристрастія, напрягать все свое вниманіе и прилагать всю полную свою освѣдомленности, чтобы не допустить нарушенія дорогихъ его сердцу интересовъ беззащитнаго крестьянскаго населенія. Послѣ 2-хъ недѣль такихъ засѣданій онъ уѣзжалъ къ себѣ въ Екатеринбургъ разбитый, усталый, но гордый сознаніемъ исполненнаго долга и оправданнаго Монаршаго довѣрія.

Въ 1902 г. Иванъ Львовичъ Блокъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Уфу, гдѣ Губернаторомъ былъ тогда Н. М. Богдановичъ, съ которымъ онъ съ первыхъ же дней сблизился и совмѣстная, дружеская работа ихъ была праздникомъ труда для обоихъ. Иванъ Львовичъ всегда вспоминалъ впослѣдствіи объ этомъ годѣ, какъ о самомъ счастливомъ въ своей жизни. Но Богдановича убили во время прогулки по городскому бульвару, имъ для Уфы разведанному...

Иванъ Львовичъ, съ назначеніемъ новаго губернатора, просилъ о переводѣ, и былъ переведенъ на ту-же должность въ Кишиневъ, къ губернатору кн. Урусову, гдѣ пробылъ до 1905 года, когда былъ назначенъ Губернаторомъ въ Гродно, а оттуда черезъ годъ въ Самару.

И Вице-губернаторомъ и Губернаторомъ Иванъ Львовичъ Блокъ работалъ буквально съ утра до глубокой ночи. Семья

его почти не видѣла. Онъ входилъ лично рѣшительно во все, что составляло кругъ его обязанностей, а этотъ кругъ былъ и великъ и многообразенъ.

Въ каждой мѣстности, а особенно на окраинахъ Россіи, свои интересы и свои особенности, къ которымъ надо при-мѣниться, изучивъ ихъ, потому что они кладутъ неизбѣжно свой отпечатокъ на характеръ и приемы административной дѣятельности мѣстнаго представителя власти. Въ Бессарабіи—еврейскій вопросъ, въ Гродно—польскій, въ приволжской Самарѣ того времени—вопросъ аграрный въ остромъ періодѣ его развитія. Можно себѣ представить, какъ работалъ этотъ добросовѣстный человекъ, для котораго служебный долгъ былъ прежде всего и выше всего, котораго совѣсть не знала покоя, пока всѣ просьбы къ нему направленныя не были справедливо удовлетворены и всѣ съ довѣріемъ обращенныя къ нему надежды и ожиданія оправданы.

Разсказываютъ, что дня за три до кончины Ивана Львовича мѣстный полиціймейстеръ доложилъ ему, что ночью въ степи, за Волгой, былъ слышенъ взрывъ какъ бы отъ разорвавшагося снаряда. Губернаторъ отвѣтилъ: „А, значить это проба, теперь надо ждать покушенія!“ и однако ни въ чемъ не измѣнилъ ни своего распредѣленія времени, ни своего маршрута.

Черезъ три дня его ожидало не покушеніе—а смерть.

На первой страницѣ Самарскихъ газетъ отъ 22 Іюля 1906 г. рядомъ съ объявленіемъ въ траурной рамкѣ о трагической кончинѣ Губернатора Ивана Львовича Блока, самарскіе жители читали другое объявленіе, еще при жизни подписанное тѣмъ же губернаторомъ. Оно въ горячихъ выраженіяхъ призывало населеніе оказать немедленную и дружную помощь нуждающимся погорѣльцамъ выгорѣвшей до тла Бугульмы и Сызрани.

Одно объявленіе говорить, какова была жизнь, другое, какова была смерть.

По странной ироніи судьбы, человекъ, который съ раннихъ, юношескихъ лѣтъ мечталъ о пользѣ меньшей брѣги, крестьянскаго населенія, который на служеніе этой цѣли отдалъ всю свою жизнь и всѣ свои силы, который наканунѣ

призывалъ на братскую помощь бѣдствующему народу— былъ, какъ бы въ увѣнчаніе своей дѣятельности, мстительно убитъ выходцемъ изъ этого народа, выродкомъ государства.

Иванъ Львовичъ палъ отъ руки презрѣннаго убійцы— революціонера, палъ, растерзанный на куски, палъ на своемъ посту служенія Церкви, Царю и Отечеству!..

Да упокоить Господь Вседержитель душу его въ Селеніяхъ праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная!

Блокъ въ гробу.

Михаилъ Викторovichъ Тимофеевъ.

Служитель Императорскаго казанскаго университета, убитъ 20 декабря 1906 года.

Въ нашемъ распоряженіи находятся довольно подробныя біографическія свѣдѣнія объ убитомъ революціонерами въ Казани во время экспроприаціи Михаилъ Тимофеевъ, которыя говорятъ намъ, что родился этотъ одинъ изъ многихъ въ 1846 году, женатъ въ 1865 году на односельчанкѣ-крестьянкѣ деревни Сергіевской Алексѣевской волости, Лаишевскаго уѣзда, Казанской губерніи — Θεодосіи Егоровой, имѣеть двухъ дочерей, изъ которыхъ одна — дѣвица, другая — замужемъ, и 2 сыновей Бориса 23 лѣтъ, и Ивана 20 лѣтъ. На военную службу Михаилъ Тимофеевъ былъ принятъ по набору въ 1866 году и служилъ, какъ одинъ изъ лучшихъ, въ Петербургѣ, въ артиллеріи, чѣмъ очень гордился впоследствии, во время всей своей трудовой жизни...

Въ 1873 г. Тимофеевъ выходитъ въ безсрочный отпускъ, но уже въ 1877 году мы видимъ его призваннымъ изъ запаса на дѣйствительную службу: въ рядахъ славной русской арміи, подъ знаменами той же родной ему духомъ воинской части, въ которой онъ раньше служилъ, Тимофеевъ совершилъ походъ за Дунай и за Балканы. Славно служа своему знамени, онъ получилъ награду—звание бомбардира, а боевой духъ его сохранился въ немъ до конца дней—нагляднымъ выраженіемъ чего служить его смерть...

Уволенъ отъ службы Тимофеевъ былъ въ 1880 году, причемъ получилъ медаль въ память турецкой войны.

Воспоминанія о Царской службѣ услаждали его досуги и украшали его сѣрую жизнь... Тихо, скромно зажилъ съ семьей отставной бомбардиръ, одно время служилъ по вольному найму въ кучерахъ, но служба эта видимо была не по сердцу его солдатской душѣ.

Въ 1866 году мы видимъ его служителемъ при архивѣ Императорскаго университета въ Казани. Здѣсь онъ продолжаетъ нести государственную службу такъ же безпорочно, какъ прежде... Состарился отставной бомбардиръ Михаилъ Тимофеевъ, но по всему видно, что въ душѣ остался онъ какъ былъ—воиномъ... Онъ это и доказалъ въ роковой день 20 декабря 1906 года... Бушевавшее въ 1905 году кровавое и разнузданное освободительное движеніе въ 1906 г. сбросило съ себя всякій идейный покровъ, и его руководители, сидя въ подпольѣ, посылали своихъ слѣпыхъ безумныхъ учениковъ грабить, жечь, убивать, причемъ увѣряли ихъ, что грабежъ съ убійствомъ — есть подвигъ, такъ какъ онъ служить цѣлямъ и задачамъ революціи... Экспроприаціи разцвѣли въ этотъ годъ особенно пышнымъ цвѣтомъ на истощенной землѣ русской... Неоднократно случались онѣ и въ Казани, что заставляло всѣхъ вѣрныхъ православныхъ людей города быть постоянно на сторожѣ... Условія казанской жизни какъ бы сами способствовали особенному размноженію тамъ породы экспроприаторовъ. Приволжскій городъ, пристани котораго привлекаютъ ежегодно, особенно лѣтомъ, массу пришедшаго люда ищущаго заработка, съ довольно

крупными фабриками и заводами, наконецъ, обладающій университетомъ, который зарекомендовалъ себя съ особенно печальной стороны въ пережитые годы... Всѣхъ этихъ данныхъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы кадры экспроприаторовъ, особенно зимой, когда спросъ на рабочихъ сильно сокращается, а студенты и прочая неучащаяся молодежь приливаютъ въ городъ, были переполнены... День 20 декабря — день полученія жалованья всѣми служащими въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, увеличеннаго кромѣ того наградными къ предстоящему празднику Рождества Христова — освободители рѣшили ознаменовать грандіозной экспроприаціей...

Несомнѣнно, что сами студенты указали на университетъ, бывшій подъ крыломъ автономіи, внѣ зоркаго полицейскаго глаза, какъ на прекрасную арену выступленія... Грабителямъ была обезпечена полная безопасность — они ускользнули бы навѣрняка... Университетскій казначей въ этотъ день производилъ выдачу жалованья въ университетскомъ архивѣ, гдѣ служителемъ состоялъ покойный Тимофеевъ... Грабители, прекрасно освѣдомленные своими соучастниками о расположеніи комнатъ, или даже проведенные самими студентами, ворвались въ комнату съ браунингами и обыкновеннымъ требованіемъ поднять руки вверхъ, сопровождаемымъ угрозами...

Но казначей, мѣстный монархистъ, предсѣдатель русскаго собранія—открылъ по нимъ стрѣльбу, пока не упалъ тяжело раненый около сундука съ казенными деньгами, а грабители, видя поднятую тревогу, позорно бѣжали... На выстрѣлы — навстрѣчу злоумышленникамъ бѣжалъ служитель архива Михаилъ Тимофеевъ... Видя, что покушеніе не удалось, онъ однако, съ голыми руками бросился прямо на нихъ съ цѣлью задержать... Но силы были неравныя — и доблестный воинъ Михаилъ, котораго не сразили турецкія пули, былъ смертельно раненъ спереди въ животъ двумя пулями, выпущенными въ упоръ...

Необходимо отмѣтить, что всѣ преступники—инородче-

скаго типа. Надо ли упоминать, что они благополучно скрылись? А Михаилъ Тимофеевъ скончался отъ ранъ 24 декабря въ сочельникъ Рождества Христова... Сынъ его Иванъ служить теперь на мѣстѣ отца... Такова въ общихъ чертахъ жизнь этого простого русскаго человѣка, который и умеръ по-русски...

Аркадій Николаевич Петровъ.

Надворный Совѣтникъ, лѣсничій Хмѣльническаго лѣсничества, Гѣлецкой губерніи, родился 22 декабря 1865 года, убитъ въ ночь на 27 августа 1906 года.

Аркадій Николаевичъ Петровъ сынъ діакона. Среднее образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ (бывшей военной гимназіи), а высшее въ С.-Петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ, курсъ наукъ котораго кончилъ въ 1889 году.

На службу поступилъ въ 1890 году помощникомъ лѣсничаго Люблинскаго лѣсничества; въ 1892 году назначенъ лѣсничимъ Ново - Александрійскаго лѣсничества, а въ 1899 году переведенъ въ той же должности въ Хмѣльническое лѣсничество.

Убить онъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: около 2-хъ часовъ ночи шайка злоумышленниковъ въ 10—12 человекъ явилась на лѣсослужебную усадьбу лѣсничаго „Вымысловъ“ при посадѣ Пержхница, Стопницкаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи. Подойдя къ окну канцеляріи лѣсничества, злоумышленники разбудили стукомъ въ окно дежурнаго лѣсника и потребовали впустить ихъ въ домъ. Получивъ отказъ, злоумышленники разбили окно канцеляріи. На шумъ вышелъ въ канцелярію полуодѣтый А. Н. Петровъ со свѣчей въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой. Между тѣмъ ночные посѣтители перешли уже отъ оконъ канцеляріи къ окнамъ кухни, гдѣ тоже требовали отъ прислуги впустить ихъ въ домъ, а послѣ отказа разбили и здѣсь окна. Явившійся на кухню А. Н. спросилъ разбойниковъ, „что имъ нужно?!“

— Казенныя деньги—послѣдовалъ отвѣтъ. Лѣсничій заявилъ, что казенныхъ денегъ у него нѣтъ.

— Мы не вѣримъ вамъ и хотимъ сами обрѣзывать вашу кассу,—сказалъ одинъ изъ злоумышленниковъ.

— Я не позволю вамъ этого сдѣлать—возразилъ Петровъ.

— Что же вы будете дѣлать, если мы войдемъ насильно?—спросилъ начальникъ шайки.

— Я буду стрѣлять—холодно и спокойно отвѣчалъ Аркадій Николаевичъ.

Начальникъ шайки съ браунингомъ въ рукѣ сдѣлалъ попытку ворваться въ домъ. Петровъ выстрѣлилъ и въ отвѣтъ ему грянулъ залпъ изъ револьверовъ. Сраженный тремя пулями Петровъ свалился на полъ.

Послѣ покойнаго остались *больная жена съ пятью малолѣтними дѣтьми.*

Издебскій, Владиміръ Вильгельмовичъ и Пустовойтовъ, Тимофей Абрамовичъ.

Околоточные надзиратели Тифлисской городской полиціи. Пали жертвой долга 7 марта 1908 г.

При жизни ихъ—уроженцевъ разныхъ мѣстностей Россіи—случайно соединила служба, и эта-же служба соединила ихъ смертью...

Обоимъ пришлось служить въ Тифлисъ въ самый разгаръ вооруженнаго возстанія, которое на глазахъ у растерявшейся позорно главной власти, разрослось въ ужасную кровавую эпопею, по окончаніи которой дружина революціи занялась истребленіемъ полиціи. Надо было много мужества, чтобы оставаться на службѣ полиціи—рискуя каждый день жизнью. И, не смотря на это, продолжали нести свои обязанности скромные, вѣрные присягѣ слуги Родины.

Т. А. Пустовойтовъ служилъ въ нѣсколькихъ участкахъ Тифлиса и отличался усердіемъ, исполнительностью и смѣлостью. Невольно вспоминается слѣдующая картина—городъ отданъ во власть революціонеровъ, которыхъ намѣстникъ по совѣту Петерсона и Джунковскаго вооружилъ казенными берданками. Ночная мгла смѣнила боевой день. Вдали на Ботанической и Арсенальной горахъ вспыхиваютъ линіи залповъ, которыми армяне разстрѣливаютъ татаръ, надъ домами поднимается красное зарево костровъ, около которыхъ грѣются революціонные дружинники. Всюду по улицамъ стоятъ группы революціонеровъ—масса въ шинеляхъ кавказской гренадерской дивизіи. По плану на дняхъ они должны вступить въ Тифлисъ подъ видомъ гренадеръ для низложенія намѣстника и объявленія учредительнаго собранія... То тамъ, то сямъ раздаются одиночныя выстрѣлы.

И вотъ съ патрулемъ изъ двухъ-трехъ городскихъ идетъ околоточный надзиратель Пустовойтовъ. Смерть грозитъ на каждомъ шагу, но презирая ее цѣлую ночь обходитъ свой околотокъ храбрець, готовый броситься на нарушителя спокойствія. И такъ изо дня въ день.

...Послѣ многихъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ на службѣ, получаетъ околоточный надзиратель Издебскій возможность отдохнуть нѣсколько часовъ и идетъ въ парикмахерскую.

Вдругъ не въ далека поднимается трескотня выстрѣловъ—это исполнители постановленія грузинскаго революціоннаго комитета разстрѣливаютъ предсѣдателя русскаго патріотическаго общества Н. Н. Шаврова. Происходитъ дѣло въ чужомъ околоткѣ—и вотъ забываетъ Издебскій все—и отдыхъ и свободу и бросается на выстрѣлы; забывая о смертельной опасности, и преслѣдуетъ злодѣевъ.

И сколько подобныхъ случаевъ было за 3 года смуты! Но сколько не приходилось быть имъ „въ дѣлѣ“—судьба хранила ихъ.

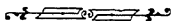
Но вотъ пришлось имъ наткнуться на слѣды склада бомбъ и оружія дашнакпутюна: За это имъ вынесенъ смертный приговоръ и ихъ стали выслѣживать.

7-го марта ихъ командировали для производства дознанія о причинахъ пожара въ домѣ Хелидзе по Поклонному переулку. Покончивъ дознание измученные сослуживцы въ фаэтонѣ поѣхали въ канцелярію полиціимейстера.

Но убійцы ихъ уже караулили. Когда фаэтонъ выѣхалъ съ Шелковниковской улицы на Хлѣбную площадь сзади на нихъ посыпались револьверные выстрѣлы и когда пальба прекратилась Пустовойтовъ и Издебскій лежали мертвые въ фаэтонѣ, сраженные пулями, а смертельно раненый кучеръ Аскеръ Джофаръ Оглы истекалъ кровью на мостовой. За двѣ минуты передъ этимъ они беззаботные, жизнерадостные строили планы на будущее.

Неумолимая смерть пресѣкла ихъ полезную жизнь—оба солдата пали на своемъ посту, вѣрные долгу службы.

Честь и вѣчная память вамъ, дорогіе дѣти нашей родины!

Генераль-маіоръ Николай Алексѣвичъ Ульянинъ.

„29 мая с. г. среди бѣлаго дня на улицахъ Асхабада совершилось гнусное, безсмысленное убійство. Отъ пули злодѣя палъ заертво нашъ начальникъ“... Такъ гласить приказъ данный 1 іюня 1907 года по туркестанской желѣзнодорожной бригадѣ.

Николай Алексѣвичъ Ульянинъ родился въ дворянской семьѣ Московской губ. 13 августа 1850 г. По окончаніи курса московской классической гимназіи въ 1869 г., онъ поступилъ юнкеромъ въ Александровское училище, откуда въ 1871 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду; затѣмъ, въ 1875 г. выдерживаетъ вступительный экзаменъ въ Николаевскую инженерную академію, откуда съ наступленіемъ турецкой войны изъ стар-

шаго курса призывается въ чинѣ штабъ-капитана въ 4-й саперный батальонъ, въ которомъ въ качествѣ ротнаго командира участвуетъ въ отрядѣ г. Скобелева. За боевыя заслуги производится въ капитаны и награждается орденами: св. Станислава и св. Анны 3-й степени съ мечами и бантами. По наступленіи мира, возвратясь на старшій курсъ, Николай Алексѣевичъ оканчиваетъ академію и въ 1879 году назначается въ Ковенскую инженерную дистанцію, гдѣ съ 1882 г. состоитъ производителемъ части работъ по возведенію Ковенской крѣпости.

Въ 1897 г. Николай Алексѣевичъ въ чинѣ полковника назначается строителемъ стратегической линіи мургабской желѣзной дороги отъ Мерва до крѣпости Кушка. Въ 1902 г. покойный производится въ генераль-майоры и ставится на важный постъ начальника средне-азиатской желѣзной дороги и командира желѣзно-дорожной бригады. Дорога Фирюзинская и масса капитальныхъ сооружений на средне-азиатской линіи обязаны своимъ появленіемъ энергіи Николая Алексѣевича. Покойный создалъ въ 1904 г. офицерскую желѣзно-дорожную школу, блестяще оправдывающую мысль своего основателя.

Вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ приказѣ по туркестанской ж. д. бригадѣ подполковника Бончъ-Богдановскаго отъ 1 іюля 1907 г. „Сколько заботъ, любви и личнаго труда вложилъ генераль въ организацію школы: онъ самъ составилъ программы по всѣмъ предметамъ, подобралъ отличный составъ преподавателей, выхлопоталъ техническій цензъ офицерамъ, окончившимъ школу, командировалъ офицеровъ для практики на дорогу, а затѣмъ опредѣлялъ на службу ея. Не мало любви и труда положилъ генераль на устройство при школѣ музея, библіотеки, причемъ послѣдней онъ подарилъ массу техническихъ и др. сочиненій“. Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые работаютъ не за страхъ, а за совѣсть, вкладываютъ душу въ порученное имъ дѣло. Ихъ любовь къ дѣлу обезпечиваетъ успѣхъ всѣхъ ихъ мѣропріятій. Такимъ именно былъ сподвижникъ и ученикъ генерала Скобелева Николай Алексѣевичъ Ульянинъ. Приводимый нами приказъ справедливо оцѣни-

ваеѣ значеніе того единства власти, какое существовало почти за нѣсколько дней до трагической смерти генерала.

„...Быстрое“, говорится въ приказѣ, „проведеніе указанныхъ мѣропріятій въ жизнь оказалось возможнымъ, благодаря совмѣщенію должностей начальника бригады и начальника дороги“.

„Когда генераль Ульянинъ прощался съ нами 28 и 29 мая, мы были глубоко увѣрены, что онъ, оставаясь начальникомъ дороги, также отзывчиво пойдетъ навстрѣчу всѣмъ нуждамъ, и выдѣленной отъ дороги желѣзнодорожной бригады, и, хотъ косвенно будетъ продолжать начатое имъ дѣло: — поднятіе технического знанія въ бригадѣ и заботу о нижнихъ чинахъ“...

„Отъ пули злодѣя палъ замертво нашъ начальникъ бригады Николай Алексѣевичъ генераль-маіоръ Ульянинъ, едва успѣвшій только что оставить ее, вслѣдствіе раздѣленія должностей начальника дороги и начальника бригады“.

Ослабленіе единства власти, какъ видимъ, едва ли не было обстоятельствомъ, помогшимъ злодѣйской рукѣ снять съ поста нужнаго Отечеству воина. 29 мая генераль прощался съ оставляемой имъ бригадой и тутъ же 29 мая, возвращаясь со службы домой, былъ предательски застрѣленъ.

Николай Алексѣевичъ Ульянинъ былъ типомъ русскаго человѣка, умѣющаго соединять въ себѣ сердечную доброту и отзывчивость со строгой стойкостью въ исполненіи своего служебнаго долга. Печальный 1905 годъ былъ поистинѣ годомъ испытанія для всякаго служащаго. Угрозы, подложныя письма съ смертными приговорами, ничто не могло заставить доблестнаго генерала идти на уступки. Рискуя жизнью на каждомъ шагу, онъ безстрашно и неуклонно исполнялъ свое дѣло. Въ дни объявленія свободъ 17 октября генераль не растерялся среди всеобщаго хаоса, временно охватившаго Асхабадъ. Онъ лично усовѣщевалъ, вразумлялъ пошатнувшихся служащихъ и для этого шелъ въ самую средину мятежной толпы.

23 мая 1907 г., возвращаясь на извозчикѣ со службы, покойный проѣзжалъ по Анненковской улицѣ Асхабада,

когда неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ форму желѣзно-дорожнаго солдата, нагналъ его на велосипедъ у дома г. Воронова и, давъ два выстрѣла изъ револьвера ему въ затылокъ, умчался по Ташъ-Кеprinской улицѣ. Свидѣтелями этого происшествія были: воспитанникъ вольской военной школы В. ставшій во фронтъ для отдавiя чести генералу, и жилецъ этой улицы, служащій при одномъ изъ офицеровъ, казакъ. Посланные конные разъезды не открыли убійцу, успѣвшаго скрыться за безлюдностью улицъ. Между тѣмъ генерала съ прострѣленной головой извозчикъ доставилъ на квартиру жандармскаго ротмистра, а оттуда тѣло убитаго Алексѣя Николаевича перенесли на Офицерскую. Здѣсь квартира покойнаго огласилась плачемъ его бѣдной семьи. „Нѣтъ словъ“, замѣчаетъ корреспондентъ газеты „Средне-Азиатской жизни“, нѣтъ словъ, чтобы описать растерянность и горе, охватившiя родныхъ при видѣ убитаго супруга и отца.

Скорбь семьи только ярче и нагляднѣе выражала то самое чувство горькой скорби, какую вызвала мученическая смерть Николая Алексѣевича у всѣхъ знавшихъ покойнаго. Это же чувство прекрасно выражено и въ приказѣ данномъ по туркестанской желѣзнодорожной бригадѣ. Вотъ слова приказа:

„Г.г. офицеры и солдаты—желѣзнодорожники! Генераль Ульянинъ, который такъ любилъ бригаду, такъ заботился о ней, такъ много сдѣлалъ для нея, неизвѣстнымъ злодѣемъ подло убитъ выстрѣломъ сади... Генераль, несмотря на получаемыя угрозы о смерти, всегда держался открыто и всегда бывалъ тамъ, гдѣ присутствiе его требовалось службой, онъ никогда никакой охраны при себѣ не имѣлъ и никакихъ мѣръ къ предохраненiю своей личности никогда не принималъ...

Повидимому генераль былъ глубоко убѣжденъ, что скромнымъ исполненiемъ своего служебнаго долга, постоянной отзывчивостью къ нуждамъ своихъ подчиненныхъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ, справедливымъ отношенiемъ ко всѣмъ одинаково, безъ различiя положенiя, онъ прiобрѣтетъ лучшую защиту для себя отъ всякихъ угрозъ и покушенiй съ какой бы то ни было стороны.

Но, къ несчастію, вѣра его въ людскую справедливость и безпристрастіе не оправдалось... Но за то своими поступками, своею службою, своимъ отношеніемъ ко всѣмъ намъ, онъ оставилъ въ насъ неизгладимо свой свѣтлый образъ — добраго, отзывчиваго, заботливаго начальника и человѣка, беззавѣтно преданнаго своему служебному долгу.

Да послужить этотъ свѣтлый обликъ неповинной жертвы для всѣхъ чиновъ бригады высокимъ примѣромъ беззавѣтной преданности своему служебному воинскому долгу и тѣмъ объединить нашу бригаду въ одну дружную сплоченную военную желѣзнодорожную семью.

Миръ праху твоему беззавѣтно-честный труженикъ!“

Федоръ Антоновичъ Вакулюкъ.

Городовой Лодзинской полиціи убитъ 31 іюля 1906 г.

Ф. А. Вакулюкъ былъ однимъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ героев долга и присяги, которые могутъ рассчитывать на вѣнецъ и славу лишь у Нелицепрїятнаго Бога, сказавшаго черезъ Сына Своего, что „нѣтъ большей любви, какъ если кто душу свою положить за други своя“. Такіе герои не украшаются крестами и регаліями на землѣ, а неся всю жизнь свой крестъ терпѣливо и честно, получаютъ отъ Матери Церкви крестъ на свою могилу.

Но мы, патріоты, несущіе за свой открытый патріотизмъ также тяжелый Крестъ преслѣдованій и униженій за наши убѣжденія, мы не забываемъ васъ, незамѣтные герои, и въ этомъ мартирологѣ „Книги Русской Скорби“ каждый изъ

васъ найдеть себѣ мѣсто, гдѣ мы помянемъ васъ добрымъ и теплымъ словомъ.

Федоръ Антоновичъ Вакулюкъ 36 лѣтъ—происходилъ изъ крестьянъ Волынской губерніи и былъ православнымъ не по метрику только, но и на дѣлѣ, какъ доказала его мученическая кончина. Турійская волость Ковельскаго уѣзда, гдѣ онъ родился, должна бы гордиться этимъ вѣрнымъ слугою Царя и Отечества, но такіе слуги, какъ и пророки, безъ славы именно въ отечествѣ своемъ и у себя на родинѣ.

По выходѣ изъ военной службы Вакулюкъ поступилъ въ 1896 г. въ Лебединскую городскую полицію во 2 участокъ, а въ 1900 г. былъ переведенъ въ составъ фабричной полиціи на чугунно-литейный и машино-строительный заводъ наслѣдниковъ Іосифа Іена въ г. Лодзи, гдѣ его и ожидала безвременная, но не безславная кончина.

Извѣстно, какъ опасна служба городского [въ фабричномъ районѣ, при современномъ развращеніи рабочихъ, распропагандированныхъ социализмомъ, разнузданныхъ своеволіемъ, очумѣлыхъ отъ пьянства и разврата, взволнованныхъ событіями „Освободительной“ эпохи.

31 іюля 1906 года въ 7¹/₂ час. вечера, проходя по Петроковской улицѣ, близъ дома № 229, Вакулюкъ былъ убитъ наповаль „неизвѣстнымъ“—какъ это часто бываетъ—негодяемъ, выстрѣлившимъ въ него предательски сзади изъ револьвера въ шею.

Послѣ убіеннаго осталась вдова и сынъ-сирота.

Вѣчная память тебѣ, рабъ Божій Феодоръ!

23 февр. 1909 г. Спб.

Николай Петрович Колпиковъ.

Полиціймейстеръ г. Александровска-Грушевскаго, умершій отъ ранъ
13 августа 1908 года.

Послѣ кончины Н. П. Колпикова было вскрыто Письмо его, съ надписью на конвертѣ: „вскройте послѣ моей смерти“. Письмо это оказалось духовнымъ завѣщаніемъ умершаго. Вотъ его содержаніе:

30 сентября 1907 года,
г. Александровскъ-Грушевскій.

Дорогіе Ваня и Леля!

Получая угрожающія письма липить меня жизни отъ боевой дружины и думая, что эту угрозу крамольники приведутъ надо мною въ исполненіе, прошу, мой дорогой братъ

и тебя, Леля, послѣ моей смерти тѣло мое похоронить въ Новочеркасскѣ рядомъ съ дочерью Евфросиньей. Памятника не дѣлайте, а на могилу положите толстый простой камень, окрасьте его въ черную краску, а сверху покройте лакомъ и сдѣлайте на немъ надпись, гдѣ убитъ, когда и кѣмъ, и надпись—слова праведнаго Іова:—„Господь далъ, Господь и взялъ, да будетъ благословенно имя Его“. Петю утѣшите, пусть онъ не горюетъ, пусть учится хорошо, ведетъ себя по отношенію къ начальникамъ и преподавателямъ съ любовью и полнымъ уваженіемъ. Пусть за меня молится Богу и пусть утѣшаетъ себя тѣмъ, что я умеръ или убитъ, исполняя долгъ присяги, долгъ Богу, Царю и Отечеству. А врагамъ моимъ пусть простить и не проявляетъ къ нимъ никакого неудовольствія. Иисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ любить и благословлять ненавидящихъ насъ и проклинаящихъ. Я всѣмъ своимъ врагамъ и убійцамъ, какъ христіанинъ, сердечно и душевно прощаю и умоляю всѣхъ злыхъ сдѣлаться справедливыми и добрыми.

Крѣпко тебя и Лелю, и маму, и Петю, всѣхъ дѣтей крѣпко цѣлую и прошу прощенья и молитвъ.

Да сохранить васъ всѣхъ Господь и пошлетъ Онъ вамъ земную и небесную радость.

Сердечно любящій васъ

Николай Колпиковъ.

Читая это завѣщаніе, намъ становится понятно, почему злодѣи такъ настойчиво преслѣдовали Колпикова. Это была огромная нравственная сила, о которую революціонное движеніе не могло не сломиться. Для потомковъ его очень важно сохранить въ памяти всѣ подробности жизни этого благороднѣйшаго человѣка, дабы ставить ее примѣромъ для подрастающихъ поколѣній.

Николай Петровичъ Колпиковъ происходитъ отъ природныхъ казаковъ слободы Больше-Крѣпкой, таганрогскаго округа. Родился онъ 6 мая 1859 года отъ священника. Получивъ образованіе въ духовномъ училищѣ, онъ закончилъ таковое въ новочеркасскомъ юнкерскомъ училищѣ въ 1880 г., числясь въ спискахъ Донскаго казачьяго № 20 полка. За

время военной службы Николай Петровичъ отличался хорошою стрѣльбою и былъ награжденъ за нее даже императорскимъ призомъ. Съ 1889 г. по 8 сентября 1896 г. онъ завѣдывалъ учебною командою № 7 полка, послѣ чего былъ уволенъ на льготу. Мирная домашняя жизнь была, однако не по сердцу Колпикову и 29 сентября 1892 г. въ чинѣ сотника онъ опредѣлился на должность пристава 2 участка новочеркасской городской полиціи. На этой должности пристава Николай Петровичъ получилъ двѣ награды—чинъ подъесаула и орденъ св. Станислава 3 степени.

Въ виду выдающихся его распорядительныхъ способностей, Колпиковъ 5 января 1902 г. назначенъ былъ полиціймейстеромъ г. Александровска-Грушевскаго и Грушевскаго рудничнаго поселенія, сумѣвъ вполнѣ оправдать возложенныя на него начальствомъ надежды. Его произвели въ есаулы, наградили орденами святой Анны 2 и 3 степени и назначили на должность помощника окружнаго атамана 2 донскаго округа. Въ послѣднюю должность вступить, однако, Николаю Петровичу не пришлось: придя въ церковь ко всеобщей поблагодарить Бога за милость Его, онъ убить былъ искавшими его смерти злодѣями на церковной паперти. Чѣмъ же заслужилъ Колпиковъ вражду революціонеровъ? Исключительно добрымъ отношеніемъ къ ввѣренному его попеченіямъ рудничному населенію и неуклоннымъ исполненіемъ своего долга.

При городѣ Александровскѣ-Грушевскомъ имѣется до 40 антрацитныхъ рудниковъ, находящихся въ вѣдѣніи городской полиціи. Николай Петровичъ отечески относился ко всей массѣ рабочаго населенія, эксплуатируемой иногда самымъ недобросовѣстнымъ образомъ акціонерными кампаніями. Рабочіе знали это и со всѣми своими нуждами постоянно обращались къ своему полиціймейстеру, который энергично защищалъ ихъ интересы передъ хозяевами рудниковъ. И рабочіе цѣнили его заботы, и называли полиціймейстера, обращаясь къ нему, не иначе, какъ „отецъ родной“. Да и какъ было не называть его этимъ нѣжнымъ именемъ, когда Колпиковъ только и заботился о томъ, чтобы рабочіе во время получали свои заработанныя деньги,

а въ случаѣ задержки платежа принималъ противъ хозяевъ энергичныя мѣры?

Такія добрыя отношенія администраціи къ рабочимъ были, однако, не на руку революціонной партіи, старавшейся приготовить изъ рабочихъ для революціонныхъ цѣлей пушечное мясо. Мѣстные революціонеры, всегда злобились на добрыя отношенія рабочихъ къ полиціймейстеру, но послѣ революціоннаго движенія въ 1905 году, по издавіи Манифеста 17 октября, отношенія къ Колпикову стали явно враждебными.

Исторія революціоннаго движенія въ Александрово-Грушевскѣ ничѣмъ не отличалась отъ истории другихъ городовъ и мѣстечекъ русской земли. Здѣсь, какъ и повсюду въ это время, простой народъ и рудничные рабочіе сыграли роль слѣпого орудія въ рукахъ недобросовѣстныхъ и наглыхъ „освободителей“ пославшихъ ихъ подъ казачьи плети и солдатскія пули, и спрятавшихся за спиной рабочихъ.

Въ самый разгаръ погромовъ и грабежей, когда жители Грушевска въ паникѣ бѣжали изъ города на сосѣдніе хутора, Колпиковъ, не зная отдыха ни днемъ, ни ночью, дѣятельно работалъ надъ усмиреніемъ мятежа и надъ охраной имущества жителей. Послѣ большихъ, почти неимовѣрныхъ усилій это ему удалось вполнѣ и въ Александровѣ-Грушевскѣ все пришло, на время, въ полный порядокъ.

Вскорѣ послѣ этого полиціймейстеръ, два пристава и командиръ сотни получили анонимныя письма съ объявленіемъ отъ александровско-грушевскаго революціоннаго комитета, что они приговорены имъ за прекращеніе бунта къ смерти. Колпиковъ немного времени спустя снова получилъ подрядъ еще 6 угрожающихъ смертью писемъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, 24 мая, во второмъ часу дня Колпиковъ шелъ къ своей квартирѣ, но около самого дома раздались вдругъ два выстрѣла. Не успѣлъ Колпиковъ обернуться, взглянуть, кто стрѣляетъ, какъ убійца забѣжалъ впередъ и сталъ быстро разряжать въ него въ упоръ свой револьверъ. Одна изъ пуль пронизала грудь Колпикова на вылетъ, онъ крикнулъ и зашатался. Подбѣжали къ нему люди и ввели его въ квартиру, гдѣ онъ тотчасъ же

упасть. А преступникъ бросился бѣжать, за нимъ погнался полицейскій, крича:

— Держи его, онъ убилъ полиціймейстера!

Преступникъ вбѣжалъ въ одинъ изъ домовъ, и скрылся черезъ садъ, а въ саду потомъ были найдены фуражка боевой дружины, передняя часть рубашки и жакетка.

Пораненіе Колпикова оказалось весьма серьезнымъ. Пуля пробила сердечную сумку, сдѣлавъ глубокую борозду въ грудной клѣткѣ. Двѣ недѣли пролежалъ Николай Петровичъ въ постели безъ движенія. Въ груди образовался свищъ, доставлявшій ему много страданій, но крѣпкій организмъ его одержалъ верхъ, и онъ поправился. По городу же были разбросаны прокламаціи съ объявленіемъ, что по приговору мѣстнаго комитета стрѣлялъ боевикъ за подавленіе Колпиковымъ стрѣльбою бунтовъ въ октябрѣ 1905 г. и 24 апрѣля 1906 г. Узнавъ же, что ненавистный полиціймейстеръ поправляется, революціонная шайка издала новую прокламацію о томъ, что недобитаго полиціймейстера нужно добить и что онъ, все равно, рано или поздно, будетъ убитъ.

Три мѣсяца болѣлъ Николай Петровичъ и, взявъ отпускъ, поѣхалъ на берегъ моря, обратившись въ виду своей раны къ войсковому атаману съ просьбою перевести его на другое мѣсто. Атаманъ обѣщалъ, но не исполнилъ своего слова, и черезъ 4 мѣсяца Н. П. Колпиковъ снова вступилъ въ управленіе своихъ обязанностей полиціймейстера города Александровска-Грушевскаго. На третій уже день вступленія въ должность онъ получилъ по городской почтѣ анонимное письмо. На одной сторонѣ почтовой бумаги былъ нарисованъ чернилами гробъ, а кругомъ надпись: „Кровь невинныхъ вопіетъ къ отмщенію. Привѣтъ отъ летучаго боевого отряда“. А на другой сторонѣ: „Жить тебѣ только до 1 октября, а съ перваго будешь убитъ“. Тогда именно Николай Петровичъ и написалъ свое благородное, чисто христіанское, завѣщаніе.

Узнавъ объ этой угрозѣ, начальство предложило вѣрному и пострадавшему за исполненіе своего долга слугѣ Царя и Отечества должность въ другомъ мѣстѣ, но съ содержаніемъ гораздо меньше получавшагося имъ на должности полиціймейстера и классомъ должности ниже, то есть,

съ пониженіемъ. Такъ оцѣнило оно труды Колпикова. А въ это время Ростовское-на-Дону—охранное отдѣленіе арестовало трехъ лицъ: приказчика Егорова, учителя сельской школы Подкопаева и какого-то торговца армянина, уличенныхъ въ томъ, что они собирали деньги на убійство Колпикова. Горько обидѣло Николая Петровича такое отношеніе къ нему начальства, и онъ отказался отъ перемѣщенія. Не могъ же атаманъ не понимать, что хотя въ январѣ 1907 г. пойманные и были сосланы въ Архангельскую губернію, но комитетъ революціонный въ лицѣ Воронкова остался и свободно могъ исполнить свою угрозу. Въ то же время Колпиковъ получилъ отъ какого-то доброжелателя анонимное письмо бережся, такъ какъ ему хотятъ бросить въ квартиру разрывной снарядъ.

Въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ такія же предупрежденія были получены отъ охраннаго отдѣленія, а въ мартѣ въ квартирѣ Колпикова была обнаружена бомба. Взорванная инженерами за городомъ она оказалась огромной силы и должна была разрушить весь домъ. Послѣ этой бомбы анонимныя угрозы прекратились.

Николай Петровичъ отлично сознавалъ, что при нерѣшительности дѣйствій правительства въ борьбѣ въ революціонными элементами ему отъ насильственной смерти не оберечься, и готовый ежеминутно къ смерти, онъ какъ истый герой покойно и покорный воли начальства исполнялъ свой долгъ, ничуть не ослабѣвая въ своемъ рвеніи. Но боевыя дружины въ теченіи 3 мѣсяцевъ не обнаруживали никакихъ намѣреній. 19 іюля появился наконецъ приказъ о назначеніи Колпикова помощникомъ окружнаго атамана Нижнечирской станицы. Газеты напечатали объ этомъ извѣстіе, а Николай Петровичъ принялся сдавать должность своему помощнику для отъѣзда черезъ день къ мѣсту новаго служенія. Въ субботу, 26 іюля весьма довольный начавшеюся сдачею должности, вечеромъ, услышавъ церковный звонъ, онъ страшно захотѣлъ пойти ко всеобщей, у которой онъ, остерегаясь покушенія, уже давно не былъ.

Сперва онъ поколебался, идти-ли, такъ какъ на всякомъ многолюдномъ мѣстѣ онъ могъ ожидать смерти, а затѣмъ, какъ истинный казакъ, сказавъ: „А я все таки пойду“,

отправился, взявъ съ собою лишь одного казака. Передь концомъ службы у него мелькнула, было, мысль уйти изъ храма во избѣжаніе покушенія ранѣе, чѣмъ пойдетъ народъ, но онъ тутъ же упрекнулъ себя въ малодушіи и остался. Когда всенощная окончилась, Николай Петровичъ рядомъ съ инспекторомъ городского училища Журковскимъ вышелъ изъ церкви. За нимъ шелъ полицейскій казакъ Черкесовъ.

Когда взошли въ притворъ, народа въ немъ не было, стоялъ одинъ лишь мѣстный воръ Голопенко. Казакъ, обернувшись, перекрестился передь уходомъ изъ церкви и снова пошелъ за полиціимейстеромъ. Вдругъ казакъ почувствовалъ, что на плечо ему кто-то положилъ руку и одновременно раздались два выстрѣла. Колпиковъ упалъ, а казакъ, обернувшись, увидѣлъ Голопенку съ револьверомъ въ приподнятой рукѣ. Черкесовъ мгновенно ударилъ его по лицу кулакомъ, убійца сперва присѣлъ, а потомъ бросился бѣжать внизъ. Казакъ нагналъ его и, снова ударивъ, сшибъ убійцу со ступеней храма. Потерявъ равновѣсіе, упалъ и казакъ, но тотчасъ схватилъ преступника одной рукой за шею, а другой за руку съ револьверомъ. Между нами началась борьба.

— Пусти, товарищъ,—сказалъ убійца—я за правду стрѣлялъ.

— А я за правду присягалъ,—отвѣтилъ казакъ.

Убійцѣ удалось въ это время сдѣлать два выстрѣла, мѣтя въ голову казаку, но пули пронеслись мимо. Тогда онъ направилъ револьверъ въ свою голову, но подь ударомъ казака снова пули летятъ мимо цѣли, но одна изъ нихъ попадаетъ въ нотаріуса Матекина, который, растерявшись, метался лишь безъ пользы отъ лежавшаго безъ памяти полиціимейстера къ казаку, боровшемуся съ убійцей, и обратно. Наконецъ, казаку удалось выхватить револьверъ, а убійца, вскочивъ, побѣжалъ, казакъ за нимъ, пытаясь стрѣлять изъ отобраннаго револьвера, но гильзы всѣ были уже разстрѣляны. Вдругъ убійца споткнулся о груды попавшихся камней и упалъ, казакъ также упалъ. Затѣмъ оба вскакиваютъ и снова бѣгутъ; казакъ нагналъ убійцу и ударилъ его пашкой по головѣ. Но тотъ вбѣгаетъ между лавками и лѣзетъ подь одну изъ нихъ. Казакъ вто-

рой разъ ударилъ шашкой и наконецъ преступникъ, раненый, свалился. Казакъ вложивъ шашку въ ножны, хотѣлъ вынуть свистокъ, но собравшійся народъ помѣшалъ ему и билъ въ спину. Тогда казакъ снова вынулъ шашку, отбился отъ народа и тутъ только получилъ возможность позвать свисткомъ на помощь. Прибѣжали двое околоточныхъ и помогли арестовать убійцу. Вотъ какъ тяжела была въ то время полицейская служба. На другой день арестованный Голопенко показалъ, что онъ даже и не былъ въ церкви, а шелъ по площади. Казакъ за кѣмъ-то гнался, наткнулся на него и началъ его рубить. Голова у Голопенки оказалась разрубленной въ пяти мѣстахъ. А по молвѣ народной настоящему убійцѣ удалось будто бы скрыться.

Раненаго же полицеймейстера тѣмъ временемъ подняли, но съ нимъ началась кровавая рвота. Усадили его на извозчика и привезли домой всего точно вымоченнаго въ собственной крови. Раненъ онъ былъ съ правой стороны подъ ушною раковиною, пуля раздробила челюсть и черезъ ротъ вышла въ лѣвую щеку около верхней скулы. Послѣ перевязки Николай Петровичъ потребовалъ священника, тутъ же при всѣхъ сказалъ, что онъ всѣмъ прощаетъ, кто ему сдѣлалъ зло, а также и убійцѣ, и затѣмъ покойно приобщился Святыхъ Тайнъ. Раненый страдалъ ужасно: прилечь ему нельзя было и онъ вынужденъ былъ все время сидѣть обложенный подушками. Такъ прошло 4 дня. Въ тѣ минуты, когда ему становилось лучше, онъ сдавалъ должность приставу и все время твердилъ:

— Богъ съ нимъ. Я зла ему никакого не сдѣлалъ... На все воля Божія...

Раненаго Колпикова перевезли въ Новочеркасскъ. Передъ отъѣздомъ онъ просилъ передать горожанамъ, что зла за ними онъ не помнитъ и проситъ простить его, если кому по службѣ доставилъ зло. Все время онъ со всѣми прощался говоря, что чувствуетъ себя плохо и не надѣется вынести пораненіе. Вскорѣ ему понадобилось сдѣлать операцію вылуциванія костей, для чего перевезли страдальца въ городскую больницу въ Ростовъ-на-Дону. Послѣ операціи сразу стало хуже, показалось рожистое воспаленіе на ранѣ. Онъ стоналъ и метался, мучаясь, и день и ночь. Но никто

не слышалъ отъ него ни единой жалобы. Николай Петровичъ терпѣливо несъ свой страдальческій крестъ, съ полнымъ сознаниемъ исполненнаго долга передъ Отечествомъ. Воспалительное состояніе перешло вдругъ на мозговья оболочки и онъ началъ впадать въ безпамятство. Очнувшись однажды, онъ попросилъ священника приобщить его Святыхъ Таинъ, которыя уже принялъ незадолго передъ тѣмъ, передъ операцией.

Священникъ, придя, сказалъ ему.

— Другъ мой, вѣдь, вы недавно приобщались.

Николай Петровичъ, удивленно взглянувши на священника, строго отвѣтилъ:

— Вы, батюшка, не смущайтесь этимъ. Я человекъ вѣрующій. Я часто призываю Господа. Это мое единственное утѣшеніе. Можетъ быть, скоро я и самъ отойду ко Господу.

На другой день врачи объявили женѣ его и брату, что больной болѣе трехъ дней не проживетъ. Это произвело на нихъ такое тягостное впечатлѣніе, что жена его не могла скрыть своихъ слезъ. Замѣтивъ, что она плачетъ и оба какъ-то странно смотрятъ на него, Николай Петровичъ спросилъ.

— Чего вы ждете? Чего вы ждете? Нѣтъ, я вижу, и ты, и Ваня (братъ его), вы чего-то ждете. И я чего-то жду... Я васъ задерживаю.

Немного погодя, обратившись къ брату, онъ сказалъ:

— Если я умру, то умру съ сознаниемъ, что честно выполнилъ свой долгъ передъ Государемъ.

Черезъ день началась агонія, длившаяся 40 часовъ. Все это время мученикъ за родину свою былъ безъ памяти. 13 августа, въ 10 час. 20 минутъ дня, вѣрный сынъ Россіи, окруженный своей семьей, праведно почилъ.

15 августа, на городскомъ кладбищѣ г. Новочеркаска, торжественно погребено было тѣло страдальца вѣрнаго слуги Царя, а на гробъ этого мученика Ростовскій-на-Дону и Новочеркасскій отдѣлы Союза Русскаго Народа возложили свои вѣнки, отдавъ этимъ ему послѣдній и самый для него пріятный долгъ отъ родины.

Иванъ Константиновичъ Семенюкъ.

Старшій уѣздный стражникъ Кѣлецкой губерніи и уѣзда, родился въ 1857 году, убитъ 9 января 1906 года.

По окончаніи военной службы Семенюкъ былъ зачисленъ въ Кѣлецкую полицію. Здѣсь въ маленькое дѣло нижняго полицейскаго чина Семенюкъ вложилъ всю свою душу; онъ высоко поднялъ значеніе полицейскаго, одухотворивъ его дѣло благородною, христіанскою идеей—идеей служенія своимъ ближнимъ. Онъ посвятилъ себя святому дѣлу защиты мирныхъ, русскихъ людей отъ злодѣйскихъ, разбойничьихъ покушеній.

Его находчивость, энергія и неустрашимость были изумительны. Ему поручались высшимъ начальствомъ съ полнымъ довѣріемъ всѣ болѣе сложныя и запутанныя дѣла и Семенюкъ всегда раскрывалъ преступниковъ.

Имя его вскорѣ сдѣлалось популярнымъ въ Кѣлецкомъ уѣздѣ.—Грабители пріутихли.

Но встѣ наступаютъ кровавые революціонные дни 1905 года, ознаменовавшіеся въ Кѣлецкомъ уѣздѣ цѣлымъ рядомъ грабежей казенныхъ винныхъ лавокъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ, гминныхъ управленій и т. д.

Дѣятельность такого рода не могла, конечно, встрѣтить сочувствія Семенюка и онъ съ удвоенной энергіей преслѣдовалъ и этихъ грабителей-революціонеровъ.

Наглые и безсовѣстные грабители, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, рѣшились избавиться отъ своего неумолимаго преслѣдователя, и, 9 января 1906 года, въ 8 часовъ утра, возвращающійся съ ночнаго объѣзда Семенюкъ упалъ передъ своимъ домомъ, смертельно раненый выстрѣломъ изъ браунинга, и спустя полчаса умеръ на рукахъ своей жены и дѣтей.

Смерть этого честнаго, неумолимаго преслѣдователя грабителей произвела тяжелое, удручающее впечатлѣніе на все русское населеніе—это была невинная жертва „польскаго бунта“ въ г. Кѣльцахъ.

Михаиль Александровичъ Боярскій.

Помощникъ командира судна «Паванна», убитъ въ порту Поти
17 ноября 1905 года.

Страшно стало жить на русской землѣ... Гибла Святая Русь!.. Все измѣнило, и суша, и море и даже самый воздухъ, казалось, дышалъ одной измѣной... Точно чья-то вражеская рука посѣяла надъ полями и водами проклятыя ядовитыя зубы дракона, о которыхъ въ незапамятныя времена рассказывали старые греки въ старой сказкѣ про нашъ же Кавказъ. И изъ этихъ проклятыхъ сѣмянъ съ волшебной быстротой выходили новые и новые всходы измѣнниковъ, пре-

дателей, ненавистниковъ... Побѣжали они на быстрыхъ огнемъ дышащихъ коняхъ, украшенныхъ красными гирляндами по стальнымъ быстрымъ дорогамъ, поплыли по морямъ на паряхъ и подъ парусами, самый воздухъ насыщающая опьяняющей ядовитой пылью и падала эта пыль отъ проклятыхъ сѣмянъ на колеблящіяся души и давала пышные всходы на этой дряблой почвѣ всюду, гдѣ находила ее и въ свѣтлыхъ храмахъ, и въ пышныхъ дворцахъ, и въ курныхъ избахъ и въ грязныхъ темныхъ подвалахъ... И всюду растило оно предателей; вставали они неожиданно изъ-за угла, изъ подворотни, днемъ и ночью—нигдѣ нельзя было найти отъ нихъ вѣрное сохранное мѣсто...

Тогда-то страшно стало жить на русской землѣ... И содрогнулась Святая Русь отъ ужаса до самыхъ нѣдръ своихъ и потрясла морями, что издавна, изстари прильнули къ ея священнымъ берегамъ и отъ этого могучаго содроганія обвѣяло ее всю старымъ, могучимъ, роднымъ сѣменемъ и отъ этого сѣмени и на сушѣ, и на морѣ навстрѣчу драконовымъ отродьямъ встали полчища родныхъ святорусскихъ сыновей—и какъ всюду занесло измѣнниковъ, такъ всюду же навстрѣчу имъ поднялись ряды вѣрныхъ дѣтей старой русской земли — и въ свѣтлыхъ храмахъ, и въ пышныхъ дворцахъ, и въ курныхъ избахъ и въ грязныхъ темныхъ подвалахъ — на сушѣ и на морѣ схватились они съ измѣнниками и пошла жестокая сѣча. Сначала предатели съ презрѣніемъ глядѣли на неожиданныхъ враговъ, — не ждали они ихъ, всюду надѣялись они встрѣтить лишь дряблую почву, что охотно растила и лелѣяла ихъ ядовитыя сѣмена, давая пышные всходы измѣнны... въ мгновеніе же думали они уничтожить святорусскихъ дѣтей — да ошиблись... Какъ въ старой былинѣ ихъ небеснаго воинства отъ каждаго удара изъ одного бойца становилось двое, такъ и новые русскіе витязи—каждый поверженный давалъ двоихъ новыхъ на свое мѣсто; чѣмъ больше ихъ рубили, кололи, тѣмъ больше становилось ихъ и наконецъ плотной стѣной окружали они колеблющихся и слабыхъ и оттѣснили отъ нихъ предателей. И ожила русская земля и воскресла Святая Русь и Богъ дастъ

скоро ни одного драконоваго сѣмени не останется въ священныхъ нѣдрахъ ея, а копье ея святаго витязя, что давнымъ давно, изстари, прильнуль къ самому сердцу русскаго орла—на смерть поразить самого огнедышущаго проклятаго дракона, что сѣменемъ измѣны опозорилъ, осквернилъ русскую землю и прильнувшіе къ ней старыя русскія моря...

Вотъ объ одной такой схваткѣ вѣрнаго сына Святой Руси съ драконовымъ отродіемъ — на старомъ русскомъ морѣ—поведемъ мы рѣчь, дабы изъ праха одного поверженнаго взрастить цѣлое войско вѣрныхъ могучихъ витязей...

Передъ нами уже пожелтѣвшій измятый и истертый номеръ „Одесскихъ Новостей“ отъ 23 ноября 1905 года. Номеръ характерный, номеръ типичный—одинъ изъ тѣхъ историческихъ номеровъ, запечатлѣвшихъ историческія событія, отъ которыхъ „содрогнулся міръ“—по выраженію корреспондента этой же газеты...

Начинается онъ характернымъ сообщеніемъ отъ редакціи, напечатаннымъ впереди текста жирнымъ шрифтомъ и сразу обрисовывающимъ эпоху—вотъ это сообщеніе:

„Вслѣдствіе забастовки телеграфа телеграммы наши не были получены“.

Большой фельетонъ состоитъ изъ корреспонденціи „Собственнаго корреспондента“, поспѣшившаго въ Севастополь вплотную послѣ „историческихъ“ Шмидтовскихъ дней—вся эта корреспонденція дышетъ вовсе недвусмысленнымъ восторгомъ передъ великимъ „революціоннымъ адмираломъ“ и скорбью о постигшей его неудачѣ.

Далѣе идутъ сообщенія такія:

„Въ совѣтѣ въ Царскомъ Селѣ говорилось о возможности осуществленія всеобщей, равной, тайной, но не прямой подачи голосовъ“.

„Броженіе среди войсковыхъ частей въ Петербургѣ продолжается. Много говорятъ о митингѣ офицеровъ въ Цар-

скомъ Селѣ, на которомъ постановлено отказаться стрѣлять въ народъ“.

„По требованію генерала Трепова въ Царское Село для охраны вытребованъ Семеновскій полкъ“.

„Изъ Кіева телеграфируютъ, что начальникъ военного округа категорически отказался употреблять войска противъ стачечниковъ и объявилъ, что будетъ дѣйствовать такъ, какъ ему подскажетъ совѣсть“.

„Передовая“ статья кончается сакраментальнымъ для того времени увѣреніемъ, которымъ въ то время кончались чуть не всѣ передовицы „освободительныхъ“ органовъ: Штыки не остановили надвигавшейся народной волны, а теперь сами штыки начинаютъ склоняться передъ торжествующей свободой“...

Далѣе идутъ статьи—достаточно привести ихъ заглавія:

„Митингъ протеста противъ погрома“.

„Польскій митингъ въ Одессѣ“.

„Требованія прислуги“.

„Народный митингъ“

и... извѣщенія о безчисленныхъ сборахъ въ пользу пострадавшихъ отъ погромовъ евреевъ...

И вотъ среди этихъ всѣхъ „митинговъ“, ярко возвѣщающихъ о „торжествѣ“ *свободы* и гибели *Святой Руси* пріютилась статья, озаглавленная „Въ Поти“ и оставленная редакціей безъ всякихъ комментаріевъ. Въ этой-то статейкѣ излагается то событіе, которое интересуетъ насъ въ данную минуту и мы нарочно изобразили рамку, въ которую уже постарѣвшій и пожелтѣвшій номеръ освободительнаго листка вставилъ это событіе, ибо эта рамка говоритъ сама за себя громче всѣхъ фразъ, которыми мы могли бы охарактеризовать то, что дѣлалось въ это страшное и странное время на бѣдной русской землѣ...

Въ эти-то страшные дни по жуткимъ и невѣрнымъ волнамъ Чернаго моря, мимо береговъ его дышавшихъ измѣной и предательствомъ съ одной стороны, а съ другой малодушіемъ и трусостью—плылъ и, наконецъ, доплылъ въ Поти пароходъ Россійскаго Страховаго и Транспортнаго о-ва „Паванна“. На немъ среди другихъ ничѣмъ не выдающихся,

никому невѣдомыхъ людей, скромно исполнявшихъ свой служебный долгъ, находился человекъ такой же скромный, какъ они, такой же никому неизвѣстный, такъ же занятый своимъ служебнымъ долгомъ и который, волею Божьею, стоялъ лишь въ нѣсколькихъ дняхъ разстоянія отъ исполненія другого великаго долга передъ отечествомъ—въ нѣсколькихъ дняхъ разстоянія отъ вѣчности, раскрывшейся передъ нимъ неожиданно, но славно, запечатлѣвъ его имя навсегда въ рядахъ тѣхъ людей, что проходятъ теперь передъ нами безконечной кровавой, но величавой, вереницей, оставляя въ нашихъ сердцахъ трепетъ восторга и благоговѣннiя, благодарности и поклоненiя, а на устахъ скорбную, тихую и теплую молитву за нихъ, положившихъ за насъ свою душу.

Имя его: Михаилъ Александровичъ Боярскiй. Вотъ краткое описанiе „круга его жизни“.

М. А. Боярскiй родился 25 сентября 1868 года. Образованiе получилъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, которое окончилъ въ 1888 году.

Первое время онъ служилъ въ Кронштадтѣ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Черное море, гдѣ прошла вся его служба.

За это время онъ окончилъ Офицерскiе Минные и Артиллерiйскiе классы и передъ Китайской войной совершилъ плаванiе на Дальнiй Востокъ.

Въ 1904 году онъ вышелъ въ отставку и поступилъ на частную службу въ Россiйское Страхое и Транспортное Общество. Съ этого дня онъ все время находился въ плаванiи по портамъ Чернаго моря, въ качествѣ помощника командира.

Въ одно изъ такихъ плаванiй 17 ноября 1905 года онъ нашелъ себѣ вѣчное успокоенiе.

Придя въ роковой рейсъ въ Потн на паракордѣ „Паванна“ Михаилъ Александровичъ написалъ своему отцу письмо „заранѣе поздравляя его съ днемъ его ангела, такъ какъ *надѣются на аккуратность почты теперь нельзя*“. Вѣднiй! Онъ и не подозрѣвалъ, что вообще на что-либо надѣяться въ жизни ему уже было поздно, что съ письмомъ надо

было дѣйствительно спѣшить, такъ какъ тѣ событія, которыя онъ описываетъ въ немъ, готовятъ ему быструю—но славную гибель. Нельзя безъ волненія, безъ трепетнаго чувства благоговѣнія держать въ рукахъ и читать это письмо—эти листки, которыя держала рука уже несуществующая, этотъ почеркъ, который никогда больше уже не покроетъ своими правильными ровными штрихами бѣлыхъ листовъ бумаги, несущихъ ласку и привѣтъ любимымъ далекимъ роднымъ... Онъ кончилъ его за нѣсколько часовъ до смерти и не успѣлъ даже отослать.

Старикъ-отецъ получилъ его уже черезъ много дней послѣ того, какъ его не стало, получилъ изъ-за могилы, изъ другого міра, куда ушелъ его сынъ—ушелъ съ лавровымъ вѣнкомъ героя и кровавымъ вѣнчикомъ мученика на челѣ.

Въ письмѣ этомъ подробно излагаются всѣ потійскія событія, излагается и самый подвигъ, совершенный имъ, но такъ просто и кратко, что совершенно очевидно, что совершавшій его и писавшій о немъ далекъ отъ мысли, что то, что еще вчера было простымъ исполненіемъ простаго служебнаго долга, сегодня уже стало героизмомъ, подвигомъ во славу Царя и Отечества, дѣяніемъ, способнымъ на которое оказались только тѣ немногіе, что выростило родное вѣрное русское сѣмя. Среди „всѣхъ властей“, слагавшихъ оружіе и кричавшихъ о непротивленіи новому господину, въ пришествіе котораго они сразу твердо увѣровали—онъ оказался однимъ изъ тѣхъ, что инстинктивно стали на защиту раненаго, но далеко еще не поверженнаго русскаго орла — противъ коршуновъ, стремившихся выклевать самыя ясныя очи его...

Потійскія событія, закончившіяся смертью М. А. Боярскаго мы изложимъ по упомянутой корреспонденці „Одесскихъ Новостей“ — ибо она излагаетъ всѣ событія согласно съ письмомъ покойнаго и донесеніемъ командира парохода „Паванны“.

„Вчера въ Одессу возвратился изъ крымско-кавказскаго рейса, заарендованный Россійскимъ обществомъ транспортовъ пароходъ „Паванна“—такъ начинается корреспонденція. Во время стоянки въ кавказскомъ порту Поті служащіе

экипажа парохода были свидѣтелями происходивших тамъ бурныхъ волненій политическаго характера, причемъ одно изъ лицъ этого экипажа даже сдѣлалось жертвой кровавой расправы.

Ночь 12-го ноября, когда „Паванна“ стояла въ Потѣ (въ новомъ портѣ) была необычайно темная и туманная. Этою ночью воспользовалась многочисленная рабочая партія потійскихъ социаль-демократовъ, чтобы выгрузить на берегъ доставленный огромный транспортъ оружія и боевыхъ припасовъ. Откуда доставленъ этотъ транспортъ—остается невыясненнымъ. По слухамъ, сообщеннымъ въ Потѣ командѣ „Паванна“, обширную партію огнестрѣльнаго оружія и взрывчатыхъ веществъ доставилъ на рейдъ вблизи Потѣ какой-то иностранный пароходъ. Грузъ этотъ имѣлъ около 40 тысячъ пудовъ вѣсу и былъ въ открытомъ же морѣ перегруженъ агентами социаль-демократической партіи на нѣсколько магунъ (судовъ). Одна магуна, на которой находилось около 1500 ружей, 40 тысячъ боевыхъ патроновъ къ нимъ и 1000 бомбъ, была въ темнотѣ незамѣтно для властей ночью 12-го ноября введена въ новый потійскій портъ и поставлена вблизи причальной набережной, занимаемой пароходами Р. о. п. и т. и Россійскаго общества транспортовъ. Тамъ-же рабочіе туземцы приступили къ выгрузкѣ вооруженія и снарядовъ, упакованныхъ въ ящики различной величины. Ящики проносились позади линіи желѣзнодорожныхъ вагоновъ въ пакгаузъ Р. о. п. и т. Чтобы власти не могли помѣшать этой операціи социаль-демократическая организація выставила вдоль всѣхъ набережныхъ порта свои вооруженные патрули изъ рабочихъ. Изъ письма Михаила Александровича Боярскаго мы убѣждаемся, что „властей“ социаль-демократической партіи особенно опасаться не приходилось — таможенные чиновники на все смотрѣли сквозь пальцы послушные духу непротивленія, а полицмейстеръ тоже очевидно „непротивленецъ“, узнавъ, что войска осмѣлились безъ его вѣдома „оказывать сопротивление“ господамъ социаль-демократамъ—устроилъ утромъ офицеру, командовавшему ими вбучку, за что, по свидѣтельству Михаила Александровича, едва не былъ избитъ ими. Вотъ какъ описываетъ М. А.

Боярскій эту тревожную ночь, какъ она прошла для тѣхъ, кто наблюдалъ ее съ борта „Паванны:

„Около часу ночи прибѣгаетъ въ каютъ-кампанію вахтенный матросъ и говоритъ, что боится стоять на вахтѣ, такъ какъ на берегу масса грузинъ и носятъ они какіе-то большіе ящики въ амбаръ Р. о. п. и т. Мы всѣ повыскакивали изъ каютъ и вышли наверхъ; дѣйствительно картина представилась такая: очень много грузинъ, сотъ пять или шесть, совершенно безъ шума носятъ большіе ящики въ амбаръ; откуда ихъ берутъ, не видно, но какъ будто со стоящаго впереди насъ англійскаго парохода; обыкновенно грузины работаютъ съ ужаснымъ крикомъ, а тутъ полнѣйшая тишина и видно, что очень торопятся, въ амбарѣ Р. о. п. и т. горитъ огонь и слышно, что тамъ ломаютъ ящики. Сначала подумали, что это просто массовое воровство, но потомъ, прислушиваясь, ясно услышали щелканье ружейныхъ замковъ, дѣлалось все довольно откровенно. Хотѣли мы дать знать объ этомъ властямъ, но сойти съ парохода незамѣтно было невозможно, амбаръ всего въ шагахъ 50 отъ насъ, рѣшили слѣдить по вахтенно; съ 4-хъ утра была моя вахта, все шло по старому, только грузинъ мало осталось, работа въ амбарѣ шла, носить ящики перестали, но только непрерывно какія-то тѣни проскальзывали въ амбаръ; темнота страшная, здѣсь портъ совсѣмъ не освѣщенъ; слышу около 5 ч. со стороны города перестрѣлка довольно оживленная, нѣсколько выстрѣловъ раздались съ парохода и все успокоилось, огонь въ амбарѣ погасъ; начало уже свѣтать, я рѣшилъ дожидаться до полного разсвѣта и уйти спать; около 7¹/₂ ч. утра вижу вдоль амбара крадутся нѣсколько тѣней, вошли въ амбаръ. Вдругъ оттуда понесся неистовый крикъ и пошла перестрѣлка; гляжу, нѣсколько казаковъ скачутъ, слышны уже русскіе крики, потомъ еще слышу казаки скачутъ, выстрѣлы уже кругомъ, наконецъ стрѣльба прекратилась! Когда разсвѣло совсѣмъ, и меня нельзя было уже принять за грузина, я пошелъ къ амбару, тамъ уже работаютъ казаки и пѣхота, передъ амбаромъ куча винтовокъ швейцарской работы, ящики съ патронами, въ амбарѣ ящиковъ 30 отъ винтовокъ пустыхъ и нѣсколько не вскрытыхъ, тутъ же поймано 5 грузинъ.

Мы продолжаемъ изложеніе событій по „Одесскимъ Новостямъ“:

„Провѣдавъ ночью о провозѣ оружія, кордонный офицеръ пограничной стражи послалъ съ своего поста въ портъ четырехъ дозорныхъ солдатъ. Но по дорогѣ, на мосту, пролегающемъ черезъ рѣку Ріюкъ, дозоръ этотъ столкнулся съ заранѣ поставленной сюда стражей отъ рабочихъ, въ числѣ 30 человекъ, которые открыли по нимъ пальбу изъ ружей. Тогда кордонный офицеръ по телефону вызвалъ казаковъ, а самъ въ то же время съ 10 солдатами бросился къ мѣсту. Между соединенными взводами казаковъ и солдатъ и сторожевыми рабочими завязалась жаркая перестрѣлка. Другой подоспѣвшій взводъ казаковъ оцѣпилъ портовую набережную, а обходъ изъ нѣсколькихъ солдатъ пограничниковъ, нагрянуль къ пакгаузу Р. о. п. и т. Окруженные, рабочіе успѣли все-таки разбить большое число ящичковъ и вооружить ружьями громадное количество своихъ товарищей, которые тутъ же вступили съ казаками въ ожесточенную борьбу. Перестрѣлка продолжалась до утра.

При помощи явившихся усиленныхъ нарядовъ пѣхоты удалось разсѣять рабочихъ, которые, однако, все-таки успѣли увести магуну въ море. Въ Р. о. п. и т. войсками захвачено много ящичковъ съ ружьями, штыками и патронами. Офицеръ пограничной стражи Кречетовъ 14 ноября утромъ рѣшилъ на постовомъ катерѣ „Ріонъ“ предпринять рекогносцировку въ морѣ съ цѣлью изловить военную контрабанду.

Но не имѣя собственнаго экипажа г. Кречетовъ сталъ обращаться къ администраціи стоящихъ у набережныхъ различныхъ русскихъ пароходовъ съ просьбою дать ему штурмана и механика для управленія катеромъ; но повсюду онъ получалъ въ этомъ отказъ. Наконецъ согласіе изъявили: третій помощникъ капитана парохода „Паванна“, лейтенантъ М. А. Боярский, который, какъ военный не находилъ возможнымъ отказываться, и механикъ того-же парохода Я. А. Медвѣдевъ“.

Здѣсь мы опять приводимъ строки, написанныя Михайломъ Александровичемъ за нѣсколько часовъ до его смерти. Вотъ какъ просто и скромно рассказываетъ онъ о томъ, какъ

онъ пошелъ на подвигъ, на который не отваживался идти никто изъ команды судовъ, стоявшихъ въ Потти и за который заплатилъ жизнью: „Не успѣлъ я отправить этого письма, какъ новое событіе уже прямо меня касающееся. Сегодня во время обѣда приходятъ два солдата пограничной стражи и говорятъ, что ихъ командиръ проситъ меня пойти съ нимъ на катеръ портовомъ за капитана, для поимки баркасовъ съ ружьями, всѣ отказываются идти, боятся мѣстныхъ жителей. Я сейчасъ же пошелъ на катеръ; оказывается, что оттуда сбѣжалъ капитанъ и вся команда за исключеніемъ машиниста и двухъ кочегаровъ, которыхъ успѣли арестовать, и тѣ отказываются работать; взяли мы съ нашего парохода еще механика и пошли прямо въ море, а потомъ слѣдовали вдоль берега; часа черезъ три увидали большой баркасъ подъ парусами, подойдя нѣсколько ближе начали свистать; тѣ спустили паруса, подошли, спрашиваемъ: какой грузъ? отвѣчаютъ: тотъ самый, что вамъ надо. Перевели всю команду къ себѣ на катеръ, заперли въ кубрикъ, а баркасъ взяли на буксиръ, тамъ оказалось до ста ящиковъ съ ружьями въ каждомъ ящикѣ по 20 шт. и тысячъ 100 патроновъ; пошли гнаться за другими баркасами, но наступившая темнота намъ помѣшала и мы должны были вернуться въ Потти, а на горизонтѣ видѣли до наступленія темноты еще два баркаса; встрѣтили меня на пароходѣ восторженно.

На другой день опять пошелъ на катеръ въ море, почти цѣлые сутки пробыли, но уже ничего не поймали, къ ночи очень засвѣжѣло и мы только къ 6 ч. утра добрались до пристани, измучились изрядно. На верху на цѣлую ночь я одинъ остался и капитанъ и рулевой и вахтенный начальникъ—всѣ рѣшительно укачались. Наши рабочіе и вообще всѣ туземцы злы на меня ужасно, а потому капитанъ хочетъ меня и механика перевести на другой пароходъ, первый пришедшій нашего общества. Я полагаю, что все это дѣло сослужить мнѣ хорошую службу, буду ждать какъ отзовется пограничное начальство и министерство финансовъ; грузъ попался очень хорошій, его оцѣниваетъ таможня собственно грузъ въ 50 тысячъ, да баркасъ тысячъ 5. Поживемъ—увидимъ, что изъ этого выйдетъ“.

Несчастный! онъ не подозрѣвалъ, что — *жить* ему оставалось едва нѣсколько часовъ, — а какъ отнеслось къ нему „пограничное начальство“ — увидимъ ниже.

Когда на другое утро — рассказываетъ корреспондентъ „Одесскихъ Новостей“ — на пароходѣ „Паванна“ возобновились грузовыя операціи, рабочіе выражали свое неудовольствіе по поводу участія моряковъ этого парохода въ ловлѣ военной контрабанды и не стѣсняясь угрожали, что тѣ будутъ убиты. Взволнованный этимъ капитанъ парохода Г. А. Макрецовъ отправился къ начальнику потійскаго порта и другимъ мѣстнымъ властямъ съ просьбой дать его экипажу охрану, но тѣ заявили, что *ничего подѣлать не могутъ*. Тогда лица экипажа „Паванны“ рѣшили охранять другъ друга общими силами, причемъ было обусловлено, что никто изъ нихъ не долженъ выходить на палубу одинъ. Но вопреки этому условію, помощникъ капитана лейтенантъ Боярскій 17 ноября, около 7 часовъ утра, когда наступила очередь его вахты, вышелъ изъ каюты на палубу одинъ. Къ нему подошли явившіеся на пароходѣ нѣсколько рабочихъ съ запросами по поводу его роли въ дѣлѣ розыска контрабанды. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разговоръ, казалось, велся рабочими спокойно. Но неожиданно одинъ изъ нихъ выхватилъ изъ кармана револьверъ, и вплотную подойдя къ лейтенанту Боярскому, выстрѣлилъ въ него въ упоръ.

Пуля, попавъ въ правый бокъ, прошла насквозь съ противоположной стороны черезъ печень. Раненый повернулся въ другую сторону, ища спасенія, и въ эту минуту рабочій произвелъ въ него другой выстрѣлъ въ спину, а затѣмъ пустилъ и третью пулю въ лѣвую руку. Обливаясь кровью, съ ужасными воплями и криками: „Меня убили, убили!“ Боярскій сталъ метаться по пароходной палубѣ. На крики вскочили изъ своихъ каютъ капитанъ и другія лица экипажа. Матросы подхватили было тяжело раненаго Боярскаго на руки, но изъ толпы, стоявшихъ на берегу разъяренныхъ рабочихъ имъ съ угрозами кричали: „бросьте, бросьте его, не надо его держать!“ и матросы уложили раненаго на палубу. Съ берега толпа начала стрѣлять въ четвертаго помощника капитана А. О. Калайда. Послѣдній отвѣчалъ вы-

стрѣлами изъ револьвера и ранилъ по его предположеніямъ убійцу Боярскаго.

Раненаго Боярскаго перенесли въ каюту 2-го помощника, гдѣ онъ въ 7 час. 45 мин. утра скончался. Передъ смертью онъ извинялся передъ капитаномъ за то, что, вопреки уговору, вышелъ одинъ на палубу. Затѣмъ онъ попросилъ передать отцу письмо, заранѣ имъ приготовленное.

Товарищи убитаго начали хлопотать о его похоронахъ, но ни гроба достать, ни священника вызвать оказалось невозможнымъ. Агентъ россійскаго общества отказался объ этомъ хлопотать, и вообще никто въ городѣ не соглашался принять участіе въ устройствѣ похоронъ, изъ опасенія места со стороны туземцевъ. Пароходъ „Паванна“ снялся изъ Поти и повезъ тѣло Боярскаго въ Новый Аeonъ. Но и тамъ игуменъ и монахи отказались хоронить убитаго и даже не соглашались совершить отпѣваніе тѣла на пароходѣ. Пришлось идти въ Новороссійскъ, гдѣ тѣло покойнаго было, наконецъ, предано землѣ.

Механикъ „Паванны“ Медвѣдевъ и 4-й помощникъ капитана г. Калайда, которымъ угрожала опасность, еще въ Поти были пересажены на пароходъ „Черноморъ“ и замѣнены другими лицами.

У капитана „Паванны“ Г. А. Макрецова, вслѣдствіе нережитыхъ волнень и нервнаго возбужденія, по пути въ Одессу произошло сильное кровоизліяніе въ лѣвомъ глазу, и ему угрожаетъ слѣпота.

Тревожень былъ рейсъ „Паванны“ въ Поти, но каково было обратное плаваніе! Это былъ какой-то кошмаръ. Точно „Летучій Голландецъ“ или сказочный корабль мертвецовъ— „Паванна“ по-истинѣ могла внушать ужасъ встрѣчнымъ судамъ. По невѣрнымъ волнамъ Чернаго моря со скрещенными реями и съ приспущеннымъ флагомъ, вдоль береговъ черноморскихъ, дышавшихъ измѣной и предательствомъ, малодушіемъ и трусостью, скитался несчастный корабль со своимъ мертвецомъ, и никто не хотѣлъ освободить его отъ ужаснаго груза. Не хотѣли принимать его трусливыя жалкія свѣтскія власти, уже повергнувшіяся ницъ передъ новыми владыками, дрожа за свою жалкую жизнь

и свои жалкіе достатки, не хотѣли принимать и отцы церкви, монахи, отречшіеся отъ міра, и которымъ, казалось-бы, нечего терять и искать на землѣ—некого бояться, не передъ кѣмъ дрожать—кромѣ суда Божьяго... Никто изъ нихъ не осмѣлился дать несчастному нѣсколько досокъ на гробъ—кусокъ полотна на саванъ—они отказывали ему въ молитвахъ и надгробномъ рыданіи, отказывали въ могилѣ, которую даже враги на войнѣ даютъ другъ другу...

Но коварный и трусливый внутренній врагъ, поражавшій беззащитныхъ, и послѣ смерти пылалъ той-же злобой и ненавистью даже къ бѣдному безсильному мертвому тѣлу и злобно не пускалъ его въ родную землю—точно чувствовалъ, что на такихъ вѣрныхъ костяхъ—„на костяхъ и крови“ мучениковъ и героев—какъ на крѣпкихъ несокрушимыхъ ребрахъ, удержится и устоитъ старая историческая храмина великой Россіи... И она устояла, она удержалась, несмотря на глушившее ее проклятое зелье, выросшее изъ драконовыхъ зубовъ—устояла и—вѣримъ—обновленная и разукрашенная—будетъ величаться и красоваться вѣчно!

Бочковъ, Иванъ Ивановичъ.

Младшій стражникъ Варшавской земской стражи, убитъ 7 ноября 1908 года.

Хотѣлось бы намъ получить фотографическую карточку этого безвѣстнаго героя, но приходится ограничиться лишь краткими біографическими данными, такими однако, что предъ нами встаетъ духовный образъ убитаго Ивана Бочкова.

„Увѣдомляю Русскій Народный Союзъ имени Михаила Архангела, что послѣ убитаго 7 ноября 1908 года младшаго стражника Вольскаго отдѣленія Варшавской пригородной Земской Стражи Ивана Бочкова фотографическаго снимка не осталось“.

Такова фраза оффиціального отношенія. Да, карточки не осталось, но память о мученикѣ долга должна остаться, она не умретъ, пока стоитъ православная русская Россія, за которую легли костями лучшіе ея сыны на западной окраинѣ... Одной изъ такихъ жертвъ, печальный списокъ которыхъ усердно пополняется поляками и нынѣ, почти ежедневно, былъ и Иванъ Ивановичъ Бочковъ, природный русскій челоувѣкъ, не только тѣломъ, но и духомъ. Крестьянинъ деревни Нижнедобринской, той же волости, Камышинскаго уѣзда Саратовской губерніи, онъ вступилъ въ ряды славной Императорской арміи рядовымъ и судьба привела его въ Привислянскій край, гдѣ онъ началъ службу въ Ивангородской крѣпостной артиллеріи и дослужился, какъ бравый, безстрашный и исполнительный нижній чинъ до должности старшаго фейерверкера. По увольненіи въ запасъ онъ не польстился занять спокойную и обезпеченную частную службу, а поступилъ на мѣсто земскаго стражника въ Андреевскомъ уѣздѣ, Келецкой губерніи, сравнительно безпокойное, опасное, требующее постоянныхъ разъѣздовъ и къ тому же плохо оплачиваемое, а у Ивана Ивановича была жена, не-

известно намъ, къ сожалѣнію,—были ли у него и дѣти—оффиціальныя свѣдѣнія ничего не говорятъ объ этомъ, а частныя—сообщаютъ только картину его смерти.. Въ скорбный 1905 годъ крамола подняла свою голову въ Царствѣ Польскомъ, начались манифестаціи, забастовки, убійство чиновъ администраціи, въ буквальномъ смыслѣ этого слова—разстрѣлъ всего вѣрнаго русской государственности.. И высшіе и низшіе чины гибли безстрашно, самоотверженно на своихъ сторожевыхъ постахъ въ краѣ, не за страхъ, а за совѣсть исполняя присягу, неся службу Государеву...

Въ этотъ годъ мы видимъ Ивана Бочкова переведеннымъ на ту же должность въ Польское пригородное отдѣленіе Варшавской Земской Стражи, куда онъ былъ зачисленъ 1 января. Что пришлось ему перетерпѣть въ этотъ годъ, сколько опасностей перенести? Вѣроятно, не мало—скажетъ всякій, знакомый съ тяжелыми условіями полицейской службы въ Привислянскомъ краѣ, посреди враждебно настроеннаго ко всему русскому населенію. Тѣмъ болѣе это долженъ былъ испытывать Бочковъ, имѣвшій честь носить русской полицейской мундиръ,—испытывать и оставаться стойкимъ исполнителемъ служебнаго долга! Что онъ былъ именно такимъ стойкимъ исполнителемъ долга показываютъ обстоятельства его смерти.

7 ноября 1908 года около 7 часовъ вечера Бочковъ совместно съ другимъ младшимъ стражникомъ предпринялъ обходъ своего участка въ с. Воля, гмины Гисте, Варшавскаго уѣзда. Встрѣтивъ около православнаго кладбища трехъ чрезвычайно подозрительнаго вида субъектовъ, Бочковъ съ товарищемъ, исполняя долгъ службы, хотѣли задержать ихъ... Очевидно, подозрѣнія ихъ были весьма основательны, потому что на окрикъ Бочкова съ требованіемъ поднять руки вверхъ—неизвестные злоумышленники отвѣтили залпомъ изъ револьверовъ, причемъ Бочковъ былъ убитъ пулями браунинга наповалъ, а товарищъ его раненъ въ лѣвую щеку и правый бокъ и упалъ безъ сознанія. Преступники, конечно, скрылись благополучно, унеся съ собою казенный револьверъ Бочкова. На этомъ кончается грустная исторія.

Бочковъ погибъ, унесена еще одна человѣческая жизнь,

унесена потому, что живущій помѣшалъ какому то злодѣйскому замыслу—подготавливавшемуся покушенію, экспроприации и т. п., потому что земскій стражникъ есть небольшое, но крѣпкое орудіе ненавистнаго смутѣ государственнаго порядка, незамѣтная, но вѣрная опора и охрана общественнаго спокойствія и безопасности. Кто знаетъ, не этимъ ли маленькимъ людямъ обязаны мы всецѣло тѣмъ, что не было поднято Польшей знамя открытаго бунта? Вотъ почему великая Россія можетъ и должна сказать, что она никогда не забудетъ именъ тѣхъ своихъ дѣтей, что кровью своей залили разгоравшійся на западной окраинѣ пожаръ, а молодая Россія должна учиться и привыкать смотрѣть на полицейскій мундиръ съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ, котораго онъ вполне достоинъ наравнѣ съ военнымъ... Вотъ на какія мысли наводитъ насъ жизнь и смерть Ивана Бочкова.

Спи съ миромъ, страдалецъ,—съ миромъ потому, что пришелъ ко престолу Господа Бога *отъ великой скорби*, и—вѣримъ—успокоить онъ тебя въ селеніяхъ праведныхъ.

Полковникъ Анатолий Андреевичъ Ивановъ.

Начальникъ С.-Петербургской одиночной тюрьмы. Убитъ 13 августа 1907 года.

Полковникъ Анатолий Андреевичъ Ивановъ происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи и родился 11 ноября 1852 г. 10-ти лѣтъ онъ уже былъ оторванъ отъ родной семьи. Въ тѣ времена военная фура, съ офицеромъ и солдатами, разѣвжала въ урочное время по штабъ-квартирамъ и забирала дѣтей школьнаго возраста, которыхъ родители желали отдать въ военноучебныя заведенія. Въ числѣ такихъ дѣтей оказался и маленькій Толя.

Въ продолженіе 7-ми лѣтъ обученія въ Михайловской воронежской военной гимназіи и 2-хъ лѣтъ во 2-мъ военномъ Константиновскомъ училищѣ онъ не былъ въ отпуску...

не къ кому было! И только въ послѣдній годъ предъ выпускомъ въ офицеры одинъ изъ преподавателей на вакаціонное время взялъ его къ себѣ на дачу.

Любимый начальниками и товарищами, Анатолій Андреевичъ хранилъ о гимназіи наилучшую память, но много пережила и передумала одинокая душа юноши за эти годы, и до конца жизни не забывалъ Анатолій Андреевичъ горькихъ впечатлѣній дѣтскаго одиночества. Въ его домѣ не переводились кадеты и юнкера-сироты, которыхъ онъ не отличалъ отъ своихъ дѣтей, бралъ въ свою семью на всѣ отпуска и на дачу на все лѣто, давалъ имъ карманныя деньги, шилъ на свой счетъ сапоги и платье.

Эта сострадательность къ сиротству, бѣдности и чужому горю составляла главную черту его характера, которая отражалась и на всей его служебной дѣятельности.

Въ 1872 году, съ производствомъ въ офицеры, Анатолій Андреевичъ началъ военную службу, быстро заслуживъ репутацію дѣльнаго, исправнаго и боеваго офицера. Черезъ 3 года онъ командуетъ 3-й стрѣлковой ротой Мингрельскаго полка, поручикомъ занимаетъ должность начальника учебной команды и за успѣшную дѣятельность на полевыхъ занятіяхъ удостоивается Монаршей милости въ Высочайшемъ приказѣ.

Войну 1877—1878 г. онъ провелъ въ должности полковаго адъютанта, будучи единственнымъ офицеромъ изъ всего полка, за все время войны не выбывавшимъ изъ строя. Ордена и производство въ чинъ штабсъ-капитана за отличіе въ бояхъ противъ турокъ подчеркиваютъ доблестную службу Анатолія Андреевича въ рядахъ славной кавказской арміи. За это время онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ, орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, и за особые труды, понесенные во время военныхъ дѣйствій Засаганлугскаго отряда въ блокадѣ г. Эрзерума, зимою 1877—1878 г., былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ мечами.

Послѣ женитьбы (4 мая 1879 г.) Анатолій Андреевичъ взялъ двухъ-мѣсячный отпускъ и поѣхалъ на хуторъ, въ

имѣніе жены, въ Ставропольской губ., имѣніе Высочайше пожалованное отцу его жены, за труды, понесенные въ сферѣ дѣятельности по освобожденію крестьянъ. На хуторѣ Анатолій Андреевичъ энергично готовился къ экзаменамъ въ Юридическую Академію. Возвратившись, по истеченіи срока отпуска, молодая чета была поражена увѣдомленіемъ изъ Петербургскаго Поземельнаго Кредита о назначеніи земли къ продажѣ съ торговъ за недоимки, т. е. невзносъ процентовъ. Тутъ только впервые мужъ и жена узнали, что земля была заложена, хотя и за пустую сумму. Такое невѣдѣніе объясняется молодостью лѣтъ наслѣдницы (безъ малаго 16 л.) и небрежностью лицъ, окружавшихъ круглую сироту. Душеприказчикъ отказался отъ своей роли. Женившись Анатолій Андреевичъ долженъ былъ принять на себя обязанности мужа и попечителя граждански несовершеннолѣтней жены своей. Вопросъ стоялъ ребромъ: отпускъ не могъ быть разрѣшенъ, оставалось взвѣсить, что лучше: оставить службу и ѣхать въ Петербургъ спасать имѣніе, или предоставить его на волю Божію и удовольствоваться скуднымъ офицерскимъ бюджетомъ. Было рѣшено ѣхать въ столицу, выручать имѣніе. Въ совершенно чужомъ городѣ, при отсутствіи знакомыхъ—хлопоты о спасеніи земли не увѣнчались успѣхомъ... И въ одинъ роковой день были получены сразу два пакета: увѣдомленіе о состоявшейся продажѣ съ торговъ имѣнія и указъ объ отставкѣ!.. При этомъ земля была продана за бездѣнокъ, такъ какъ не нашлось солидныхъ покупателей земли на окраинѣ. Отъ продажи очистилось тысячи полторы. Семья увеличилась сыномъ. Было надъ чѣмъ призадуматься... Пришлось нѣсколько лѣтъ жить литературной работой. Семья, тѣмъ временемъ, еще увеличилась вторымъ сыномъ. Поиски службы вѣрнаго слуги Царя и Отечества, имѣвшаго уже за собой боевыя отличія, оставались тщетными... Положеніе становилось отчаяннымъ. Тутъ единственное, что дало силы вынести и пережить положеніе, было—глубокое чувство любви, единенія и взаимная нравственная поддержка супруговъ. Весь трудъ и по хозяйству, и съ дѣтьми, и въ работѣ литературной дѣлился между супругами дружно.

Потомъ работа стала прибывать. Работали въ „Нивѣ“, въ „Гражданинѣ“, въ календаряхъ г. Гоппе, въ „Пет. Листкѣ“, „Модномъ Свѣтѣ“, была и случайная работа. Покойный редакторъ „Нивы“ Ф. Н. Бергъ, душевный и добрѣйшій человекъ, однажды заинтересовался узнать у Аделаиды Θεодоровны, что заставляетъ ее такъ усиленно работать и искать работы. „Работаю вмѣстѣ съ мужемъ, онъ безъ мѣста уже не первый годъ... двое дѣтей“... Разговорились. Ф. Н. заволновался. „Но, вѣдь, это ужасно!.. Вотъ письмо къ Грессеру (тогда—градоназначнику), пусть идетъ къ нему; другого я, пока, ничего не придумаю... тамъ видно будетъ“... Черезъ 2—3 дня, 6 июля 1885 г., Анатолій Андреевичъ былъ принятъ въ штатъ столичной полиціи съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ. Впослѣдствіи случилось такъ, что генералу Ерофееву нуженъ былъ старшій помощникъ (ген. Ерофеевъ былъ тогда Начальникомъ дома предварительнаго заключенія); онъ обратился къ покойному полицмейстеру Дубисѣ-Крачеку, прося его рекомендовать надежнаго офицера изъ своего штата. Рекомендація пала на Анатолія Андреевича и 31 августа 1887 г. онъ принялъ предложенное ему мѣсто старшаго помощника начальника С.-Петербургскаго дома предварительнаго заключенія; 9 июля 1890 г. былъ назначенъ начальникомъ С.-Петербургской пересыльной тюрьмы; 20 февраля 1901 г.—начальникомъ С.-Петербургскаго дома предварительнаго заключенія, и наконецъ, 14 июля 1903 г.—начальникомъ С.-Петербургской одиночной тюрьмы. Всего по тюремному вѣдомству Анатолій Андреевичъ прослужилъ безъ 18 дней 20 лѣтъ, и на этой службѣ нашель свою преждевременную, трагическую кончину.

На новомъ поприщѣ дѣятельности, какъ и на военной службѣ, Анатолій Андреевичъ весь отдавался служебному долгу, отличаясь чрезвычайной скромностью въ своихъ личныхъ потребностяхъ. Онъ былъ главой семьи патриархальнаго типа, добраго стараго времени, семьи сплоченной, дружной, богобоязненной, и жилъ лишь для дѣла, службы и родной семьи. За 33 года службы онъ пользовался, въ совокупности, только 7 мѣсяцами отпуска. Нигдѣ не бывая ни въ обществѣ, ни у знакомыхъ, онъ разрѣшалъ

себѣ лишь ежедневную прогулку въ теченіе полутора часа, съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ дѣтей, когда потушенные огни во всемъ зданіи тюрьмы говорили, что жизнь въ ней заснула.

Небольшой досугъ свой, не зная даже полного праздничнаго отдыха, полковникъ, не терпя праздности, посвящала ручному труду за столярнымъ станкомъ и былъ настоящимъ столяромъ-краснодеревцемъ. Глядя на прекрасныя вещи его работы, работы—отдыха отъ тяжелой службы, въ замѣнъ свѣтскихъ развлеченій, за послѣднія 10—12 лѣтъ, составляющей и по сей часъ всю почти обстановку его сиротѣлаго гнѣзда, трудно повѣрить, что все это работа интеллигента. Немногихъ своихъ знакомыхъ онъ принималъ въ мастерской въ рабочемъ фартукѣ, не выпуская изъ рукъ пилы или рубанка.

Трудоспособность его была изумительна. Вечеромъ, когда затихала жизнь въ его семьѣ, изъ мастерской полковникъ шелъ въ свою комнату и здѣсь до поздней ночи занимался письменной работой по своей должности, часто по особому порученію Главнаго Тюремнаго Управленія. Въ 7 час. утра полковникъ былъ уже на ногахъ.

Чтобы показать, какъ во все вникалъ Анатолій Андреевичъ самъ и насколько разнообразна была его работа и забота о своемъ дѣлѣ, можно упомянуть о замкахъ, изготовленныхъ по его указаніямъ. Этихъ замковъ-уникусовъ существуетъ три типа. Кромѣ того есть форточныи затворъ и особенный электрическій звонокъ въ дверяхъ тюремныхъ камеръ, тоже его комбинаціи. Все это имѣетъ примѣненіе въ мѣстахъ заключенія Петербурга, Одессы, Кіева, Вильны, Орла, Елизаветграда и др. городовъ; образцы изготовлены подъ его наблюденіемъ въ мастерской вѣрренной ему тюрьмы, но, къ сожалѣнію, не носятъ его имени.

Послѣднею работой Анатолія Андреевича, порученной ему начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія, тайнымъ совѣтникомъ Максимовскимъ, былъ капитальный проектъ объ измѣненіи образцовъ арестантской одежды и выработкѣ мѣръ къ нормальному раскрою ея, который явился бы руководящимъ указателемъ для начальниковъ мѣстъ заключенія. По образцамъ его работы, въ видѣ опыта,

было введено одежное довольство въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ Варшавы, Риги, Харькова, а также въ Царскосельской тюрьмѣ.

Это первый случай, когда работа подобнаго рода, обыкновенно возлагаемая на центральное учрежденіе въ лицѣ инспекторовъ, была исполнена, и притомъ блестяще, начальникомъ тюрьмы.

Полковникъ Ивановъ за станкомъ.

Занятый усиленными трудами по должности, Анатолій Андреевичъ находилъ еще время и для общественной дѣятельности, въ выборѣ которой онъ руководился лишь личной симпатіей и которая вполнѣ соответствовала его сострадательному сердцу. Онъ принялъ званіе почетнаго члена и предсѣдателя строительной комиссіи общества „Ясли“, находящагося подъ высокимъ покровительствомъ Великой Княгини Ксеніи Александровны. Дома общества „Ясли“ на 3-й улицѣ Песковъ и въ Галерной гавани (и доходный домъ общества на 3-й же улицѣ Песковъ) выросли подъ непо-

средственнымъ его наблюденіемъ, съ устройствомъ жилья новаго типа, вполне удовлетворяющаго требованіямъ рациональнаго возвращенія и воспитанія безпомощнаго и покинутаго ребенка съ двухнедѣльнаго возраста.

Трудна была задача строителя... Имѣя отъ Общества на рукахъ лишь 9 тысячъ рублей, онъ создалъ постройку въ 50 тыс. руб. Сожалѣемъ, что у насъ нѣтъ цифръ остальныхъ построекъ Анатолія Андреевича, которыя сохраняютъ тоже процентное отношеніе. Онъ умѣлъ изыскать средства, заинтересовывая и привлекая къ дорогому его сердцу дѣлу жертвователей-строителей, которые доставляли, по смѣтамъ архитектора, матеріалъ натурой, или содѣйствовали работѣ личнымъ трудомъ. Почти всю обстановку для перваго убѣжища общества „Ясли“ Анатолій Андреевичъ сдѣлалъ собственноручно и на личные средства, въ лѣтніе мѣсяцы 1900 года, когда мирное время давало больше, вообще скуднаго, досуга начальнику тюрьмы.

Какъ недостатки, такъ и достоинства начальника прежде всего обнаруживаются въ его отношеніи къ подчиненнымъ. Отношеніе къ нимъ Анатолія Андреевича было не только справедливымъ и гуманнымъ, но и проникнуто христіанской любовью, заботливостью и попеченіемъ. Желая всѣми возможными для него средствами поощрить и облегчить тяжелую службу чиновъ тюремнаго надзора, Анатолій Андреевичъ основалъ фондъ, изъ котораго надзиратели могли кредитоваться въ затруднительныя минуты жизни; устроилъ имъ дешевую столовую и лавку съ доброкачественными продуктами первой необходимости по цѣнамъ ниже существующихъ въ городѣ, разъ въ мѣсяцъ—туманныя картины историческаго характера съ пояснительнымъ чтеніемъ (тоже и для питомцевъ тюрьмы) и вечеринки съ танцами, чаемъ и сладостями. Дѣти младшихъ служащихъ тюрьмы пользовались особеннымъ его вниманіемъ и заботами: онъ устроилъ для нихъ бесплатную школу и ежегодную елку, на которую всегда прибавлялъ „копѣйку“ изъ своихъ средствъ; катки, гимнастика и качели тоже не были забыты для дѣтей служащихъ. Садики и цвѣтники, разбитые по тюремнымъ дворамъ, давали мѣсто пріятнаго отдыха и прогулки

семьямъ служащихъ и отдыхъ истомленнымъ глазамъ заключенныхъ. Въ его карманахъ никогда не переводились леденцы, и едва онъ выходилъ въ садикъ при тюрьмѣ, какъ ребяташки, дѣти надзирателей и дворниковъ, обступали его, зная, что у начальника (такъ дѣти звали Анатолія Андреевича) для нихъ неистощимъ запасъ леденцовъ, что онъ имъ скажетъ ласковое слово и раздѣлитъ съ ними ихъ дѣтскія радости и печали.

Полковникъ Ивановъ въ саду.

Но доброта, отзывчивость и сострадательность Анатолія Андреевича къ чужому горю особенно проявлялись въ его отношеніяхъ къ своимъ „питомцамъ“, какъ называлъ онъ заключенныхъ. Это были нерѣдко не закоренѣлые злодѣи, а пасынки судьбы, жертвы роковыхъ увлеченій или злостныхъ обмановъ неопытной юности. Но въ глазахъ Анатолія Андреевича всѣ они были дѣти горя и страданія, и на сколько горе людское облегчается участіемъ сострадательной души—судьба не могла дать имъ лучшаго начальника-отца.

Онъ не только соболѣзновалъ, но страдалъ и мучился за своихъ „питомцевъ“. Недаромъ въ числѣ вѣнковъ, возложенныхъ на его могилу, есть вѣнокъ высокой цѣнности съ надписью на лентахъ: „Отъ благодарныхъ родителей заключеннаго“... Бывало, часто, не имѣя права дать свиданіе изстрадавшейся матери, женѣ или отцу, въ неурочное время пріѣхавшимъ издалека на зовъ родной страдающей души, Анатолій Андреевичъ поздно вечеромъ самъ шель къ заключенному обрадовать его радостной вѣстью свиданія съ близкими.

Принимая на себя только долгъ заботы и состраданія къ „питомцамъ“, а не право суда надъ ними, онъ глубоко скорбѣлъ и о тяжкихъ преступникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни и, сдавая ихъ другимъ властямъ и прощаясь съ ними, осѣнялъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ слезъ.

Онъ посылалъ къ осужденнымъ на смерть своего сына-юношу „побыть съ ними, отвлечь отъ тяжелой мысли, спросить не хотятъ ли чего, выслушать ихъ послѣднія желанія“... Какой глубокой вздохъ вырывался изъ его груди, когда къ нему приходила мать, невѣста или сестра заключеннаго, умоляя со слезами лишь сказать имъ, живъ ли и здѣсь ли дорогой имъ человѣкъ, а онъ или не имѣлъ права однимъ словомъ облегчить ихъ муки (о подслѣдственныхъ политическихъ преступникахъ справокъ не дается), или не хотѣлъ увеличить ихъ, открывши истину, что человѣка, о которомъ терзаются любящія сердца, уже нѣтъ въ живыхъ!..

Напряженность и тяжесть службы за послѣдніе годы, по должности начальника С.-Петербургской одиночной тюрьмы, была неимоверна. Дружескія сердца, какъ и онъ, посвятившія свою жизнь облегченію участи страждущихъ, находили нужнымъ поддержать его: „Другъ мой, говорила ему не разъ Княгиня Марія Михайловна Дондукова-Корсакова, терпите, черпайте силы въ сознаніи, какъ многимъ облегчаете вы муки заключенія“.

Однако не одно бремя состраданій налагали на Анатолія Андреевича его питомцы: они доставляли ему и минуты счастья. Это бывало, когда ему путемъ хлопотъ и „ухищре-

ній“, удавалось дать движеніе дѣлу „забытых“, за массою ихъ, заключенныхъ, доходящихъ до отчаянія въ полномъ невѣдѣніи своей судьбы,—особенно же, когда заключенные получали свободу. Для бѣдняковъ изъ такихъ счастливыхъ питомцевъ Анатолій Андреевичъ на собственные средства выдавалъ цѣлый запасъ аммуниціи—платье, сапоги, шапки, и послѣ своей преждевременной смерти оставилъ семьѣ, вмѣсто денегъ, внушительную пачку квитанцій на купленные для освобождаемыхъ заключенныхъ вещи...

Но мягкость и отзывчивость сердца только облагораживали, а не колебали твердости и строгости отношеній Анатолія Андреевича къ служебному долгу. Онъ неоднократно получалъ „предупрежденія“ отъ негодяевъ подпольной революціи и, выслушавъ совѣты оставить службу, не допускалъ и мысли покинуть отвѣтственный постъ въ годину тяжелыхъ переживаній Родины. Онъ не окружалъ себя охранительнымъ конвоемъ и отказался носить панцырь, привыкнувъ открытой, незащищенной грудью встрѣчать непріятеля въ славныхъ рядахъ русскихъ войскъ.

Въ сношеніяхъ съ политическими арестованными много требовалось терпѣнія и тактичности отъ начальника тюрьмы. Ихъ родственники и они сами не считались съ рамками служебныхъ правъ начальника и съ имѣющимися инструкціями, правилами, установленнымъ режимомъ. Существуетъ много подробностей въ требованіяхъ относительно заключенныхъ, которыя на поверхностный взглядъ кажутся напраснымъ и пустымъ стѣсненіемъ. Напримѣръ, не позволяется пользоваться текущими газетами, журналами и т. под. Въ другихъ тюрьмахъ, чтобы ладить съ безпокойнымъ элементомъ, допускали отступленія, смотрѣли сквозь пальцы, дѣлали видъ, что не замѣчаютъ нарушенія правилъ. Анатолій Андреевичъ не могъ поступиться своимъ долгомъ ради своего спокойствія, и несоблюденіе, неисполненіе одинаковаго режима во всѣхъ петербургскихъ тюрьмахъ порождало предположеніе, что притѣсненія происходятъ отъ самого начальника, тогда какъ онъ лишь исполнялъ указанія и предписанія закона, въ то время, какъ другіе попустительствовали.

Издавна замѣчено, что благороднымъ душамъ и высокимъ характерамъ свойственна особая довѣрчивость: они не могутъ ни понять, ни представить той степени безумія, злобы и испорченности, до какой можетъ упасть низкая душа. Анатолий Андреевичъ зналъ и видѣлъ примѣры наглости, гнусности и звѣрства „современныхъ „освободителей“, руководимыхъ жидовствомъ, но его благородный умъ отказывался вмѣстить мысль, что это часто уже не люди, а изверги.

За три дня до своей мученической кончины Анатолий Андреевичъ сказалъ покойному А. М. Максимовскому:

„Ваше Высокопревосходительство, несоблюденіемъ одинаковаго режима во всѣхъ Петербургскихъ тюрьмахъ, Вы подводите меня подъ разстрѣлъ“...

На опасенія близкихъ людей, что онъ можетъ быть убитъ, Анатолий Андреевичъ простодушно отвѣчалъ:

„За что меня убивать“?

Вотъ характерныя заблужденія благороднаго ума! „Неодинаковый режимъ подводитъ меня подъ разстрѣлъ“... Ему хотѣлось вѣрить, что не можетъ быть убійствъ дикихъ, бессмысленныхъ, звѣрскихъ. Но если люди способны разстрѣлять человѣка за „неодинаковый режимъ“, въ которомъ онъ неповиненъ, то развѣ не нашли бы они повода разстрѣлять его и при одинаковомъ режимѣ?! „За что меня убивать?“..

Такъ выражается благородная увѣренность, что люди въ столь страшномъ вопросѣ, какъ человѣческая жизнь, не могутъ постановлять рѣшеній внѣ сознанія справедливости. Но развѣ тысячи лучшихъ русскихъ людей убиты „за что“?! Женщины и дѣти, глубокіе старцы, солдаты на охранѣ, родовые на постахъ—развѣ убиты „за что“?

Даже молодой человѣкъ—репетиторъ дѣтей Анатолія Андреевича, свѣтлая, незараженная безуміемъ мнимыхъ „благодѣтелей Отечества“ личность, получалъ угрожающія письма съ требованіемъ оставить работу у „тюремщика“ и доставить извѣстную сумму изъ заработка на пѣли с.-р. партіи, подъ угрозой быть избитымъ, при чемъ указывалась плата за репетиторство въ 75 руб., тогда какъ въ дѣйствитель-

ности она была всего лишь въ 25 руб. въ мѣсяць при ежедневныхъ занятіяхъ. Но молодой человѣкъ не побоялся угрозъ, а послѣ смерти Анатолія Андреевича предлагалъ продолжать занятія безвозмездно. Оскорбительныя клички и угрозы сыпались и на подростковъ-дѣтей Анатолія Андреевича изъ оконъ тюрьмы невѣдущими, что творять, безумцами, совершенно не дававшими себѣ отчета, при чемъ же тутъ дѣти? Въ анонимныхъ письмахъ дѣтямъ значилось, что если они не будутъ вліять на отца въ пользу политическихъ преступниковъ, то будутъ жестоко избиты...

Но мы хорошо понимаемъ, почему тебя, незабвенный Анатолій Андреевичъ, могли убить и убили: какъ вѣрно-подданный, ты служилъ своему Самодержавному Государю и Родинѣ, а не насаждалъ „конституціоннаго строя“, предавая Родину жиду и инородцу... Какъ православный христианинъ, ты провожалъ осужденныхъ на казнь крестнымъ знаменіемъ, а надобно было снабжать ихъ динамитомъ, браунингами и бомбами: они бы перестрѣляли надзирателей и солдатъ и получили свободу для новыхъ экспроприацій и убійствъ... Какъ русскій солдатъ и благородный дворянинъ, ты твердо стоялъ на своемъ опасномъ посту, а надобно было „взять отпускъ“ или уступить свое мѣсто „дворянину іерусалимскому“...

Такъ дѣлали и дѣлають другіе начальники—и остаются живы, и возвышаются, и продолжаютъ получать чины и награды, а послѣ смерти оставляють семьямъ округленные капиталы, а не пачки квитанцій на купленную для бѣдныхъ заключенныхъ аммуницію!..

13 августа 1907 г., около 12 съ половиною часовъ дня, подъ воротами главнаго входа въ С.-Петербургскую одиночную тюрьму находилось нѣсколько человѣкъ, ожидающихъ часа пріема. Одинъ изъ нихъ, казалось, мирно спалъ, растянувшись на скамьѣ. Какъ только Анатолій Андреевичъ прошелъ мимо, направляясь къ себѣ на квартиру, другой изъ ожидающихъ обратился къ лежавшему на скамьѣ со словами: „Пора встать“!

Мнимо спавшій быстро вскочилъ, побѣжалъ и сталъ цѣлить изъ браунинга въ спину Анатолія Андреевича, уже

подошедшаго къ дверямъ своей квартиры. Одновременно раздался окликъ городского: „Полковникъ, берегитесь“!

Полковникъ обернулся на окликъ... и принялъ пулю прямо въ сердце. Смерть была моментальная. Анатолий Андреевичъ упалъ не вскрикнувъ.

Надзиратели внесли бездыханное тѣло въ квартиру и положили на кровать. Не было нигдѣ видно ни капли крови. Это дало нить надежды—не хватало силъ вѣрить, что все кончено...

Добрѣйшій А. М. Максимовскій былъ первымъ у тѣла своего вѣрнаго сотрудника. Онъ долго и молча стоялъ въ глубокой задумчивости надъ полной невыразимой скорби картиной. Немедленно прибылъ и врачъ. Мысль, что это лишь обморокъ, заставила дочь Анатолия Андреевича броситься бѣжать за другомъ отца, докторомъ С. Но добѣжавъ до угла Тихвинской ул., молодая дѣвушка, вдругъ оглушенная выстрѣломъ надъ головой, упала на панель: это убійца ея отца, стоя на извозчикѣ, мчался, отстрѣливаясь на всѣ стороны, и одна изъ пуль, чуть не положивъ на мѣстѣ дочь покойнаго, врѣзалась въ стѣну на вершокъ выше ея головы.

Больше полугода молодая дѣвушка вздрагивала при малѣйшемъ стукѣ и страдала нервнымъ расстройствомъ *).

Одинъ изъ сыновей покойнаго, его юноша-другъ, все свободное время не оставлявшій отца и слѣдовавшій за нимъ, какъ тѣлохранитель, всегда сопровождалъ его отъ квартиры до тюрьмы и обратно, и въ силу лишь случайности, какъ разъ въ этотъ день не могъ быть при отцѣ.

*) Убійца пытался бѣжать, вскочивъ на извозчика, съ котораго потомъ соскочилъ, но былъ настигнутъ погоней частныхъ лицъ и водворенъ въ тюрьму, начальника которой только что убилъ. Арестованные и нижніе чины надзора просили убрать его изъ этихъ стѣнъ. Въ ночь съ 14 на 15 августа онъ былъ повѣшенъ. Соучастникъ, который указалъ ему на полковника, не былъ разысканъ. Организаторъ этого звѣрскаго и бессмысленнаго убійства, членъ «легучаго отряда партіи с.-р. сѣверной области», занимавшійся выработкой плана убійствъ представителей высшей власти, Альбертъ Траубергъ, казненъ зимой 1908 г.

Этот юноша едва не лишился разсудка, и только усиленные наблюденія и совѣты невропатолога помогли, спустя годъ, молодому организму справиться со страшнымъ ударомъ.

Покойный похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ, близъ памятника финляндцевъ. Въ завѣтные дни его памяти дѣти пріюта „Ясли“, своими чистыми, стройными голосами, поютъ вѣчную память тому, кто такъ любилъ ихъ, умѣлъ обласкать пошутить и дать имъ сластей.

Послѣ покойнаго остались дочь, четыре сына и вдова. Они остались безъ всякихъ средствъ къ жизни, но по ходатайству начальника Главнаго Тюремнаго Управленія, А. М. Максимовскаго, и Министра Юстиціи осиротѣвшая семья обезпечена пенсіей, усиленной съ Монаршаго соизволенія. По возвращеніи своемъ изъ-за границы, А. М. говорилъ вдовѣ покойнаго: „Ничья, ничья смерть не поразила меня больше!.. Я беру семью Анатолія Андреевича подъ свое непосредственное покровительство, и пока я живъ, она не будетъ страдать хоть съ матеріальной стороны. Будучи въ отпуску, я не имѣлъ покоя отъ мысли: что если кромѣ нравственной пытки семья Анатолія Андреевича еще терпитъ и матеріальныя лишенія“?!. Безуміе вѣка отняло у многихъ „изъ малыхъ силъ“ и эту чудную личность *)!..

Остроумный, добродушный, отзывчивый А. Андреевичъ пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ своихъ близкихъ знакомыхъ. Знавшія его сердца «обидимыхъ и страждущихъ» и донныѣ влекутся за утѣщеніемъ на его могилу. Одинъ изъ потерпѣвшихъ сослуживцевъ покойнаго, не разъ бывавшій свидѣтелемъ его гуманности и справедливости, въ минуту горя и отчаянія былъ найденъ на его могилѣ, выплакивающимъ свою наболѣвшую душу. 9-го августа минувшаго года въ изголовьи могилы, у креста, среди зелени вѣнковъ, близкіе покойнаго нашли бумажку, на которой стояло:

*) А. М. Максимовскій также погибъ отъ крамолы: см. «Вн. Скорби» вып. 1-й, стр.

«Лучшему из людей.

У этого честнаго гроба,
Подъ этимъ могильнымъ холмомъ,
Пусть молкнутъ и зависть и злоба,
Лавровымъ смѣннвшимся вѣнкомъ».

Подписи нельзя было разобрать. Эти трогательныя строки семья покойнаго рѣшила помѣстить, какъ эпитафію, на памятникѣ усопшаго и какъ актъ ея благодарности чьей-то доброй чуткой душѣ.

Не пустымъ исполненіемъ принятаго обычая, а выраженіемъ искренней признательности и уваженія со стороны чиновъ надзора было поднесеніе ему образа Спасителя послѣ непродолжительной службы старшимъ помощникомъ дома предварительнаго заключенія. При переходѣ изъ пересыльной тюрьмы на должность начальника дома предварительнаго заключенія Ан. Андреевичъ снова почтень былъ отъ низшихъ чиновъ образомъ Спасителя и при переходѣ изъ дома предварительнаго заключенія на должность начальника оди-ночной тюрьмы — серебряной чернильницей отъ сослуживцевъ.

Нельзя не пожалѣть, что мѣсто, гдѣ палъ вѣрный Царскій слуга, не отмѣчено доской въ стѣнѣ дома съ датой его безвременной кончины.

Гнусный убійца хотѣлъ поразить его взади, но, по смыслу и принципу всей жизни, ему прилчествовало «встрѣтить смерть лицомъ къ лицу», и онъ успѣлъ обернуться къ убійцѣ незащищенной грудью и принять пулю въ открытое сердце, какъ доблестный воинъ Русскаго Царя. Мнится, въ томъ была благая воля Провидѣнія, что почившій, жизнь, котораго состояла въ подвигѣ состраданія, пораженъ предательскою пулею въ самое сердце: мнится, будто это сердце увѣнчано мученическимъ вѣнцомъ, какъ высшею наградою за многолѣтній подвигъ...

Невыразимо горе осиротѣвшей семьи, которая лишилась вѣжнаго друга, любящаго и попечительнаго отца. Но велико и ея утѣшеніе въ сознаніи исполненнаго пѣчнвшимъ долга земной жизни передъ Богомъ, Государемъ, ближними и Родиной.

„Въ темницѣ бѣхъ—и посѣтите Мене“, скажетъ Христосъ по Своему обѣтованію избраннымъ для Царства Его вѣрующимъ, которые посвятили жизнь свою облегченію участи сирыхъ и страждующихъ.

И въ числѣ сихъ избранныхъ будетъ и почившій **Анатолій Андреевичъ**.

Миръ праху твоему, истинный сынъ Родины и вѣрный слуга Государя! Да будутъ дѣти твои достойны тебя и всѣ сыны Земли Русской подобны тебѣ.

Усердная служба **Анатолія Андреевича** по тюремному вѣдомству была поощрена съ высоты Престола орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

Могила Полковника Иванова.

Василій Николаевичъ Радинъ.
Почтово-телеграфный чиновникъ.

Василій Григорьевичъ Плетенкинъ.
Младшій стражникъ Жиздринскаго уѣзда.

Оба убиты 15 ноября 1908 г. въ селѣ Песоченскомъ.

Въ глухую полночь 14 ноября 1908 года, въ теплушкѣ на каткѣ въ селѣ Песоченскомъ заводѣ, Жиздринскаго уѣзда, Калужской губерніи, происходило таинственное совѣщаніе, мастеровыхъ означеннаго завода. На этомъ совѣщаніи разрабатывался планъ ограбленія почты, отправляемой изъ почтово-телеграфнаго отдѣленія на станцію „Песочня“ узкоколейной Мальцовской желѣзной дороги.

Мысль о возможности ограбленія почты возникла у мастеровыхъ Николая Дынина и Ивана Толкачева, которые, задумавъ это дѣло, пригласили для участія въ немъ своихъ односельчанъ: Алексѣя Тихонова, Петра Толкачева, Михаила

Чугуненкова, Петра Потапова, Григорія Ящерицына, Ивана Калинина, Михаила Соколова и Александру Мосалову, она же Миллионщикова.

Всѣ означенные лица, согласившись принять участіе въ задуманномъ ограбленіи, собрались на вышеназванное совѣщаніе въ теплушкѣ, гдѣ установили время, и самое мѣсто нападенія на почту и подробно распредѣлили роли всѣхъ участниковъ грабежа.

Согласно выработанному плану нападеніе рѣшено было произвести на слѣдующій день, 15 ноября, въ самой глухой улицѣ на окраинѣ с. Песоченскій Заводъ, гдѣ и собрались злоумышленники къ опредѣленному времени.

Около 6 часовъ вечера, когда уже достаточно стемнѣло, подвода съ почтою проѣзжала мѣсто засады, какъ вдругъ, по ранѣе условленному знаку, двое изъ заговорщиковъ Алексѣй Тихоновъ и Михаилъ Чугуненковъ бросились къ лошади, везшей почту, и схвативъ ее подъ уады, закричали: „стой!“ Трое другихъ Григорій Ящерицынъ, Иванъ Калининъ и Александра Мосалова, переодѣтая въ мужское платье, всѣ вооруженные, открыли стрѣльбу изъ револьверовъ въ сидѣвшихъ въ саняхъ чиновника Радина, почтальона Комкова, стражника Плетенкина и кучера Петрова.

Чиновникъ Радинъ тотчасъ же былъ убитъ пановаль, стражникъ Плетенкинъ тяжело раненъ въ голову и на слѣдующій день умеръ, кучеръ Петровъ, раненый въ грудь на вылетъ, все-же успѣлъ убѣжать отъ грабителей, а почтальонъ Комковъ, вслѣдствіе испуга, лишился сознанія.

Совершивъ ужасныя убійства, грабители захватили три посылки, брезентовый мѣшокъ съ простой и заказной корреспонденціей и скрылись въ близъ расположенномъ лѣсу. Но благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ всѣ они разысканы и заключены подъ стражу.

Въ такомъ видѣ представляется это дѣло по произведенному разслѣдованію. Въ результатѣ его, въ качествѣ наживы:—мѣшокъ съ простою и заказною корреспонденціею. И ради этой наживы смерть двухъ людей и искалѣченіе другихъ двухъ на всю жизнь!

Дешева же жизнь человѣческая въ глазахъ изувѣровъ-„освободителей“, которые, при другихъ условіяхъ и при другой обстановкѣ такъ много говорятъ не только объ уничтоженіи смертной казни, но и о народномъ благѣ, а на дѣлѣ прежде всего думаютъ о собственномъ благѣ, о собственной наживѣ, ради которыхъ охотно жертвуютъ жизнью другихъ, прикрывая свои преступленія моднымъ словомъ: „экспропріація“.

Но въ глазахъ народа эти преступленія всегда будутъ носить прежнія названія: убійства, грабежи, разбои, а преступники, ихъ совершающіе, позорныя прозвища убійць, разбойниковъ и грабителей.

Но оставимъ въ сторонѣ этихъ гнусныхъ преступниковъ и предоставимъ суду высказывать о нихъ свое безпристрастное мнѣніе, мы же посвятимъ наши строки несчастнымъ жертвамъ преступленія, которыя на своихъ маленькихъ постахъ, исполняя долгъ службы Царю и Родинѣ, сложили свои головы.

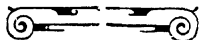
Чиновникъ Песочинскаго почтово-телеграфнаго отдѣленія Василій Николаевичъ Радинъ родился 29 января 1881 года и такимъ образомъ почилъ въ 27 лѣтнемъ возрастѣ, въ самомъ расцвѣтѣ всѣхъ жизненныхъ силъ. Онъ происходилъ изъ мѣщанъ г. Ельца, Орловской губерніи, и, получивъ домашнее образованіе, служилъ по почтовому вѣдомству, вначалѣ въ Луганскомъ почтово-телеграфномъ отдѣленіи, а съ іюля 1906 года по день смерти въ Песоченскомъ.

Младшій стражникъ отряда 1 стана Жиздринскаго уѣзда, Василій Григорьевичъ Плетенкинъ родился въ 1876 году, происходитъ изъ крестьянъ Калужской губерніи, Жиздринскаго уѣзда, Чернышевской волости, села Хотькова. Въ 1897 году онъ отбылъ воинскую повинность во Владивостокскомъ крѣпостномъ пѣхотномъ полку; въ 1902 г. уволенъ въ запасъ арміи старшимъ унтеръ-офицеромъ, участвовалъ въ Китайскомъ походѣ въ 1900—1901 гг. и награжденъ свѣтло-бронзовою медалью; 13 іюля 1905 г., по мобилизаціи, вновь былъ призванъ на дѣйствительную военную службу и вновь уволенъ въ запасъ 19 января 1906 года и въ этомъ-

же мѣсяцѣ назначенъ младшимъ стражникомъ въ с. Песоченскій заводъ.

Этотъ доблестный слуга Родины и Царя погибъ тоже въ цвѣтущемъ возрастѣ (32 лѣтъ) и погибъ на своей-же родинѣ и отъ рукъ своихъ-же земляковъ-односельчанъ, тогда какъ и вражескія пули на далекой нашей окраинѣ въ Китаѣ пощадили его молодую жизнь.

Честъ и слава вамъ маленькіе люди, по своему происхожденію и служебному положенію, но великіе по исполненію принятаго на себя долга; да будетъ Вамъ вѣчная память и да сохраняются навсегда имена Ваши въ памяти народной!

Авраамъ Александровичъ Сафаревичъ.

Начальникъ депо г. Пензы, убитъ 12 сентября 1907 г.

Ночь... Темная сентябрьская ночь... Небо усыяно звѣздами, а на землѣ густой мракъ. Глядятъ эти небесныя очи-звѣзды на грѣшную землю. Видятъ-ли онѣ, что на ней творится, а если видятъ, то отчего не отвернутся отъ нея?

Вотъ за кучей стараго желѣза около желѣзно-дорожнаго пензенскаго депо засѣли двое изъ сознательныхъ мерзавцевъ-товарищей съ браунингами въ рукахъ. Они должны свершить великое дѣло—убить того, кто имъ не велитъ платить трудовыхъ денегъ за то время, когда они пьянствуютъ, кто не разрѣшаетъ имъ устраивать митинговъ для совращенія рабочихъ, кто строго преслѣдуетъ совершаемыя ими кражи.

— Двоихъ такихъ ухлопали, что же съ этимъ стѣсняться что-ли будемъ?—бахвалится одинъ изъ этихъ убійцъ изъ-за угла.

— Молчи, иди!—останавливаетъ другой.

Вдали дѣйствительно слышны шаги...

Смѣло идетъ ихъ начальникъ, спокойной и увѣренной походкой. Совѣсть его чиста. Онъ вѣренъ долгу присяги, данной имъ Царю и Отечеству. Онъ не измѣнникъ и измѣнникамъ не товарищъ. Безоружный и одинокій онъ не знаетъ страха... Но что это значить? Обоихъ вооруженныхъ браунингами и скрытыхъ за кучей желѣза мерзавцевъ-товарищей охватываетъ страхъ, страхъ ужаса. Они какъ въ лихорадкѣ, трясутся руки, стучать зубы. Имъ хочется бѣжать, но ноги отказываются служить...

Боже! Какъ страшно!

О, если-бы эти убійцы вспомнили въ это время Бога, Онъ просвѣтилъ-бы ихъ разумъ. Но они Бога не признаютъ, они поклонники дьявола, его слуги и рабы.

Дрожащими руками, упираясь о желѣзо, начинаютъ они пальбу изъ браунинговъ почти въ упоръ по поравнявшемуся начальнику и съ затаеннымъ дыханіемъ слышать, какъ онъ падаетъ. Они сразу становятся смѣлы, выскакиваютъ изъ засады, выпускаютъ еще нѣсколько пуль въ неподвижное тѣло... Они не признаютъ завѣта храбрыхъ „лежачаго не бьютъ“. Быстро, вѣрные своему призванію, освободители снимаютъ съ убитаго золотые часы и вынимаютъ изъ кармана бумажникъ съ деньгами.

Вдали слышны крики и топотъ бѣгущихъ людей. „Герои-убійцы“ скрываются.

Замигали ясныя звѣзды. Одна, двѣ, три—скатились съ неба чистой огненной слезой и опять стали пристально смотрѣть на грѣшную землю.

Такъ былъ безвинно и предательски убитъ Начальникъ желѣзно-дорожнаго депо въ г. Пензѣ Инженеръ-Технологъ Авраамъ Александровичъ Сафаревичъ 12 сентября 1907 года.

А. А. Сафаревичъ, потомственный дворянинъ Минской губерніи, *магометанскаго* вѣроисповѣданія, родился 10 марта 1873 года, окончилъ Минскую классическую гимназію и Харьковскій Технологическій Институтъ со званіемъ Инженеръ-Технолога. По окончаніи института поступилъ помощникомъ машиниста на линію Москва-Серпуховъ, гдѣ потомъ былъ и машинистомъ. Затѣмъ былъ назначенъ помощникомъ Начальника депо въ Калугѣ. Незадолго до смерти, въ іюнѣ 1907 года былъ назначенъ начальникомъ желѣзнодорожнаго

депо въ г. Пензѣ, гдѣ два его предшественника были убиты рабочими. Вѣрный своему долгу и присягѣ, безукоризненно честный, онъ сталъ требовать того же и отъ своихъ подчиненныхъ. Но послѣдніе вздохи „освободительнаго“ движенія давали себя знать: рабочіе устраивали забастовки и требовали плату за время прогула; имъ отказывали, не боясь угрозъ, митинги въ депо не разрѣшались, беспощадно преслѣдовались кражи (пропадали чуть-ли не цѣлыя части паровозовъ).

Словомъ человекъ честный и съ твердой волей поставилъ дѣло такъ, что мерзавцамъ, мошенникамъ и лѣнтяямъ пришлось туго.

12 сентября послѣ 9 часовъ вечера А. А. Сафаревичъ отправился въ депо для повѣрки, откуда ему не суждено было вернуться. На обратномъ пути его подстерегли убійцы изъ рабочихъ, спрятавшись за кучей стараго желѣза и убили его восемью пулями (всѣ раны сквозныя, одна въ високъ). На улицѣ было пусто. Одинъ жандармъ услышавъ выстрѣлы, бросился въ ихъ сторону и нашелъ только залитое кровью и ограбленное тѣло покойнаго А. А. Сафаревича.

Освободители (отъ честныхъ людей и преданныхъ своему долгу слугъ Государя и Отечества, а также цѣнныхъ вещей и денегъ) бѣжали.

Покойный былъ холостъ. Убитые горемъ старики родители, братья и сестры никогда не забудутъ дѣло рукъ сознательныхъ товарищей.

Покойный Авраамъ Александровичъ былъ *магометанинъ*.

О, если бы наши братья по крови поляки, или инородцы-евреи, были бы такими вѣрными слугами Царя и Отечества какъ магометане! Сколько ихъ полегло вѣрныхъ своей присягѣ, какъ мало среди нихъ измѣнниковъ!

Да будетъ воля Господня! произнесемъ мы, остающіеся пока въ живыхъ и вѣруя, что кровь убитыхъ вопіетъ къ небу. Да будутъ убійцамъ памяты и страшны слова:

„Мнѣ отищеніе и Азъ воздамъ“.

Косьма Павлович Обуховъ, конторщикъ.

Убитый 15 декабря 1906 года.

Великъ народъ Русскій своею любовью къ Отечеству. За святяга начала, на которыхъ покоится сила и счастье Россіи, каждый готовъ принести въ жертву послѣднюю каплю крови. Это сознаніе обязанности своей передъ Отечествомъ проникаетъ въ равной степени всѣ слои народа и всѣ его классы.

На приказчиковъ за время революціоннаго движенія начали смотрѣть какъ на людей ненадежныхъ. Стоящая во главѣ разбойнаго дѣла, партія кадетовъ, созданная для того, чтобы добиться равноправія жидовъ съ остальными 122 народностями въ Россіи, обратила свое особое вниманіе на приказчиковъ. Встрѣтивъ въ нихъ крѣпко вѣрующіхъ православныхъ и преданныхъ Царю своему людей, жида для подготовки изъ нихъ революціоннаго элемента прежде всего постарались возбудить ихъ противъ хозяевъ, подбивая требовать несообразно большой прибавки жалованья и чрезмѣрнаго сокращенія рабочаго дня.

Косьма Павловичъ Обуховъ, несмотря на свои молодые еще годы—ему всего было только 24 года—отлично сознавалъ всю нелѣпость революціонной пропаганды. Будучи родомъ изъ крестьянъ деревни Русскіе Купты, Бияморской

волости, Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, онъ любовно учился въ земской школѣ, находившейся въ Михайловскомъ поселкѣ, Пилинской волости. Окончивъ въ ней курсъ, Косьма Павловичъ не удовольствовался полученными въ ней познаніями и, желая заняться торговымъ дѣломъ, предварительно подготовился къ нему, на курсахъ счетоводства. Изъ этого одного старанія уже сразу видна вся серьезность ума молодого человѣка. При такомъ развитіи революціонная пропаганда не могла быть принята имъ на вѣру, какъ это замѣчается у многихъ легкомысленныхъ людей его занятій, но была переработана имъ своимъ умомъ. Въ результатъ жиды не могли измѣнить его взглядовъ и Косьма Павловичъ Обуховъ въ минуту, когда Господь Вседержитель призвалъ его къ исполненію святаго долга передъ родиной, показалъ себя достойнымъ сыномъ Православной Церкви и самоотверженнымъ гражданиномъ.

Еще въ 1903 году Косьма Павловичъ поступилъ приказчикомъ въ галантерейный магазинъ Саметникова, на Люблинской улицѣ города Омска. Его вскорѣ же за аккуратность и трудолюбіе сдѣлали конторщикомъ при магазинѣ.

Во время революціонной смуты городъ Омскъ и вся Акмолинская область наполнились массою ссыльныхъ бродягъ, которые, сами не трудясь, подстрекали къ тому же и другихъ, призывая ихъ вмѣсто добыванія себѣ куска хлѣба править лучше всей Россіей. Когда губернаторомъ Акмолинской области былъ назначенъ генераль-маіоръ Литвиновъ, только что водворившій порядокъ въ охваченныхъ революціонными замыслами губерніяхъ—Курской и Ставропольской, онъ съ небольшимъ отрядомъ пропелъ по области, успокоилъ населеніе и затѣмъ энергично принялся за водвореніе порядка въ краѣ. Революціонеры уже давно искали случая его убить и 15 декабря 1906 года злодѣйскій замыселъ имъ удался. Губернаторъ, хотя и зналъ о замышляющемся его убійствѣ, относился совершенно равнодушно къ угрозамъ убить его и продолжалъ одинъ, безъ всякой охраны, посѣщать пѣшкомъ областное правленіе послѣ полудня. Въ роковой день къ шедшему въ областное правленіе губернатору подѣхали сани съ тремя сѣдоками и начали его раз-

стрѣливать изъ револьверовъ. Когда губернаторъ, смертельно раненый, упалъ, убійцы, бросились бѣжать въ разныя стороны. За ними кинулись въ погоню казаки. Преступники знали про проходной дворъ при магазинѣ Саметникова съ Люблинскаго проспекта въ улицу Мокрая, и двое изъ нихъ направились туда, рассчитывая, благодаря узкимъ переулкамъ, быстро скрыться. Слѣдомъ за ними летѣлъ казакъ. Убійцы вбѣжали во дворъ Саметникова, гдѣ, какъ разъ въ это время, проходилъ и Косьма Павловичъ, неся накладную въ товарное помѣщеніе магазина. Услышавъ крикъ казака „Держи! Держи!“ Косьма Павловичъ обернулся и увидѣлъ двухъ злодѣевъ съ револьверами въ рукахъ спасавшихся отъ погони. Онъ сразу понялъ, что это убійцы. Не колеблясь ни минуты, храбрый молодой человекъ бросился догонять злодѣевъ. Они начали въ него стрѣлять, но это еще больше пробудило отвагу въ Косьмѣ Павловичѣ. Съ прострѣленной рукой онъ схватилъ убійцъ. Тѣ осыпали его рядомъ выстрѣловъ. Двѣ пули попали ему въ бокъ и онъ свалился, чѣмъ и воспользовались злодѣи, чтобы скрыться.

По промыслу Божію К. П. Обуховъ не могъ поспособствовать наказанію злодѣевъ, но онъ далъ имъ за то понять, что народъ вовсе не на ихъ сторонѣ и не только не благодаренъ имъ за ихъ преступленіе, но самъ же, жертвуя даже жизнью, готовъ отдать злодѣевъ въ руки правосудія. Сознаніе исполненнаго народнаго долга освѣтило предсмертные часы Косьмы Павловича и облегчило ему послѣднія земныя страданія.

Раненаго Обухова отвезли въ городскую больницу. Тамъ онъ тотчасъ потребовалъ священника и съ умиленною душою причастился Святыхъ Тайнъ Господа нашего Иисуса Христа. Святое причащеніе успокоило душу славнаго представителя приказничьяго сословія. Къ смертному одру его въ это время прибыла его родная мать Васса Васильевна. Косьма Павловичъ былъ еще холостъ. Онъ съ нѣжностью заботился о родныхъ и приближавшіяся минуты смерти побудили его вспомнить, исполнилъ ли онъ передъ семьею своею сыновній долгъ?

— Мама, — простоналъ онъ—я честно трудился. Я хотѣлъ помочь семьѣ, но злодѣи... меня убили. Я исполнялъ только долгъ свой. Какъ мнѣ хорошо! Какъ я покоенъ: Господь сподобилъ меня Святыхъ Тайнъ“.

Неутѣшная мать слезами своими оросила лицо любимаго сына, а черезъ 7 часовъ послѣ пораненія Косьмы Павловича Обухова не стало.

Погребенъ онъ на Шепелевскомъ кладбищѣ гор. Омска.

Никифоръ Григорьевичъ Славинъ. Федоръ Станиславовичъ Галясевичъ.

Чины кievскаго охраннаго отдѣленія, убиты въ гор. Кievѣ 11-го декабря 1905 года.

Странно, и подчасъ страшно судьба сближаетъ двухъ людей, родившихся въ разныхъ губерніяхъ, проведенныхъ не только молодость, но и всю военную службу совершенно не зная другъ друга, а между тѣмъ, нашедшихъ себѣ смерть одновременно, рядомъ, какъ два брата изъ общей семьи беззавѣтныхъ слугъ Россіи и Царя.

Молодой Никифоръ Славинъ, всего 29 лѣтъ отъ роду, былъ младшимъ запаснымъ унтеръ-офицеромъ с.-петербургскаго жандармскаго дивизиона; онъ уроженецъ села Лысовки, Ключевской волости, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

На семь лѣтъ старше его, Федоръ Галясевичъ былъ запаснымъ старшимъ унтеръ-офицеромъ 168 пѣхотнаго Мир-

городскаго полка и родился въ селѣ Большомъ-Жеребкѣ, Купелевской волости, Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губерніи.

Оба они встрѣтились въ Кіевѣ на службѣ въ кіевскомъ охранномъ отдѣленіи... и оба погибли вмѣстѣ 11 декабря 1905 года при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Съ того времени прошло три года, многое уже успѣло забыться, или смягчиться въ памяти нашей, но достаточно припомнить, что происходило въ концѣ 1905 года, когда повсемѣстныя забастовки угрожали совершенно подорвать всю государственную жизнь нашего отечества, и предъ нами несомнѣнно съ прежнею яркостью возникнутъ старыя картины ужаса, и общей распущенности. Казалось, что всѣ нечистыя злодѣйскія силы соединившись въ тѣсное кольцо, вотъ вотъ, готовы были одолѣть правое дѣло, наведя столбнякъ на всѣхъ слабыхъ духомъ, на всѣхъ колеблющихся и недостаточно твердыхъ.

Но во всѣхъ уголкахъ Россіи еще были живы русскіе люди, крѣпкіе сознаниемъ своего долга, готовые жизнь свою положить за исполненіе присяги и которыхъ не смущала никакая опасность.

Къ числу такихъ людей принадлежали Славинъ и Галасевичъ. 11 декабря 1905 года около Кіева должна была состояться сходка членовъ „Совѣта рабочихъ депутатовъ и представителей кіевскихъ преступныхъ организацій“, чтобы окончателно рѣшить начать на слѣдующій день всеобщую забастовку въ г. Кіевѣ и примкнуть къ такой же забастовкѣ въ другихъ городахъ Россіи. Революціонеры окружали свои дѣйствія глубокою тайною и мѣсто сходки сохранялось въ полномъ секретѣ; извѣстно было только, что участники сходки должны были явиться утромъ въ одинъ трактиръ на Брестъ-Литовскомъ шоссе, и лишь тамъ получить дальнѣйшія указанія относительно самого мѣста сборища.

Сходка главарей кіевской партіи безпорядка и революціи получала очень большое значеніе, ея успѣхъ угрожаль спокойствію и благополучію огромнаго города и властями было рѣшено задержать участниковъ сходки, когда они соберутся. Для этого надо было прослѣдить самое мѣсто со-

бранія и это опасное дѣло было поручено Славину и Галясевичу. Имъ пришлось вдвоемъ идти въ глухую окраину Кіева, въ самое логовище врага, хитраго, осторожнаго и безпощадно жестокаго.

Окраина эта населена преимущественно заводскими рабочими, тогда еще совершенно отуманенными лживыми обѣщаніями самозванныхъ народныхъ благодѣтелей, сумѣвшихъ съ выгодною для себя использовать такое настроеніе рабочихъ и организовать изъ нихъ послушныхъ себѣ слугъ.

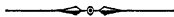
Присутствіе на улицѣ двухъ новыхъ лицъ было замѣчено, о немъ доложено зачинщикамъ сходки и сходку было рѣшено отмѣнить.

Но на этомъ одномъ не остановились озлобленные неудачею революціонеры; по предложенію одного изъ нихъ было постановлено убить помѣшавшихъ имъ Славина и Галясевича. Ихъ быстро окружили на улицѣ, сбили съ ногъ, избили до безчувствія и затѣмъ выстрѣлами въ грудь и сердце покончили съ ними.

Если почетно найти себѣ смерть на полѣ брани, въ открытомъ бою отъ явнаго врага, то не менѣ славно умереть на службѣ Родины, отстаивая ее отъ посягательствъ внутренняго предателя, еще болѣе опаснаго своимъ коварствомъ и неуловимостью.

Славинъ и Галясевичъ свято исполнили свой долгъ и русскіе люди, чтя ихъ память, могутъ только въ назиданіе потомству благодарственно отмѣтить ихъ подвижническую кончину и молитвенно помянуть имена рабовъ Божіихъ Федора и Никифора.

Своимъ примѣромъ эти скромные служители Россіи лучше всякихъ доводовъ доказываютъ, что силенъ духъ народа русскаго, а вмѣстѣ съ нимъ сильна и Россія.

Георгій Кирилловичъ Доброходовъ.

Общество маленькаго, затерявашагося въ далекой Сибирской глуши, городка Барнаула было сильно взволновано:

— Помилуйте...—говорили растерявшіеся и недоумѣвающие старожилы,—возможны-ли такія безобразія?.. И что это за времена пошли, прости Господи!.. Бывало, жили себѣ мирно да спокойно, тишь да гладь, Божья благодать... А теперь? Среди бѣлаго дня грабежи, убійства, безчинства!.. Раньше и подумать только объ этомъ страшно было, а нынче всё эти безобразія стали обыкновеннымъ дѣломъ, покою отъ нихъ мирнымъ жителямъ нѣтъ... Того и гляди самого укокошать... И чего только это полиція смотреть!..

Такіе возмущенные разговоры то и дѣло слышались среди встревоженныхъ обывателей Барнаула.

И дѣйствительно: въ ихъ мирномъ захолустномъ городкѣ стало твориться что-то неладное... Среди знающихъ, почти всѣхъ другъ-друга въ лицо жителей Барнаула, стали появляться какіе-то странные, новые для Сибири типы, полуин-

тедлгентаго вида. Все это были агенты крѣпко засѣвшей и обнаглѣвшей въ Россіи революціи, которыхъ по необъяснимымъ причинамъ и своеобразнымъ государственнымъ соображеніямъ, само русское правительство разсылало по всѣмъ захолустнымъ городкамъ государства и преимущественно въ Сибирь и Сѣверную Россію для водворенія на жительство, въ качествѣ ссыльныхъ по политическимъ преступленіямъ на революціонной подкладкѣ. Вполнѣ естественно, что, расплзаясь по лицу земли Русской на казенный счетъ, эти адепты революціи, распространяли свои революціонныя идеи и весьма успѣшно вербовали въ число своей авархической арміи „новобранцевъ“.

Всѣ эти ссыльные повсюду въ мѣстахъ своего водворенія, собирали вокругъ себя любопытную толпу, съ недоумѣніемъ, а иногда и съ интересомъ слушающую льстивыя, медовыя, многообѣщающія рѣчи революціонныхъ ораторовъ.

Громкія, увлекательныя слова „свобода, полное равенство, нѣтъ больше богатыхъ и бѣдныхъ, всѣ братья и т. п.“, лились нескончаемымъ потокомъ изъ краснорѣчивыхъ устъ агитаторовъ... Тутъ же раздавались „освободительнаго“ содержания брошюрки и книжечки, тракующія объ націонализациі земли и имуществъ. Однимъ словомъ, пропаганда революціонныхъ идей и развращеніе ими населенія на казенный счетъ шли во всю. Нѣкоторые здравые умомъ и сердцемъ, съ твердо установившимся догматомъ жизни и правды, лица съ улыбкой презрѣнія и одновременно съ любопытствомъ выслушивали и читали революціонныя воззванія, а у другихъ, какъ въ баснѣ дѣдушки Крылова „Ворона и Лисица, отъ словъ лисицы „вскружилась голова, въ зобу дыханіе сперло“...

Такіе митинги стали не рѣдкостью и въ Барнаулѣ, куда тоже во множествѣ были сосланы лица, замѣшанныя въ революціонныхъ преступленіяхъ. И здѣсь подобные митинги исподволь дѣлали свое дѣло. Ядовитыя, зловредныя рѣчи оставляли развращающіе слѣды въ нѣкоторыхъ умахъ, и постепенно добрые нравы Барнаульцевъ замѣтно стали портиться... Распушенность, пьянство, наглья, дерзкія рѣчи, позорящія Имя Царя Самодержца и существующій пра-

вительствующій строй, сдѣлались обычнымъ явленіемъ, а разнузданныя рѣчи погрясали воздухъ безъ удержа.

Наиболѣе замѣтныхъ ораторовъ полиція арестовывала, но на ихъ мѣсто появлялись новые ораторы и вожди, и опять рѣчи лились и вливали революціонный ядъ въ сердца и умы слушателей.

Зло упорно гнѣздилося въ Барнауль, и его, какъ муху, выгоняли въ окно, а оно влетало въ дверь... И такъ безъ конца...

Почва въ Барнауль для революціонной пропаганды была особенно благоприятна, такъ какъ среди жителей этого городка было много политическихъ ссыльныхъ, „пострадавшихъ“ за свои либеральныя убѣжденія. Съ развитіемъ революціоннаго движенія въ Россіи, всѣ эти самозваные борцы за свободу, воспрянули духомъ и дѣятельно принялись за „освободительную агитацію“ въ мѣстахъ ихъ ссылки. Въ ряды анархической арміи особенно охотно становился тотъ сбродъ, бродячій, безработный, ссыльно-каторжный, который зовется „отребьемъ общества“. Имъ терять нечего, такъ какъ все, что было у нихъ свѣтлаго, чистаго, честнаго, давно уже потеряно, а жить всетаки хочется и надо... Удобный случай представлялся, тѣмъ болѣе, что они могли на этомъ поприщѣ, чѣмъ вибудь пожить... Для этого надо было принимать активное участіе въ борьбѣ съ „ненавистнымъ правительствомъ“ и въ добычаніи средствъ для этой борьбы.

Программа революціонной дѣятельности очень проста. Для успѣха каждаго дѣла прежде всего требуются деньги. Въ этомъ отношеніи и русская революція не была исключеніемъ. Сначала ее субсидировали заграничныя еврейскіе капиталы, затѣмъ ее начали подкрѣплять капиталы нашихъ русскихъ измѣнниковъ, мечтавшихъ продажей своей Родины купить себѣ громкое имя „въ исторіи освободительнаго движенія“. Для революціи въ такой огромной странѣ, какъ Россія, требовались и огромныя денежныя средства. Когда изсякли всѣ указанные источники, революція перешла къ принципу поудительнаго отчужденія частной собственности. И въ то время, какъ „кадеты“ отравляли умы нашей

чахлой, умственно убогой интеллигенціи идеями о понудительномъ отчужденіи земли и капиталовъ, г.г. революціонеры очень скоро перешли отъ словъ къ дѣлу, рѣшивъ на опытъ провѣрить тезисы „кадетской“ этики. Начались аграрные беспорядки, „Герценштейновскія“ иллюминаціи, а наряду съ этимъ и обыкновенные грабежи на большихъ дорогахъ, прикрываемые маской громкаго имени „экспропріація“. Для революціонеровъ ясно было, что прямымъ, честнымъ путемъ денегъ они получить не могутъ, значитъ надо было добывать ихъ насильно, т. е. попросту грабить тѣхъ, у кого эти деньги были.

И въ страницы исторіи города Барнаула, доселѣ мирной и однообразной, стали записываться небывалые возмутительные случаи грабежей и убійствъ въ самомъ городкѣ и его окрестностяхъ. Эти „экспропріаціи“ совершались при каждомъ удобномъ случаѣ. По просту грабили, не разбирая: имѣеть-ли ограбляемый свои деньги или чужіе. Въ-стѣ съ тѣмъ подъ флагомъ революціи совершалась масса мелкихъ грабежей и убійствъ. Человѣческая жизнь не имѣла цѣны; человѣка убивали и за десятки тысячъ и за двугривенный. Большею частью нападению подвергались во имя „свободы, равенства и братства“ несчастные, ни въ чемъ неповинные артельщики и сборщики и т. п., но все какъ-то неудачно: Барнаульскимъ экспропріаторамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія въ продолженіе трехлѣтняго періода нашей революціи, никакъ не удавалось обогатить кассу революціи крупными суммами: грабители, или сами попадались въ руки полиціи, или встрѣчали энергичный отпоръ, и покушеніе не удавалось. Но горячее рвеніе активныхъ дѣятелей „освободительнаго движенія“, несмотря на всѣ его неудачи, не остывало, а наоборотъ, современные грабители какъ будто еще болѣе вдохновлялись и наводили ужасъ и страхъ на мирныхъ обывателей Барнаула.

Былъ полдень 4-го іюня 1908 года. Земля дышала горячимъ дыханіемъ отъ жаркихъ лучей лѣтняго солнца... Медленно, будто нехотя, плыли бѣлыя, пушистыя облака... Ласковый вѣтерокъ не давалъ прохлады... Ослѣпительно сверкала рѣка... Лѣсъ синѣлъ вдаль... Неширокая проселоч-

ная дорога бѣжала впередъ и терялась гдѣ-то за холмомъ. Звенѣлъ колокольчикъ... По дорогѣ мелкой рысцой бѣжали маленькія, но сильныя сибирскія лошадки, подгоняемыя ямщикомъ. Въ небольшой телѣжкѣ двое сѣдоковъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ формѣ стражника, усталые отъ дороги и жары, изрѣдка перекидывались словами... Было душно и жарко...

— Скоро-ли доѣдемъ до села Повалишинскаго, Иванъ?— спросилъ у ямщика одинъ изъ сѣдоковъ, Георгій Кирилловичъ Доброходовъ, сборщикъ казенныхъ винныхъ лавокъ, везшій казенныя деньги въ село Повалиху.

— Да что-жь... Вонъ оно и видно, теперь недалече... Охъ, батюшки, какъ жарко!.. И кони-то, сердечные, умялись... Но-о, голубчики!..—крикнулъ ямщикъ на лошадокъ.

Село, дѣйствительно, было уже недалеко. Золотой крестъ на церкви ярко блестѣлъ на солнцѣ... Виднѣлись крыши избъ...

Доброходовъ со стражникомъ о чемъ-то говорили и незамѣтили, какъ какой-то человекъ перебѣжалъ дорогу. Не успѣли они опомниться, какъ изъ-за придорожныхъ кустовъ раздались выстрѣлы... Испуганныя лошади сильно дернули впередъ и понеслись стремглавъ подъ гору къ селу... При толчкѣ изъ телѣжки упалъ смертельно раненый Доброходовъ и остался лежать на дорогѣ, въ безсознательномъ состояніи, обливаясь кровью...

Грабители не успѣли ничѣмъ поживиться, такъ какъ подоспѣли, ѣхавшіе съзади крестьяне, а черезъ нѣсколько времени изъ села прискакала охрана, поднятая на ноги тревожнымъ сообщеніемъ спасшихся ямщика и стражника.

Несчастнаго Доброходова повезли въ Барнаульскую больницу, гдѣ онъ черезъ два дня, т. е. 6-го іюня скончался.

Покойный Георгій Кирилловичъ Доброходовъ, происходилъ изъ крестьянской семьи, родомъ изъ Тверской губерніи, Весъегонскаго уѣзда, Михайловской волости, деревни Іонова. По окончаніи уѣзднаго училища, Доброходовъ, обладая рѣшительнымъ и самостоятельнымъ характеромъ, поставилъ себѣ цѣлью выбиться изъ темной крестьянской среды и вступилъ на трудный и незамѣтный путь, млад-

шихъ чиновъ административно-служебной организаціи. Несмотря на революціонное время и сопряженную съ нимъ опасность, ежеминутно подвергнуться нападенію со стороны самозванныхъ „освободителей, если самъ не стоишь въ ихъ рядахъ, не держишься ихъ взглядовъ и не кричишь на стогнахъ и перекресткахъ о благѣ ихъ туманныхъ идей,

Георгій Кирилловичъ не побоялся взять на себя рискованную обязанность сборщика казенныхъ винныхъ лавокъ, въ Томскомъ округѣ. Заручившись для этого свидѣтельствомъ Петербургской Амбургерской биржевой артели, Доброходовъ явился въ Томскъ и безукоризненно исполнялъ возложенные на него порученія, несмотря на весь революціонный адъ, который кипѣлъ вокругъ него въ районѣ города Томска. Судьба первое время хранила Георгія Кирилловича, и онъ съ неутомимымъ рвеніемъ продолжалъ свою службу въ городѣ Барнаулѣ, пока, наконецъ, злодѣйская пуля не сразила его молодую жизнь. Ему было всего 38 лѣтъ, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья... Но вампирамъ революціи понадобились деньги для «освободительной борьбы», и они, не задумываясь, стерли его съ лица земли, оставивъ безъ всякаго призора и помощи его молодую жену и двоихъ малолѣтнихъ дѣтей.

Безвременно и неожиданно погибъ бѣдный Георгій Кирилловичъ, погибъ безсмысленной жертвой революціоннаго произвола, только за то, что «освободителямъ» понадобились тѣ 18.000 казенныхъ денегъ, которыя онъ везъ съ собою.

Деньги стали дороже человѣческой жизни, которую уничтожаютъ не задумываясь, однимъ ударомъ, чтобы преодолѣть препятствіе, мѣшающее исполненію злодѣйскаго замысла.

Составъ редакціонной комиссіи „Книги Русской
Скорби“ при Главной Палатѣ Русскаго Народнаго
Союза имени Михаила Архангела.

Предсѣдатель комиссіи:

Пуришкевичъ, Владиміръ Митрофановичъ.

Секретарь комиссіи:

Казаринова, Надежда Алексѣевна.

Ч Л Е Н Ы:

- 1) Бородинъ, Михаилъ Михайловичъ.
- 2) Балаклѣвъ, Иванъ Ивановичъ.
- 3) Башинскій, Борисъ Петровичъ.
- 4) Буксгевденъ, графъ, Александръ Анатольевичъ.
- 5) Бурнашевъ, Сергѣй Николаевичъ.
- 6) Балицкій, Левъ Алексѣевичъ.
- 7) Балицкая, Марія Ѳадеевна.
- 8) Бодиско, Дмитрій Михайловичъ.
- 9) Отець Александръ Вераксинъ.
- 10) Вязигинъ, Андрей Сергѣевичъ.
- 11) Воейковъ, Сергѣй Валеріановичъ.
- 12) Гершельманъ, Дмитрій Ѳедоровичъ.
- 13) Гершельманъ, Романъ Робертовичъ.
- 14) Головинъ, Константинъ Ѳедоровичъ.
- 15) Губченко, Михаилъ Алексѣевичъ.

- 16) Грузевичъ-Нечай, Алексѣй Николаевичъ.
- 17) Даниловъ, Георгій Георгіевичъ.
- 18) Дитрихъ, Марія Николаевна.
- 19) Жеденовъ, Николай Николаевичъ.
- 20) Кривошеина, Елена Геннадіевна.
- 21) Кавелинъ, Александръ Александровичъ.
- 22) Казариновъ, Валеріанъ Валеріановичъ.
- 23) Леонтъевъ, Иванъ Сергѣевичъ.
- 24) Ладомирскій, Николай Николаевичъ.
- 25) Облеухова, Софія Львовна.
- 26) Образцовъ, Василій Афиногеновичъ.
- 27) Ососовъ, Андрей Васильевичъ.
- 28) Пашутина, Ольга Васильевна.
- 29) Пеневскій, Фѳдоръ Викентъевичъ.
- 30) Плеве, Николай Вячеславовичъ.
- 31) Самокишъ-Судковская, Елена Петровна.
- 32) Скугаръ-Скварская, Августа Константиновна.
- 33) Сопоцько-Сырокомля, Михаилъ Аркадъевичъ.
- 34) Соколовскій.
- 35) Скворцовъ, Василій Михайловичъ.
- 36) Сезеневскій, Борисъ Андреевичъ.
- 37) Тимошкинъ, Фѳдоръ Фѳдотовичъ.
- 38) Федоровскій, Борисъ Андреевичъ.
- 39) Шавровъ, Николай Николаевичъ.
- 40) Шаховской, князь, Михаилъ Львовичъ.
- 41) Щечковъ, Георгій Алексѣевичъ.
- 42) Штейнъ, Владиміръ Александровичъ.
- 43) Шулъгинъ, Василій Витальевичъ.
- 44) Шулъгина, Екатерина Григоръевна.
- 45) Юрьевъ, Сергѣй Владиміровичъ.
- 46) Юткевичъ, Наталья Михайловна.
- 47) Якушевъ, Дмитрій Павловичъ.
- 48) Чегодаевъ, князь, Алексѣй Павловичъ.

Оглавленіе.

	Стр.
1) Высокопреосвященный Никонъ, экзархъ Грузин	1
2) Ланчинъ, рядовой л.-г. Кекегольм. полка	60
3) Гольцевъ, полицмейстеръ г. Съдлеца	65
4) Лукашевичъ, городской г. Ломжи	69
5) Кононовъ, приставъ г. Къльцы.	71
6) Гредингеръ, помощникъ врачебнаго инспектора	73
7) Стригинъ, жандармскій унтеръ-офицеръ	77
8) Графъ Игнатъевъ, членъ Государст. Совѣта	79
9) Ярошь, земскій стражникъ Чернигов. губ.	91
10) Шумовъ, капитанъ II ранга.	94
11) Ждановъ, городской Лодзинской полиціи	102
12) Полковниковъ, генераль-маіоръ.	105
13) Казачковскій, городской	112
14) Блокъ, самарскій-губернаторъ	114
15) Тимофеевъ, служитель Казанскаго Университета	123
16) Петровъ, лѣсничій Кълецкой губ.	127
17) Издебскій, и Пустовойтовъ, околоточные надзиратели	129
18) Ульянинъ, генераль-маіоръ.	131
19) Вакулюкъ, городской Лодзинской полиціи.	136
20) Колпиковъ, полицмейстеръ Александровска-Грушевскаго.	138
21) Семенюкъ, старшій стражникъ Кълецкой губ.	147
22) Боярекій, капитанъ II ранга	149
23) Бочковъ, стражникъ Варшавской полиціи	
24) Ивановъ, начальникъ Петербургской одиночной тюрьмы	164
25) Радинъ, почтово-телеграфный чиновникъ и Плетенкинъ, младшій стражникъ.	181
26) Сафаревичъ, начальникъ Депо г. Пензы	185
27) Обуховъ, конторщикъ изъ г. Омска.	188
28) Славинъ и Голясевичъ, чины Кіевскаго охраннаго отдѣленія	190
29) Доброхотовъ, сборщикъ денегъ винныхъ лавокъ	195

